

Индекс П8643

2
2021

РОССИЯ XXI 2021 2

РОССИЯ XXI

2.2021 март-апрель

Геоглобалистика

Левон Сафарян

История зарождения курдского вопроса
в Ираке: от истоков до диктатуры Саддама Хусейна ___ 6

Ярлыки и мифы

Андрей Юрганов

Странная сатирическая картинка в журнале
«Крокодил» и политическая борьба на
октябрьском пленуме ЦК ВКП(б) в 1927 году _____ 28

Страницы истории

Олеся Плех

«Покорнейше прошу, почтенный
благодетель...»: неформальные отношения
власти и бизнеса в первой четверти XIX в. _____ 42

Елена Жбанкова

Русский бал XIX – начала XX вв.:
что и как продолжали танцевать наши предки _____ 58

Ресурсы нации

Евгения Лупанова

Часы работы лейтенанта флота Егора
Овцына – уникальный экспонат
Кунсткамеры XIX века _____ 84

Россия в мире

*Виктория Груздинская,
Михаил Ковалев*

«Издание книги на немецком языке
могло бы нанести за границей серьезный
ущерб доброму имени советской науки»:
советские и чехословацкие антиковеды
в споре о плагиате (1950-е гг.) _____ 94

Актуальный архив

Михаил Зеленов

НКВД между политической риторикой
и военным ведомством. Переписка
наркома по иностранным делам
Г.В.Чичерина и председателя СНК
В.И.Ленина в 1919–1920 гг. _____ 114

*Любовь Писарькова,
Анна Горячева*

Жизнь в Донбассе 1920–1930-х гг.
Из воспоминаний Ф.А.Писарькова __ 138

Олег Волобуев

Война в детской памяти и в памяти
прожитых лет _____ 158

Contents in English look at the page 184

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;
Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Петрова И.Н.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).
Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).
Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типोगрафии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Кто борется, может проиграть;
кто не борется, уже проиграл.

Бертольт Брехт

Величие нации вовсе
не измеряется ее численностью,
как величие человека
не измеряется его ростом.

Виктор Гюго

Левон Сафарян

ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ КУРДСКОГО ВОПРОСА В ИРАКЕ

ОТ ИСТОКОВ
ДО ДИКТАТУРЫ
САДДАМА ХУСЕЙНА

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
94(5)

В статье рассматриваются основополагающие причины зарождения курдского конфликта в Ираке. Анализируются ключевые этнические, социальные, политические и экономические причины, приведшие к нарастанию противоречий между курдским населением Ирака и центральным правительством в Багдаде. Исследуются основные этапы становления курдского движения во главе с кланом Барзани, а также причины расхождений между Барзани и Талабани. Делается вывод о том, что курдское движение в Ираке стало следствием нарастания внутренних противоречий, заложенных в самом основании иракской государственности.

This article examines the underlying causes of the emergence of the Kurdish conflict in Iraq. It analyzes the key ethnic, social, political, and economic causes that have led to growing tensions between Iraq's Kurdish population and the central government in Baghdad. The article explores the main stages of the formation of the Kurdish movement led by the Barzani clan, as well as the reasons for divergences between Barzani and Talabani. The conclusion is drawn that the Kurdish movement in Iraq was the result of growing internal contradictions at the root of Iraqi statehood.

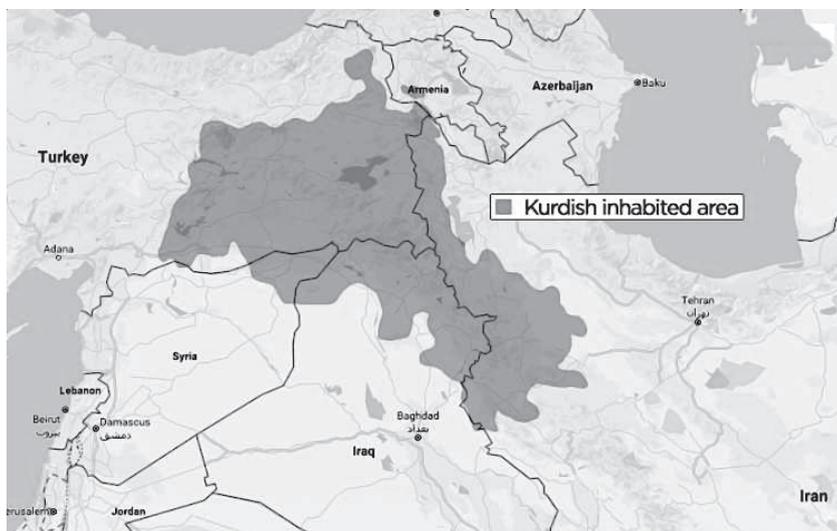
Ключевые слова: курды; Ирак; Барзани; Талабани; Саддам Хусейн; курдское движение; курдский национализм.

Key words: Kurds; Iraq; Barzani; Talabani; Saddam Hussein; the Kurdish movement; Kurdish nationalism.

E-mail: s-levon99@mail.ru

Понятие «Курдистана»: «призрак» на Ближнем Востоке

Со времен раздела Курдистана, который многими исследователями рассматривается как этногеографическое, а не политическое понятие [1, с. 7], именно Южный (Иракский) Курдистан стал «центром этногенеза курдского народа», где «формировались первые очаги курдской государственности» [3, с.205]. Ключевыми районами компактного проживания курдов в Ираке, которые должны были стать одной из экономических основ будущего иракского государства, а также – британского влияния, являлись Эрбиль, Сулеймания, Киркук, Дохук и Захо, входившие в Мосульский вилайет. 1930-е годы ознаменовались началом борьбы курдов Ирака против Хашимитского режима, являвшегося проводником интересов англичан в регионе.

Карта расселения курдов на Ближнем Востоке

Важным фактором стало постепенное формирование курдской мелкой буржуазии, для которой использование понятия “kurdayeti” означало демонстрацию курдской самости, идентичности [1, с. 171]. Сохранение племенного самосознания частично вытеснялось национальными мотивами, которые явились катализатором к политической борьбе за независимость. Важно отметить, что «фактическое обретение Ираком

независимости от Англии стимулировало всплеск национально-освободительного движения местных курдов» [7]. Именно в этот период начинаются контакты вождей иракских курдов со своими сирийскими и турецкими собратьями из организации «Хойбун», что стало дополнительным катализатором к складыванию собственного политического и национального самосознания.

Первыми ростками этого процесса считаются восстания 1930–1931 гг. Лидером одного из восстаний курдов выступил Махмуд Барзанджи, а основным мотивом протестов явился факт того, что в англо-иракском договоре 1930 г., который предусматривал независимость Ирака, не было никакого упоминания о правах курдов. Однако настоящим центром национально-освободительного движения иракских курдов можно назвать район Барзана на севере страны, представители которого, братья Ахмед и Мустафа, стали в будущем вождями курдов Ирака.

**Восстание Барзани:
первый курдский «звоночек»
для Багдада**

Ахмед Барзани возглавил восстание 1931 г., начавшееся к северо-западу от Ревандуза. Особенно интересно, что шейх Ахмед, принадлежавший

к религиозному ордену Накшбанди, сумел наладить контакты с христианами-ассирийцами. Однако этот шаг привел к расколу в самой среде курдов: шейх Рашид обвинил Ахмеда в ереси и отступничестве от норм ислама [1, с. 173]. Все это привело к тому, что уже зимой 1931 г. иракская регулярная армия при поддержке британской авиации разгромила восстание. В результате серии восстаний, продолжавшихся до 1935 г., братья Барзани были сосланы в Сулейманию. Во многом тогда и началось формирование Мустафы Барзани как истинного лидера всего курдского движения в Ираке.

Понимая потенциальные риски, связанные с недовольством курдов, иракское руководство стремилось изнутри расколоть само курдское общество: активно использовались межплеменные и межклановые противоречия, а также контакты с молодой курдской буржуазией, представителей которых официальные власти в Багдаде допускали к административным органам и шли на некоторые уступки в вопросах печати. Так, в период 1920–1930-х гг. в Южном Курдистане было издано порядка 95 книг на курдском языке, среди которых – «Зари курманджи» («Курдский язык»), журналы «Жин» («Жизнь») и «Шилан», газета «Азади» («Свобода») и другие. Зачастую издателями становились курды

из среды городской интеллигенции, военных и служащих из Киркука и Сулеймании. Там же в 1938 г. было сформировано общество «Хива» («Надежда»), лозунгом которой стало создание автономного Курдистана в составе иракского государства. Именно они становились инициаторами налаживания связей с турецкими, сирийскими и иранскими курдами, что закономерно вело к окончательному вытеснению племенных мотивов национальными.

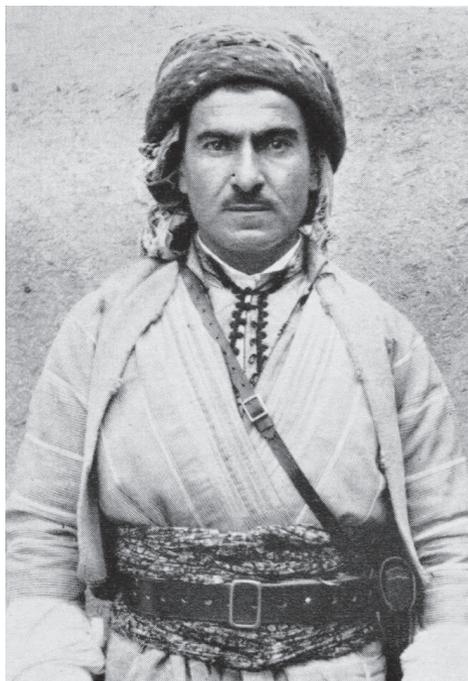
Курдские регионы в Ираке

Однако многие выступления курдов в 1920–1930-х гг. вплоть до конца 1940-х гг. были обречены на провал во многом из-за преобладания все еще сугубо клановых причин, которые отражали интересы племенных шейхов, мысливших феодальными категориями, а не общенациональными. Стоит отметить, что этот фактор является бичом курдского движения по сей день. Отдельной прослойкой являлись так называемые «багдадские курды, оторванные от своего народа, не пользовавшиеся у него авторитетом» [3, с.208]. 1930–1940-е гг. стали переломными в курдском движении в целом и в Ираке в частности. Ведь именно в этот период происходило «наполнение крупных городов сезонными рабочими, что в конечном итоге вело к актуализации этнического ирредентизма и, как следствие, росту национального самосознания курдов Ирака» [1, с.175].

**Начальный этап
кристаллизации курдского
движения в Ираке**

В период Второй Мировой войны Ирак также стал местом политической борьбы между Третьим Рейхом и Великобританией. Произошедший

в 1941 г. мятеж прогерманского деятеля Рашида аль-Гайлани против британского режима во главе с одиозным премьер-министром Нури Саидом, в результате которого англичане ввели свои войска в Ирак, также вызвал некоторые разногласия и в среде самих курдов. Часть из них поддержала аль-Гайлани ввиду того, что он, будучи арабом, входил в организацию «Хива», выступал за сотрудничество между иракскими арабами и курдами, а также являлся ярким противником англичан, которые сыграли немалую роль в подавлении курдского движения в Ираке. По этой причине некоторые племена, выступившие на стороне аль-Гайлани, обратились к братьям Барзани. Однако шейх Ахмед отказался участвовать в мятеже, справедливо опасаясь, что таким образом «англичане пытаются столкнуть курдов и арабов» [2, с.35].

Мустафа Барзани – один из лидеров курдского движения, первый председатель Демократической партии Курдистана (ДПК)

В итоге Нури Саиду удалось удержать пробританский Хашимитский режим в Ираке. Однако летом 1943 г. Мустафа Барзани бежал из Сулеймании в Ревандуз, который считался местом расселения племени Барзан. Именно тогда Мустафа выдвинулся на первый план, оттеснив своего брата Ахмеда, что стало неожиданностью для властей в Багдаде. Курдское движение получило не просто лидера, но и символ в лице Мустафы Барзани, возглавившего его с 1940-х гг. вплоть до своей смерти в 1979 г. Тогда же оформились первые четкие требования Барзани, ставшие программой действия всего движения курдов Ирака [1, с. 180]:

- *Создание курдской автономной провинции в Ираке в составе Киркука, Сулеймании, Эрбиля и мест компактного проживания курдов в Мосуле (Дохук, Акра, Амадия, Захо, Синджар, Шайхан) и в Дияле (Ханакин).*
- *Принятие курдского языка в качестве второго официального языка в Ираке.*
- *Назначение курдского представителя в кабинете министров и создание ведомств по делам Курдистана во всех министерствах.*
- *Удаление из Курдистана официальных лиц из центра, замешанных в коррупции и т. д.*
- *Широкий культурный и экономический характер автономии Курдистана.*

Естественно, принятие всех требований Барзани привело бы к фактической независимости Курдистана, что в дальнейшем могло привести к полной дезинтеграции Ирака как единого государства. Важно отметить, что «примерно две трети добычи нефти Ирак получал с территории, населенной, в основном, курдами, которая также являлась главной житницей Ирака» [4, с. 103].

Политические воззрения Барзани формировались под влиянием организации «Комала» («Жизнь Курдистана»), в состав которой входили выходцы из мелкой буржуазии, а политическая платформа основывалась на классовом подходе. В период Второй мировой войны левая идеология стала доминировать в общественном сознании, став некоторым фундаментом для вызревания собственно националистических идей. Интересно, что спустя некоторое время похожий процесс пройдет и турецкие курды, хоть и со своими особенностями, которые в полной мере отражаются в ходе боевых действий между курдами Ирака и Турции.

В период 1940–1950-х гг. в Ираке курдские группы придерживались левой и прокоммунистической ориентации: «Шорш» («Революция»), «Екети хабат» («Единство борьбы»), «Рызгари» («Свобода») и сотру-

начали, по инициативе «Хивы», с коммунистической партией Ирака. Восстание 1943–1945 гг. во главе с Мустафой Барзани отличалось от восстаний 1930-х гг. тем, что в его основе лежали национальные мотивы, а не феодально-племенные. Требования курдов включали в себя важное уточнение: Барзани выступал не за смену политического режима в Багдаде и отделение Курдистана, а за демократизацию и широкую автономию в составе иракского государства. Это привело к зарождению лозунга «Демократия – Ираку, автономия – Курдистану», что обозначило «новый подход к решению курдской проблемы» [3, с.210].

Несмотря на то, что организация «Хива» сумела склонить на сторону Барзани родственные ему племена барадости, дорламари, бержи и шервани, которые предоставили около 5 тысяч бойцов, шансов на успех у курдов не было. В июле–сентябре 1945 г. 25–30-тысячная армия Ирака во главе с англичанином Рентоном при поддержке авиации разбила курдские силы, в результате чего около 10 тысяч курдов во главе с Барзани отступили в Иран. В Иранском Курдистане на северо-западе страны было провозглашено курдское автономное государственное образование в центре с городом Мехабад – Мехабадская республика. Однако разгром автономии в Иране не позволил осуществиться мечтам о курдском государстве в одной из его частей.

В результате Мустафа Барзани со своими соратниками перебрался в СССР, где оставался вплоть до победы Июльской революции 1958 г. в Ираке, положившей конец правлению короля Фейсала II и Хашимитов в стране. Ирак стал республикой, а курдское движение вступало в свою новую

фазу, ознаменовала которую созданная еще в 1946 г. Демократическая партия Курдистана (ДПК) во главе с Мустафой Барзани. Именно она стала авангардом национально-освободительной борьбы курдов Ирака на долгие годы.

ДПК имела свои ячейки в Киркуке, Багдаде, Мосуле и Басре, а сам город Сулеймания становился одним из очагов коммунистической идеологии не только в среде самих курдов, но и во всем Ираке. Это дало возможность сотрудничества между курдами и арабами, при этом

Демократическая партия Курдистана (ДПК) – создана в 1946 г.

«налаживались связи курдских политических активистов и с правительством Насера в Египте» [1, с. 188].

Курды поддержали Июльскую революцию 1958 г. во главе с Абдель Керим Касемом, выступавшим за союз с левыми силами в стране против монархического прозападного строя. Примечательно, что в новом правительстве Касема было два курдских деятеля – министр юстиции Мустафа Али и министр здравоохранения Махмуд Салех Махмуд, а одним из членов Высшего государственного совета стал курд Халед Накшбанди. Июльская революция внушила надежды как самим арабам, так и курдам, а также остальным национальным меньшинствам Ирака (туркоманы, ассирийцы, армяне, халдеи).

В принятой 26 июля 1958 г. Временной конституции Ирака впервые было признано равенство арабов и курдов в стране, что стало знаковым событием в истории курдского движения. Именно поэтому после возвращения в октябре 1958 г. Мустафы Барзани из СССР курдский лидер оказал безоговорочную поддержку режиму Касема, в том числе со страниц газеты «Хебат» («Усилие»). Примечательно, что и «аз-Заим» («Вождь»), как называли Абдель Керим Касема, оказал вооруженную поддержку Барзани, который в мае – ноябре 1959 г. начал расширять свое влияние на территориях неподконтрольных ему племен. Южные племена джаф и пишдар, а также ряд курдских ага участвовали в выдворении Барзани из Ирака и заняли земли его собственного племени. Как это часто бывало в истории курдского движения, несмотря на оформление национализма и политизацию борьбы, фактор некоторого трайбализма продолжал играть важную роль в отношениях между самими курдами.

Начавшееся в мае 1959 г. восстание племен брадост и пишдар против Мустафы Барзани и правительства в Багдаде было обречено на поражение, так как мулла Мустафа заручился поддержкой частей иракской армии. В результате в ноябре того же года после убийства главы племени зибари Ахмада Мухаммеда Ага силы Барзани установили контроль над землями племен брадост, харки и сурчи на севере Иракского Курдистана. Поначалу Абдель Керим Касем, «с учетом важности для него сохранения единства новой власти с курдами» [6, с. 11], лояльно относился к действиям Барзани. Однако по мере роста влияния левых сил в стране и самого Барзани на территории всего Иракского Курдистана аз-Заим пошел на политическое лавирование между левыми и правыми, а также – на сотрудничество с противниками Барзани среди племен сурчи и харки. Данные факты позволяют говорить о том, что «политика правительства в Багдаде была нацелена на внесение раскола в курдское националь-

ное движение под руководством Барзани путем поддержки враждебных ему племен» [1, с. 190]. Эти шаги в совокупности с провалом требований аграрной реформы в Южном Курдистане, сосредоточением иракских войск в регионе и усилением позиций арабских националистов, обвинявших курдов в сепаратизме, привели к открытому конфликту между правительством Касема и Барзани.

Абдель Керим Касем – премьер-министр Республики Ирак (1958–1963 гг.)

Последней попыткой мирного политического регулирования сложившейся взрывоопасной ситуации в Иракском Курдистане стал меморандум барзанистов «О серьезности положения в Курдистане» от 30 июля 1960 г., в котором были озвучены основные требования курдов: разграничение прав автономного Курдистана, самоуправление, назначение губернаторов–курдов, открытие учебных заведений с преподаванием на курдском языке и другие. Однако Багдад пошел на силовое ре-

шение конфликта, что привело к началу открытого восстания курдов в ответ на бомбардировки иракскими ВВС территорий племени барзан 7 сентября 1961 г. Стоит отметить, что сам Касем 23 сентября 1961 г. на пресс-конференции обвинил американцев и англичан «в организации курдского восстания» [2, с. 145] ввиду антизападной позиции Ирака. Барзани, стремившийся не допустить перерастания борьбы центральной власти с курдами в противостояние арабов с курдами, в мае 1962 г. распространил заявление о том, что курды ведут борьбу не с арабами, а с реакционным режимом в Багдаде, добиваясь создания конституционного правительства с целью признания автономии Курдистана в составе Ирака [5, с. 354].

Тем временем Абдель Керим Касем терял поддержку в стране и в среде арабских националистов, в частности, которые подвергли его резкой критике за неспособность подавить курдский мятеж. Все это привело к военному перевороту 8 февраля 1963 г., в ходе которого к власти пришла партия «Баас» с влиятельными правыми националистами во главе. Президентом страны стал Абдул Салам Ареф, при котором война ужесточилась [6, с. 11], а премьер-министром – генерал Ахмед Хасан аль-Бакр, представляющий баасистов.

Абдул Салам Ареф – президент Ирака (1963–1966 гг.)

**Барзани или Талабани –
вот в чем вопрос**

Сразу после прихода Арефа и аль-Бафра к власти в феврале 1963 г. курды представили правительству в Багдаде меморандум,

в котором содержалось требование автономии Курдистана в составе округов Киркук, Сулеймания, Эрбиль, а также – районов Диялы и Мосула с преобладающим курдским населением. Однако власти, усилив военные меры по подавлению восстания, в то же время представили план децентрализации, в рамках которого Ирак делился на шесть вилайетов (Багдадский, Мосульский, Киркукский, Сулейманийский, Хиллийский, Басрский), но ограниченная автономия Курдистана не распространялась ни на Киркук, ни на территории проживания курдов-езидов на севере страны.

В результате курдского конгресса в Кой Санджаке в марте 1963 г. было принято решение о создании курдской автономии и продолжении вооруженной борьбы. Багдад пошел на ужесточение репрессий как против самих курдов, так и против левых сил в целом, осуществляя, в частности, в угоду собственным интересам демографическую «корректировку» района – массовую депортацию курдского населения из Киркука. Киркук в будущем станет камнем преткновения между курдской автономией и центральным правительством из-за богатейших нефтяных запасов и требований курдов о получении доли с продажи нефти и вхождении этого города в состав Иракского Курдистана. Но в 1963–1964 гг. другим немаловажным полем битвы стала арена внутривластной борьбы как в Ираке, так и в среде самих курдов.

В Багдаде Абдул Салам Ареф вместе со своим братом Абдель Рахман Арефом фактически совершил 18 ноября 1963 г. новый переворот, отстранивший от власти партию «Баас», что привело к формированию диктатуры военных. Примечательно, что новые власти пошли на заключение перемирия с курдами 10 февраля 1964 г., что было отражено в документе «О прекращении войны в Курдистане и мирном урегулировании курдской проблемы», который содержал в себе меры по амнистии политзаключенных, снятии экономической блокады, восстановлении административных органов управления. В мае того же года была принята новая Временная конституция Ирака, в которой, в отличие от аналогичного документа 1958 г., не было отмечено право курдов на автономию, а было признано равенство всех народов страны. Такая формулировка не могла удовлетворить требования курдских лидеров, в среде которых наметился раскол.

Абдель Рахман Ареф – президент Ирака (1966–1968 гг.)

Одним из них был член ДПК Джалаль Талабани, постепенно расхопившийся во взглядах с Мустафой Барзани и его сторонниками, выступавшими за идеи полной независимости Иракского Курдистана. Сам Талабани и его соратник Ибрагим Ахмед выступали за продолжение диалога с Багдадом и сохранение перемирия. В результате дальнейших расхождений между Талабани и барзанистами на VI съезде ДПК в июле 1964 г. Джалаль Талабани и Ибрагим Ахмед были исключены из партии. Идеологическими противниками Барзани стали левые силы в среде самих курдов, а также городская интеллигенция, которые обвинили муллу Мустафу в предательстве и начали налаживать контакты со своими иранскими собратьями и с курдскими диаспоральными организациями в Европе. Однако стоит отметить, что созданное в 1958 г. «Внешнее Курдское революционное правительство», занимавшееся информационным представительством Барзани, а также «Европейский союз студентов Курдистана» разделяли взгляды барзанистов [8, р.514].

Противостояние между Талабани и Барзани создавало некоторые возможности для центрального правительства. Вместе с тем Талабани

обвинял Барзани в сотрудничестве с империалистами, хотя к самому Талабани в Багдаде относились, как к более лояльному деятелю, с которым возможно проводить переговоры. Интересно, что правительства в самом Ираке и в соседних Турции и Иране также рассматривали Барзани как проводника интересов США или СССР, которые фактически «эксплуатируют» курдский национализм для своих экономических интересов, связанных с нефтью Ирака.

Джальяль Талабани (справа) – один из лидеров курдского движения, основатель и председатель Патриотического союза Курдистана (ПСК) (1975 г.)

После провала переговоров с курдами в начале 1965 г. Абдул Салам Ареф предпринял очередную попытку силового решения конфликта, увеличив численность воинских частей в Иракском Курдистане. На протяжении 1965–1966 гг. вдоль ирако-иранской границы шли ожесточенные столкновения курдов с иракской армией, причем Талабани и Ахмед оказали полную поддержку Барзани. Несмотря на численный перевес, центральное правительство не смогло разгромить курдские силы. В результате властям в Багдаде стало очевидно, что «проблема Севера» (курдская проблема) является важнейшей для Ирака в целом и для сохранения стабильности режима в частности. Во многом по этой причине

новоиспеченный премьер-министр Абдель Рахман Баззаз выразил готовность начать переговоры с курдами и признать их права в конституции.

Однако министр обороны Абдель Азиз Окайли отверг мирное решение, рассматривая курдское движение как угрозу территориальной целостности страны. С той же проблемой столкнулся новый лидер страны, Абдель Рахман Ареф, брат погибшего в авиакатастрофе президента: тот же Окайли, ставший начальником Генерального штаба, выступил против переговоров с курдами, к чему склонялся Ареф. Иракские войска возобновили боевые действия, несмотря на перемирие, объявленное курдскими силами 1 мая 1966 г., но поражение близ Ревандуза показало бесперспективность дальнейшей эскалации конфликта. В июне 1966 г. было заключено новое перемирие, при этом премьер-министр Баззаз выразил приверженность мирному урегулированию курдской проблемы, признав, что «Ирак не является только арабским, но и в равной степени курдским» [5, с.375]. Результатом переговоров с Баззазом стала программа, состоявшая из 12 пунктов, в которую были включены меры по децентрализации управления в стране и другие соответствующие курдским требованиям положения.

Правые националисты из числа баасистов рассматривали такие шаги в качестве односторонних уступок курдам, что дестабилизировало политическую ситуацию. Однако даже после вынужденной отставки Баззаза и приходу правительства Наджи Талипа новый премьер-министр был настроен на продолжение конструктивного диалога с Барзани. Ключевым событием стал визит самого президента Арефа к Мустафе Барзани в Джиндиане близ Ревандуза в октябре 1966 г. В ходе переговоров основным требованием курдского лидера стало неукоснительное выполнение программы Баззаза, на что согласился Ареф, выдвинув свои требования по возвращению пленных, тяжелой артиллерии, восстановлению административных органов и другие. И снова политика Арефа в отношении курдов стала объектом жесточайшей критики со стороны националистов.

Последовавшее в 1967 г. поражение арабских сил в Шестидневной войне окончательно дискредитировало правящий режим, чем воспользовалась партия «Баас»: в июле 1968 г. в результате бескровного переворота к власти пришли баасисты во главе с Ахмедом Хасаном аль-Бакром. В период 1968–1969 гг. курды атаковали нефтяные объекты в Киркуке, а в августе 1969 г. произошло ожесточенное сражение у курдской деревни Дакан. Именно тогда «Саддам Хусейн рассматривал решение курдского вопроса как трамплин для своего выдвижения» [6, с. 16], что

было логичным, так как предыдущий режим баасистов во многом стал жертвой обострения курдской проблемы. В итоге к 1969–1970 гг. обе стороны конфликта были заинтересованы в передышке.

Саддам Хусейн – иракский политический деятель, премьер-министр Ирака (1979–1991 гг., 1994–2003 гг.), президент Ирака (1979–2003 гг.)

**Первые шаги Саддама:
курдский «ключ» к власти
в Ираке**

Саддам Хусейн прекрасно осознавал, что военная победа над курдами окажется дорогостоящей для Ирака и, кроме того, не сыграет роли в его собственном продвижении в отличие от его противника – министра обороны Хардана ат-Тикрити, который настаивал на силовом решении конфликта. В этом случае военные неудачи иракской армии в Курдистане вкуче с успехами в переговорном процессе соответствовали интересам Хусейна. В то же время он пытался использовать противоречия между Барзани и Талабани,

что, в свою очередь, вынуждало курдов также искать пути перемирия. После поражений иракских частей летом и осенью 1969 г., а также упрочения авторитета Барзани, правительству в Багдаде стало очевидно, что изоляция муллы Мустафы не приведет к нужному прогрессу в курдском вопросе.

В октябре 1969 г. был принят закон об административном делении и системе местного самоуправления [1, с. 199], в соответствии с которым учитывались требования курдов. На его основе и в результате переговоров вице-президента Ирака и главы Совета революционного командования (СРК) Саддама Хусейна и лидера ДПК Мустафы Барзани было выработано «Мартовское соглашение» («Программа 11 марта») от 11 марта 1970 года. Это соглашение стало поистине историческим для курдов: впервые провозглашалась курдская автономия на севере Ирака под названием Курдского автономного района (КАР). По вопросу Киркука Барзани пошел на компромисс, согласившись на включение города в состав КАР при сохранении полномочий центра в отношении нефтяных операций. Кроме того, курды были провозглашены основной национальностью Ирака (наряду с арабами), вице-президентом становился курд, а в состав правительства вошли пять курдских деятелей. Багдад обязался в течение последующих четырех лет реализовать создание КАР. Политическая победа Барзани казалась бесспорной, в результате чего Талабани вновь распустил группы своих сторонников, вернувшись в ряды ДПК. Однако сохранялись разногласия между курдами и Багдадом по поводу границ автономии и ее столицы, самой острой из которых оставался вопрос Киркука, а также – экономические вопросы.

В то же время нельзя не учитывать дальнейшие шаги Саддама, фактически монополизировавшего курдскую проблематику в правительстве, закономерно рассматривая ее как фактор укрепления своего авторитета. Как и ожидал Хусейн, Мустафа Барзани пошел на разрыв отношений с шахским Ираном, до этого служившим базой для барзанистов и использовавшим курдов в своих целях, оказывая им поддержку, что сыграло на руку Багдаду. Также была увеличена боеспособность иракской армии за счет влившихся в ее ряды курдских формирований пешмерга. Саддам Хусейн продолжал серию дружелюбных актов в отношении курдов: была объявлена амнистия, ДПК была обещана материальная поддержка со стороны государства. Впрочем, Саддам не собиравался в полной мере выполнять свои обещания касательно КАР в целом и Киркука в частности. В сентябре 1971 г. около 40 тысяч курдов-шиитов были депортированы в Иран [4, с. 106], а на их территориях заселялись арабы-сунниты, что стало одним из примеров изменения демографической ситуации в Киркуке и ряде других районов курдской автономии.

Подписание договора 11 марта Мустафой Барзани и Саддамом Хусейном

Помимо этого власти отказались вывести основной контингент иракских войск из Курдистана, ссылаясь на то, что окончательное выполнение соглашения было запланировано через четыре года. Багдад отверг кандидатуру Мухаммеда Хабиба Карима, близкого соратника Барзани из ДПК, на пост вице-президента, сославшись на то, что тот является персом по происхождению. Эти шаги привели к тому, что Барзани обвинил Хусейна в «преднамеренном затягивании переписи и в "арабизации" Курдистана» [4, с. 107]. Более того, в декабре 1970 г. было совершено покушение на сына Барзани Идриса, а в сентябре 1971 г. жертвой едва не стал сам мулла Мустафа. Курды обвинили в их организации главу службы безопасности Надима Каззара.

Тем не менее в марте 1974 г. в соответствии с законом №33 был образован Курдский автономный район в границах Сулеймании, Эрбиля и Дохука, что привело к недовольству Барзани. В результате в 1975 г. вспыхнуло новое восстание против центральной власти в Багдаде. Однако иракское руководство в том же году заключило соглашение с Ираном, что лишило курдов возможности пользоваться территорией иранских собратьев. Мятеж был жестоко подавлен, началась новая волна репрессий, в результате чего Мустафа Барзани был вынужден эмигрировать в США. Активно продолжилась политика переселения курдов в центральные

и южные районы Ирака, «создавая так называемый "арабский пояс" в пограничной зоне с Турцией и Ираном» [3, с.218].

Немалая доля ответственности лежит на самом Барзани и его ДПК, что не умаляет заслуг и авторитета муллы Мустафы в курдском движении, чим символом он закономерно являлся. Барзани пытался использовать внешний фактор в своем противостоянии центральным властям. В некоторой степени союзником барзанистов выступал шахский Иран, чей режим подавлял собственных курдов, но сотрудничал с Барзани в целях давления на Ирак. Однако после Алжирских договоренностей 1975 г. Иран дистанцировался от иракских курдов, лишившихся баз в пограничных территориях. Обе сверхдержавы также использовали «курдскую карту» в своих собственных целях.

Курдский автономный район в Ираке (1975 г.)

Еще в мае 1972 г. Ричард Никсон дал согласие на предоставление помощи иракским курдам посредством кредита в 16 миллионов долларов на три года, а в 1975 г. США приняли бежавшего из Ирака Барзани. В свою очередь, СССР «был заинтересован в решении курдской проблемы мирными средствами» [6, с.9], что во многом соответствовало интересам Москвы в Ираке. СССР занимал привилегированное положение

ние во многом за счет тесных отношений с барзанистами и влиянием на Коммунистическую партию Ирака, а также – поддержки Саддама и аль-Бахра в национализации нефтяной промышленности в 1972 г., когда был подписан двусторонний договор о дружбе и сотрудничестве.

Однако победителем из сложившегося клубка противоречий вышел Саддам Хусейн: ему удалось «расколоть ряды иракских коммунистов и ДПК, столкнуть их друг с другом и нанести сокрушительный удар по основным политическим оппонентам» [4, с. 110]. В результате произошел окончательный раскол в самом курдском движении, так как из состава

ДПК вышел Джалаль Талабани, сформировавший в 1975 г. Патриотический союз Курдистана (ПСК) на основе организаций левого толка – «Марксистско-ленинской лиги Курдистана» («Комала»), «Социалистического движения Курдистана», «Генеральной линии». Часть же курдов, выйдя из состава ДПК, но сохранив название, признала Закон №33 об образовании КАР, сформировав Исполнительный и Законодательный советы, которые не имели реальной власти на местах. Основное противостояние теперь развернулось между барзанистами и талабанистами.

Патриотический союз Курдистана (ПСК) – создан в 1975 г.

В то же время в ходе революции в Иране, когда иранские курды выступили за автономию в Иранском Курдистане и потребовали соблюдения своих прав в новой конституции Исламской Республики, вновь обострилась проблема курдского самоопределения в регионе в целом. Однако официальный приход к власти Саддама Хусейна в 1979 г. стал настоящим водоразделом для истории всего курдского движения, ведь именно в период его правления иракские курды вновь оказались в эпицентре политической жизни не только Ирака, но и всего Ближнего Востока.

Библиографический список

1. Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм: История и современность. М.: ЛЕНАНД, 2018. 352 с.
2. Жигалина О.И. Мулла Мустафа Барзани. Исторический портрет. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. 240 с.
3. Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные / Отв. ред. А.Д.Воскресенский. М.: Аспект Пресс, 2008. 512 с.
4. Криворучко А.П., Рощупкин В.Т. Багдадский вожь: взлет и падение... Политический портрет Саддама Хусейна на региональном и глобальном фоне. М.: Проспект, 2015. 560 с.
5. Лазарев М.С., Мгои Ш.Х., Васильева Е.И., Гасратян М.А., Жигалина О.И. История Курдистана. М., 1999. 526 с.
6. Политические портреты деятелей стран Ближнего и Среднего Востока: очерки: книга вторая / под ред. В.В.Наумкина, В.В.Попова. М.: МГИМО-Университет, 2018. 202 с.
7. Хошави Хавлла М.Х. Южный Курдистан: факторы, влияющие на национальное самосознание иракских курдов // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. №1. С.96–105.
8. Şimşir B. Kürtçülük. Ankara, 2009. 714 p.

Я уважаю лишь тех, кто мне
оппонирует, но я не намерен
терпеть их.

Шарль де Голль

Цель насмешки не в том,
чтобы унижить индивидуума,
а в том, чтобы напомнить ему,
что он давно унижен.

Джордж Оруэлл

**СТРАННАЯ САТИРИЧЕСКАЯ
КАРТИНКА
В ЖУРНАЛЕ «КРОКОДИЛ»
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
БОРЬБА НА ОКТЯБРЬСКОМ
ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП(Б)
В 1927 ГОДУ**

УДК
930.02

В статье рассматривается ситуация, когда в журнале «Крокодил», выходявшем массовым тиражом, был опубликован довольно странный рисунок, изображающий «объединенную оппозицию» неработающей частью общей стройки социализма. Такой рисунок без политического контекста выглядит заведомо упрощенным и неубедительным. Сопоставление рисунка с событиями октябрьского пленума ЦК ВКП(б) показывает, что подобное изображение отвечало полностью сложной политической игре, которую вела сталинская группировка в ЦК ВКП(б), заинтересованная не обнажать публично теоретические расхождения с оппозицией, а демонстрировать простую и понятую массам логику, – оппозиция просто не хочет строить социализм. Все теоретические постулаты о невозможности его построения в отдельной стране, без мировой революции, должны были выглядеть пустыми разговорами – и только.

The article examines the situation when the mass-circulation magazine Crocodile published a rather strange drawing depicting the “united opposition” as a dysfunctional part of the overall construction of socialism. Such a drawing, without political context, looks deliberately simplistic and unconvincing. A comparison of this drawing with the events of the October plenum of the Central Committee of the VKP(b) shows that such a depiction corresponded fully to the complex political game waged by the Stalinist group in the Central Committee of the VKP(b), interested not in publicly exposing theoretical differences with the opposition, but in demonstrating the simple and understandable logic of the masses – the opposition simply does not want to build socialism. All the theoretical postulates about the impossibility of building it in a single country, without a world revolution, must have looked like empty talk, and that is all.

Ключевые слова: журнал «Крокодил»; сталинизм; И.В.Сталин; объединенная оппозиция; Н.И.Бухарин; октябрьский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) (1927 г.).

Key words: Key words: magazine “Crocodile”; Stalinism; Stalin; united opposition; Bukharin; October plenum of the Central Committee and the Central Committee of the Communist Party (b) (1927).

E-mail: lurganov@yandex.ru

В номере 38 журнала «Крокодил» на второй неделе октября 1927 года была опубликована необычная карикатура на объединенную оппозицию. Изображены те, кто работает и те, кто работать не хочет. Без контекста картинка выглядит сильно упрощенной. Среди тех, кто не хочет работать – основные лидеры оппозиции: на бочке, провалившись в нее, возлежит Григорий Зиновьев, бумажку читает Лев Троцкий, сзади стоит высокий и худой Ивар Смилга, а сбоку отдыхает Лев Каменев. Среди тех, кто работает, узнаваемы слева направо В.М.Молотов, А.И.Рыков, И.В.Сталин и Н.И.Бухарин. Те двое, что таскают на себе кирпичи – неузнаваемы. Вот такая нехитрая игра смыслов, в которой, на первый взгляд, нет особой необходимости. Даже слова под рисунком, – «одним – работа, другим – дискуссия», – особо не впечатляют...

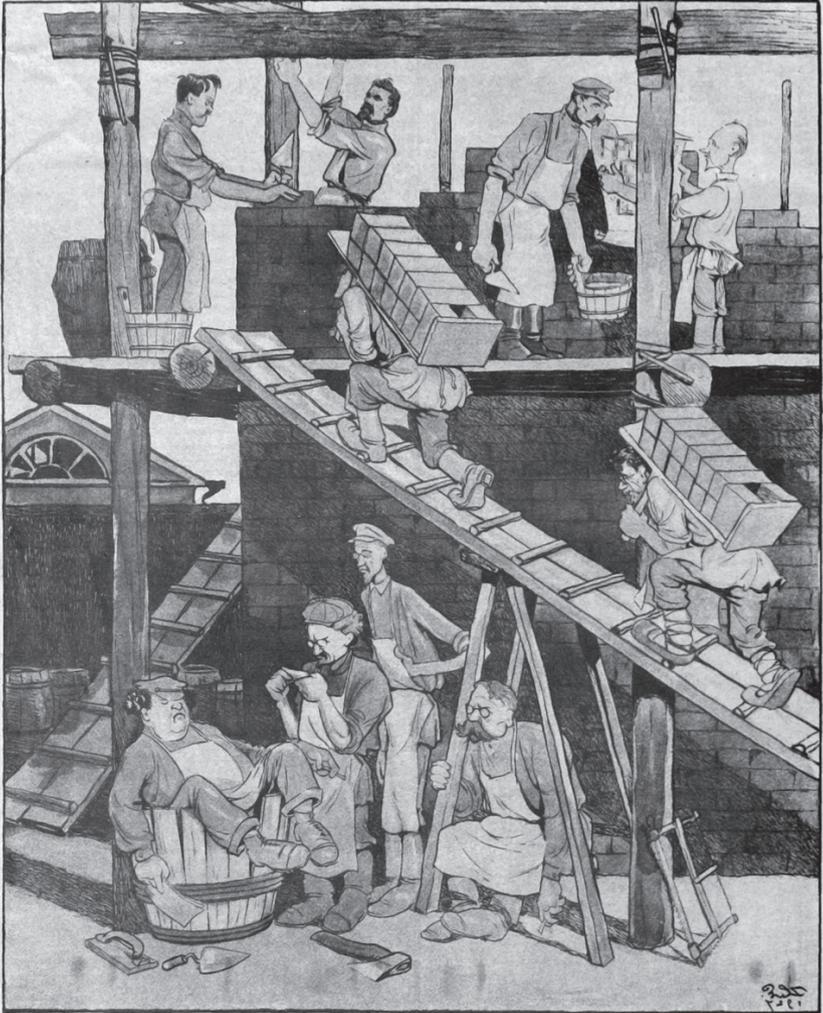
Судя по всему, потребность именно так изобразить оппозицию, была вызвана контекстом: развернувшейся на пленуме ЦК и ЦКК 22 октября 1927 г. дискуссией, где некоторые очевидные всем понятия вдруг наполнились новым смыслом.

В ответ на резкую критику деятельности ЦК партии со стороны оппозиции в области хозяйствования В.М.Молотов развернул провокационный пример для дискредитации всей оппозиции, упоминая в качестве типичного случая – случай Г.Е.Евдокимова, одного из главных оппозиционных критиков [2, с.113–119].

Молотов говорил 22 октября 1927 г.: «Мне придется привести один пример, касающийся лично т. Евдокимова, но который, к сожалению, *характерен теперь для многих и многих оппозиционеров* (курсив мой. – А.Ю.). На этом примере я хочу иллюстрировать мысль о том, как наши оппозиционеры, шумящие о недостатках и извращениях, помогают бороться с ними. 15 октября настоящего года в ЦК ВКП(б) поступил документ за подписью председателя фракции [ВКП(б)] правления Центросоюза т. Любимова по поводу работы т. Евдокимова в Центросоюзе. Я должен буду цитировать некоторые места из этого документа. Документ начинается следующими словами: «ЦК ВКП(б) командировал в Центросоюз для ответственной работы т. Евдокимова Г.Е. Фракция правления Центросоюза, считаясь с тем, что т. Евдокимов за предыдущее время занимал ряд ответственных постов и в данное время является членом ЦК, предоставила т. Евдокимову ответственную работу в качестве заведующего отделом торговой политики в Планово-экономическом управлении Центросоюза, а очередная сессия совета Центросоюза избрала т. Евдокимова в члены

ВСЯКОМУ СВОЕ

Рис. К. Елисеева

ОДНИМ—РАБОТА, ДРУГИМ—ДИСКУССИЯ.

правления Центросоюза». Далее в заявлении фракции говорится: «Но, к сожалению, т. Евдокимов за время пребывания в Центросоюзе и до настоящего времени не приступил вплотную (подчеркнуто в подлиннике) к работе...» [2, с.113–114].

В стенограмме зафиксированы резкие реплики с обеих сторон:

Зиновьев. Самые низкие способы борьбы применяете.

Молотов. Тов. Зиновьев, я привожу только факты (*шум, крики, волнение в зале*).

Зиновьев. Евдокимова партия знает (*шум в зале*).

Молотов. Я не сомневаюсь в этом.

Зиновьев. Любимов опозорил себя этой жалкой бумажкой (*шум, крики, волнение в зале*).

Молотов. Дайте кончить.

Голос. Вы себя позорите такой работой. (*Звонок председателя. Шум. Тов. Евдокимов кричит, его реплика не слышна.*)

Евдокимов. (*К Любимову.*) Ты, член ЦК, собирал про меня, тоже член ЦК, сведения о том, сколько раз я был на работе, сколько раз не был. Стыдно.

Зиновьев. Низкий способ борьбы [2, с.114].

Евдокимов задал вопрос: «Какое это отношение имеет к платформе?» Молотов пообещал ответить – и стенограмма зафиксировала очень высокий градус накала страстей.

Молотов. Я вам разъясню, какое это имеет отношение к платформе. Так вот продолжаю оглашение документа: «Но, к сожалению, т. Евдокимов за время своего пребывания в Центросоюзе...» (*Шум со стороны оппозиции. Звонок председателя.*)

Евдокимов. Я заявляю, что я там работал не меньше Любимова (*смех*).

Молотов. Дайте дочитать документ.

Евдокимов. Дайте я вам расскажу, как у нас происходила работа и как Любимов, который сначала со мною спорил, потом перешел на мою точку зрения в важнейшем вопросе о системе предварительных заказов (*смех*). С этими предварительными заказами они сначала занимали абсурдную точку зрения...

Молотов. Дайте дочитать документ с неприятными фактами (*шум, смех*).

Зиновьев. Он сочувствовал оппозиции, а теперь выслуживается.

Евдокимов. *(К Любимову.)* Что было на совещании с местными работниками?

Любимов. Он занимал неправильную политику, был решительно против предварительных заказов.

Евдокимов. Потом ты тоже перешел на такую же точку зрения... *(Шум, смех, звонок председателя. Евдокимов кричит, но ничего не слышно из-за шума.)*

Голос. Ему нужно трибуну построить.

Молотов. Я понимаю, что приводимые мною факты для т. т. Евдокимова и Зиновьева неприятны, но нужно все-таки уметь слушать и неприятные факты.

Зиновьев. Стыдно за ЦК.

Голос. А вам не стыдно.

Молотов. Продолжаю: «Но, к сожалению, т. Евдокимов за все время своего пребывания в Центросоюзе и до настоящего времени...»

Сталин. Погромче [2, с.114].

Стенограмма отметила едва заметное участие главного режиссера этого спектакля – товарища Сталина. «Погромче», – наверняка это слово прозвучало тихо, ибо, даже когда он злился, умел говорить тихо.

Молотов продолжил зачитывать документ, разоблачающий Евдокимова и всю оппозицию:

Молотов. «...не приступил вплотную к работе, не охватил работы настолько, чтобы занять руководящее положение; да, по-видимому, и не стремился охватить полностью органическую и практическую работу. Это видно из неоднократных уклонений т. Евдокимова от взятого на себя представительства в ответственных организациях, докладов и выступлений по тем вопросам, которые непосредственно связаны с его работой. Даваемые же ему поручения, как, например, проработка резолюции к докладу Центросоюза в Совнарком РСФСР, не были им выполнены. За все время своего пребывания в Центросоюзе т. Евдокимов делал большие пропуски в посещении Планово-экономического управления и не проявил исправности в работе, как необходимо для руководящего работника». Далее говорится о том, что т. Евдокимов только недавно вернулся из отпуска, потом уехал в Ленинград, «как выяснилось, для ведения фракционной работы оппозиции», и в настоящее время тоже занят чем угодно,

но не работой в Центросоюзе. Заканчивается это заявление фракции Центросоюза следующими словами...

Евдокимов. Прямо Майн Рид.

Молотов. ...итак, заявление кончается таким образом: «Тов. Евдокимов совершенно не оправдал возлагавшиеся на него надежды, *как на практического работника* (здесь и далее курсив мой. – А.Ю.)...»

Зиновьев. Надежды Любимова на Евдокимова – подумаете!

Молотов. «...и является в составе правления Центросоюза и в составе работников Центросоюза ненужным. Председатель фракции правления Центросоюза И.Любимов» (смех).

Евдокимов. самого главного не сказали.

Калинин. А сколько времени он был там на работе? (Смех.)

Молотов. До этого т. Евдокимов имел отпуск несколько месяцев. (Смех.)

Евдокимов. Я прошу по личному вопросу в конце заседания.

Молотов. Я думаю, что придется взять слово *по личному вопросу и т. Зиновьеву – по части Госплана* (смех, аплодисменты).

Бакаев. Как вы дошли до жизни такой?

Молотов. Нет, как вы дошли до жизни такой, что *делаетесь для практической работы* ненужными?

Бакаев. Вы обанкротились и сплетничаете.

Молотов. Я оглашаю документ фракции Центросоюза.

Бакаев. Вы этим своей несостоятельности не украсите [2, с.115].

От себя Молотов добавил, что хотел обратить внимание лишь на то, как именно оппозиция «помогает» партии бороться с недостатками и извращениями: «По-моему, в этом смысле документ красноречивый. Тов. Евдокимов особенно резко квалифицировал здесь работу кооперации, в которой он сам работает. Спрашивается, много ли он помог кооперации в исправлении недочетов ее работы?» [2, с.115].

По мнению Молотова, вся оппозиция такова – с «буржуазно-реформистским уклоном». В своей речи он выразил концептуальный мотив – ценностью обладают «практические работники». Впервые был произнесен внушительный монолог о «практике» как фундаментальной основе нового этапа строительства социализма в СССР.

Упрек Евдокимову – это упрек всей оппозиции, лидеры которой, как сказал Молотов, усвоили манеры «мелкобуржуазных радикалов». Фракция Сталина наносила весьма ощутимый удар, определяя своих идейных

противников людьми, похожими на «болтунов» в каком-нибудь провинциальном европейском парламенте.

Едва ли не в каждый абзац своего сообщения о деятельности партии в области сельского хозяйства Молотов вносил это словосочетание, заново понятое и озвученное, – «практическая работа». Такой акцент позволял ему оттенить то, о чем только говорят в оппозиции, от того, что без всяких лишних разговоров делает партия.

Например, оппозиция ругает партию за то, что нет нажима на кулаков, – настоящих врагов Советской власти, – а Молотов говорит при этом следующее: «*Практическая работа* (здесь и далее курсив мой. – А.Ю.) за период после XIV конференции заметно сдвинулась с места. При всем том, что в деревне у нас непочатый край всякой работы, что в деревне только еще начинается настоящий рост социалистических элементов, наши теперешние деревенские позиции несравненно крепче, чем было 2–3 года назад. Поэтому в тезисах выдвинут и целый ряд новых мер ограничения капиталистических элементов (кулачества) и вместе с тем намечены новые задачи в развитии социалистических элементов в деревне. Мы начинаем новый, еще более важный, этап борьбы с кулачеством и по-новому, с более широкими задачами, подходим к развертыванию социалистического строительства в современной деревне. И в связи с этим опять следует сравнить то, что имеется в тезисах, с платформой оппозиции. Это сравнение для нас крайне поучительно. *В практических предложениях оппозиционной платформы* есть упоминание и об аренде, и о землеустройстве, и о земельных обществах, и об организации бедноты, и о с.-х. налоге, и о чем хотите. *Однако тезисы Политбюро так ставят все эти вопросы* – об аренде, землеустройстве, снабжении крестьян машинами, налоговом обложении в деревне, организации бедноты и, особенно, о лишении кулака прав в земельных обществах (на сходах), что так называемые *"практические предложения" оппозиции выглядят совсем каким-то жалким ублюдком*. Недаром Смилга в ужасе вопил о "левых фразах" ЦК, о "необъяснимом" для его кругозора новом этапе политики партии в деревне, "неожиданно" провозглашенном ЦК» [2, с.116].

Сталин в скором времени даст себе такую характеристику, – он представитель не догматического, а «творческого марксизма». Эту мысль разными путями он будет особенно активно внедрять, начиная с 1929 г., когда ему исполнится 50 лет. Однако ростки подобной концепции «прак-

тического работника», мы видим в материалах октябрьского пленума ЦК и ЦКК 1927 года.

Молотов продолжал говорить о «практических задачах» партии, противопоставляя их тезисам оппозиции: «Ну хоть немножко догадывается наша горе-оппозиция о том, что перед партией выдвинулись новые, важнейшие с точки зрения социалистического строительства задачи, – задачи усиления государственно-планового воздействия на сельское хозяйство? Нет, не догадывается, проходит мимо живого строительства в СССР (здесь и далее курсив мой. – А.Ю.). Между тем практика государственных (торговых, земельных и др.) и кооперативных органов за последние годы заметно развивалась по этому пути. Наш главный и общий недостаток, что мы недостаточно знаем эту практику, еще меньше вдумываемся в нее и совсем мало ее изучаем...» [2, с.117].

Был затронут вопрос, который чуть позже и Сталин возьмет на вооружение: что определяет собой перспективу – критическая теория оппозиции или практика социалистического строительства? Ответ Молотова демонстрировал новый партийный дискурс сталинской группировки: «Разница ярка и притом совершенно очевидна, – разница в том, что *в платформе оппозиции по крестьянскому вопросу нет никакой перспективы* (здесь и далее курсив мой. – А.Ю.), – точнее нет никакой социалистической перспективы. В оппозиционной платформе – тот основной "грешок", что в ней *нет и никакой попытки понять то новое*, что наметилось в развитии деревни и притом растет в направлении к социализму. Обо всем этом даже запаха нет в платформе оппозиции! Вот до чего довело оппозицию то, что ее представление о деревне ограничено буржуазно-реформистским горизонтом, которому чуждо понимание нового, т. е. социалистического, в нашей стране» [2, с.117].

Несмотря на обличительный характер речи Молотова, в ней был и существенный изъян, который обнаружил в реплике Зиновьева: «Зачем вы прячете платформу? Зачем вы прячете?». Вслед за этой репликой послышались и другие голоса оппозиции: «Не щадите нас, напечатайте. Спросите рабочих» [2, с.117–118].

Молотов сказал в ответ, что платформа оппозиции – «убогая». Нет среди оппозиционеров таких теоретиков, которые могли бы увидеть социалистическое будущее! Он ехидно заметил: «Достойный теоретик Смилга, как видно, как раз подходящий теоретик для таких реформистских горизонтов» [2, с.118]. Словом, весь теоретический горизонт у оп-

позиции – ограниченный, реформистский: *«Вы до сих пор повторяете старые оценки, которые имели свое значение при господстве капиталистических отношений. Вы до сих пор повторяете эти "зады" (курсив мой. – А.Ю.), не видя, как историческое развитие нашей страны уже сломало господство капитализма и все тверже становится на социалистические рельсы...»* [2, с.119].

Итак, проблема будущего в новом партийном дискурсе – это проблема «теоретиков», правильно предсказывающих движение сначала к социализму, а потом и к полной победе коммунизма. По неписаному правилу большевистской партии, только признанный всеми теоретик партии мог быть ее полноценным руководителем. Оппозиция, претендуя на теорию, согласно которой построить социализм в отдельно взятой стране невозможно без поддержки мирового пролетариата, явно проигрывала сталинской фракции в понимании «практики» социалистического строительства. Угол атаки, найденный группой Сталина, давал право обличать критические замечания оппозиции утверждением, что она сама ничего не делает, а только говорит и говорит. Для массового сознания, привыкшего к ценности дел и ничтожности слов, такая постановка вопроса была убедительной. Но в этой истории заключалась некая каверза, которая неожиданно всплыла как раз в рисунке журнала «Крокодил».

Вернемся к нему и посмотрим еще раз, как изображены Сталин и Бухарин.

Мы видим, что автор вполне адекватно изобразил ситуацию 1927 года, как ее понимали тогда в партии: Сталин – «практик», но не теоретик. Бухарин – признанный теоретик, но не главный администратор, не фактический глава партии. Конечно, Сталину необходимо сначала утвердиться в роли безупречного и самого авторитетного «практика» строительства социализма. В этом контексте картина ничему не противоречила, изображая Сталина в роли рабочего-укладчика, а Бухарина – в роли инженера-строителя, который показывает – что надо делать, и каким будет здание будущего (читай – социализм). Впрочем, одну вольность позволил себе художник: Сталин изображен почти великаном, а Бухарин – коротышка, хотя в действительности Сталин и Бухарин были примерно одного небольшого роста, чуть более 160 см.

Во фрагменте рисунка кроется будущее противоречие: рабочий-укладчик, утвердившись в роли безупречного «практика», не может быть всегда «вторым» по отношению к «теоретику», ибо по природе

своей административной власти – он первый! Этот рисунок не мог не вызывать в Сталине глубокое неприятие, которое он вынужден был скрывать, ибо его натура, злобная и завистливая, всегда остро переживала свою теоретическую несостоятельность, о которой знали все в партии. Он не мог быть гармоничным средоточием теории и практики, как Ленин, не мог быть таким – а хотелось! Злобно поглядывая на тех, кому он был обязан политическим возвышением, генсек ни на минуту не сомневался, что, когда наступит время, – а оно наступит, – счет за унижение будет представлен. Понимал ли это Бухарин? Неизвестно. Но вот Троцкий и Зиновьев прекрасно понимали, к чему стремится Сталин...

В августе 1926 г. они направили в ЦК партии совместное обращение. В нем вновь подчеркивалось, что опасность раскола партии вытекает, как

и предостерегал Ленин, из «чрезвычайного сосредоточения аппаратной власти и злоупотребления ею» [1, с.34].

По мнению Троцкого и Зиновьева, у Сталина нет ни идей, ни принципов. Его стратегия нацелена на захват власти и уничтожение всех тех, кто был в той или иной мере близок ленинской гвардии. Сталин выстраивал свою политическую игру так, чтобы своим аппаратным давлением собрать левую оппозицию в одно, отрешенное от власти, объединение, окончательно разбить «левых» и получить сразу же перевес в борьбе против «правых».

Вот как это звучит в Обращении: «Еще до апрельского пленума было известно, что верхушка сталинской фракции решила устранить из Политбюро Зиновьева, Каменева, Троцкого и *обеспечить безусловный перевес Сталина над Томским, Рыковым и Бухариным* (курсив мой. – А.Ю.). Некоторые члены Политбюро, принадлежащие к большинству, говорили об этом плане с возмущением. <...> План вытекал из всей организационной политики группы Сталина» [1, с.35].

«Генеральный план» генерального секретаря партии, вскрытый объединенной оппозицией, заключался в том, чтобы устранить не только левую оппозицию, но и «правую» тоже. Но сделать это можно было лишь поэтапно. Сначала – вывести из состава Политбюро главных деятелей объединенной оппозиции, а потом внедрить в Политбюро верных и преданных Сталину людей, – вместо тех, кого Сталин «своими» не считал. И главный «не свой» среди них – Н.И.Бухарин. В письме Молотову от 16 сентября 1926 г. Сталин грубовато пошутил насчет Бухарина, который ничего не сообщил ему, Сталину, о «своих германских впечатлениях». «Бухарин – свинья и, пожалуй, хуже свиньи, ибо считает ниже своего достоинства написать две строчки...» [3, с.90].

В понимании Сталина «свой» – это не равный ему: Бухарин же позволял себе быть именно равным. Глухое раздражение, спрятанное за грубой шуткой, выдает истинное отношение Сталина к самой идее первенства в партии.

Сатирический рисунок символически знаменует собой момент перехода, когда в идеологической сфере возникает и укрепляется мысль о величайшем значении «практики социалистического строительства», которую не знают лидеры оппозиции. Утверждение в партийном дискурсе высшего значения «практики» было временной мерой в борьбе с оппозицией, и для Сталина это только трамплин к большей власти, к тому состоянию, когда его признают не только главой партии, знаю-

щим в отличие о всех прочих уклонистов «практику» построения социализма в СССР, но и «классиком марксизма» в этих именно условиях. Это все случится в ближайшей перспективе, а пока мы видим, что сатирическая картинка в журнале «Крокодил» фиксирует самое начало новой и едва ли не самой важной идеологической кампании Сталина по дороге к полновластию.

Библиографический список

1. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. М., 1990. Т.2.
2. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 21–23 октября 1927 г.: Документы и материалы. М.: Политическая энциклопедия, 2018.
3. Письма И.В.Сталина В.М.Молотову. 1925–1936 гг. М.: «Россия молодая», 1995.

Часть любой административной машины не служит решительно ничему – это красота в чистом виде.

Жорж Элгози

Бизнес – как автомобиль – сам катится только вниз.

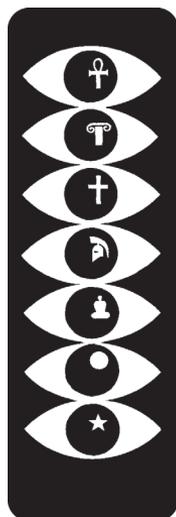
Аристотель Онассис

Танец – высший разум
в свободнейшем из тел.

Айседора Дункан

Когда мы целиком
отдаем себя духу танца,
он становится молитвой.

Габриелла Рот

Олеся Плех

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

**«ПОКОРНЕЙШЕ ПРОШУ,
ПОЧТЕННЫЙ БЛАГОДЕТЕЛЬ...»**

**НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ВЛАСТИ И БИЗНЕСА
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.***

УДК

94 (47) 08

В статье рассматриваются неформальные практики взаимоотношений представителей государственного аппарата и деловой сферы. В основе проведенного исследования лежит эпистолярное наследие купеческой семьи Булдаковых. Содержание писем провинциальных чиновников, адресованных первенствующему директору Российско-американской компании М.М.Булдакову, позволило не только увидеть направления развития коммуникации между бизнесом и властью, но и выделить типичное поведение разных категорий служащих. Рассматриваются примеры установления доверительных отношений и конфронтации. Обосновывается вывод, что взятки и вознаграждения за оказываемые услуги не всегда могли обеспечить лояльность чиновников. Важную роль в системе неформальных отношений играло развитие патрон-клиентских связей.

The article examines the informal practices of relations between representatives of the state apparatus and of the business sphere. The study is based on a complex of letters of the Buldakov merchant family. Contents of letters from provincial officials to the chief director of the Russian-American company M.M. Buldakov to see how communication developed between business and government, also allowed to highlight the typical behavior of different categories of officials. The article examines examples of establishing trusting relationships and confrontation. The conclusion is drawn that bribes and monetary rewards for services could not always ensure the loyalty of officials. An important role in the system of informal relations was played by the development of patron-client ties.

Ключевые слова: М.М.Булдаков; купечество; чиновничество; местное управление; коррупция; гражданская служба; Вологодская губерния.

Key words: M.M. Buldakov; merchants; bureaucracy; local government; venal practices; civil service; Vologda province.

E-mail: plekh@mail.ru

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-09-00193 «Эпистолярное наследие великоустюгской купеческой семьи Булдаковых конца XVIII – первой четверти XIX века: тексты и исследования. Вып.2. (Документы из фондов РГАДА)».*

На страницах современных журналов разных отраслей знания регулярно публикуются статьи и заметки, посвященные истории коррупции. Эта тема волновала ученых и в XIX, и в XX в., однако именно сегодня сложились наиболее благоприятные условия для ее изучения. Свобода в выборе предмета и ракурса исследования, отсутствие цензурного вмешательства и, более того, неограниченный доступ к архивным материалам дореволюционного периода, сохранившим многочисленные примеры злоупотреблений, – все это позволяет раздвинуть границы изучения феномена коррупции в истории Российской империи.

В настоящее время ученые склонны рассматривать коррупцию как сложное, многогранное социальное явление, подпитываемое развитой системой неформальных отношений [25]. И в связи с этим на первый план выходит изучение практик взаимодействия представителей государственного аппарата и деловой сферы. Конечно, такая постановка вопроса требует особого подхода к выбору документальных материалов, среди которых важную роль играют источники личного происхождения.

В основе проведенного исследования лежит эпистолярное наследие купеческой семьи Булдаковых. Среди документов сохранились письма провинциальных чиновников, адресованные Михаилу Матвеевичу Булдакову.

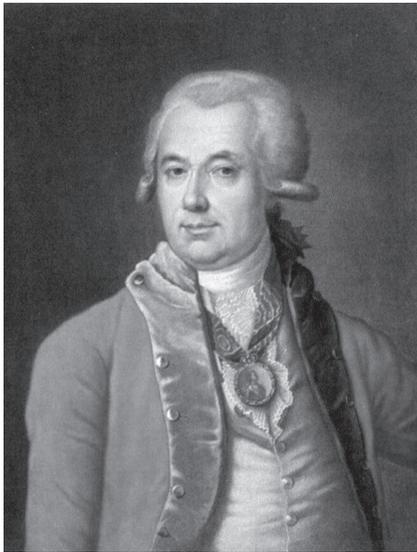
Портрет М.М.Булдакова

Вкупе с материалами официального делопроизводства они прекрасно иллюстрируют взаимоотношения с государственными служащими, позволяют увидеть основные направления развития неформальных связей.

**Первенствующий директор
Российско-американской
компании М.М.Булдаков**

Два столетия назад Булдаков обладал большим весом в политических и деловых кругах империи. С 1799 по 1827 г. он являлся первенствующим директором Российско-американской компании. Как отмечали современники, «по занимаемому месту... и по значительному богатству в С.-Петербурге [был] уважаем людьми лучшими, принят везде» [2, л.16а].

Булдаков происходил из небогатой провинциальной купеческой семьи города Великого Устюга Вологодской губернии. В юности, по примеру многих земляков, в поисках прибыли он отправился в Восточную Сибирь, где активно занялся пушной торговлей. Природные «дарования молодого спекулянта» [27, с.310]

Портрет Г.И.Шелихова

позволили сколотить немалый капитал и перейти в первую гильдию купечества, а также привлекли внимание Г.И.Шелихова¹. Успехи в коммерческих делах и женитьба на дочери Шелихова предопределили карьерный путь Булдакова.

За время руководства Российско-американской компанией Булдаков² упрочил имущественное положение своей семьи (в 1820-е гг. «состояние его в землях, в билетах, акциях компании» оценивалось более, чем в миллион рублей [2, л.16а]), при этом не утратил связь с малой родиной. Еще в начале XIX в. начал активно скупать

¹ Григорий Иванович Шелихов – выдающийся представитель купеческого сословия, усилиями которого были основаны первые русские поселения в Северной Америке. [Подробнее см.: 21; 24; 26].

² Подробнее о роли М.М.Булдакова в становлении и развитии Российско-американской компании см.: [20; 22].

земли в Вологодской губернии [18, л.2об.; 28, с.277–278] и приступил к устройству большой городской усадьбы в Устюге. Ввиду того, что занимаемая должность требовала постоянного пребывания в столице и не позволяла надолго отлучаться, в управлении этим имуществом Булдаков опирался на родственников и доверенных лиц, проживавших в Устюге, однако при решении многих вопросов обойтись без поддержки местных чиновников не получалось. Эпистолярные источники позволяют увидеть характер этого взаимодействия и иллюстрируют формат общения.

Выгодное сотрудничество

Многие представители провинциального чиновничества, в том числе высшие должностные лица, были заинтересованы в расположении Булдакова и стремились к сотрудничеству на взаимовыгодных условиях. Об этом свидетельствуют письма и доверенных лиц, и самих чиновников. Так, в 1806 г. двоюродный брат Булдакова устюгский градской глава И.О.Булдаков отмечал, что «весьма доволен» губернатором А.А.Горяиновым («меня любит и жалеет» [28, с.180]). Хорошо расположен был и стоявший во главе казенной палаты вице-губернатор Д.Н.Муханов. Судя по всему, обоим чиновникам удалось выстроить дружеские отношения с М.М.Булдаковым, который оказывал им поддержку в центральных учреждениях и снабжал разными товарами.

За определенные «услуги», конечно, пришлось хорошо заплатить. В частности, без содействия Муханова Булдаков не смог бы получить в собственность обширные земельные участки в Устюгском уезде, изъятые из владения казенных крестьян. В данном случае Булдаков и местные чиновники проявили изобретательность. Дело обстояло следующим образом. Булдаков договорился о покупке земель с сенатором П.П.Митусовым и обер-прокурором Г.Г.Политковским. Его интересовали владения в Вологодской губернии, но на момент соглашения ни у Митусова, ни у Политковского там собственности не имелось. В связи с этим Митусов в 1803 г. добился, чтобы «вместо пожалованных ему в Саратовской губернии 5 000 десятин земли, отдать таковое же число в Вологодской губернии», а Политковский в 1805 г. получил «высочайшее» разрешение на покупку 2 000 десятин [19, ст.359].

Выделение земель «в натуре» относилось к компетенции Вологодской казенной палаты, которая по своему усмотрению назначала участки из государственного фонда. При этом, конечно, должны были соблюдаться постановления правительства «об удовлетворении» казенных

крестьян и, соответственно, выделяться свободные земли [19, ст.359–360]. Однако Митусову и Политковскому были отданы участки «по собственному их самих назначению и выбору из числа таких земель и [оборочных. – *О.П.*] статей, коими по большей части крестьяне издавна пользовались» [19, ст.362]. По такому же принципу «в число высочайше пожалованных» отводились участки и прочим лицам (капитанше Сердюковой, полковнику Дубовицкому, тайному советнику графу Маркову). Затем, как и планировалось, все эти земли скупил Булдаков, став фактически монополистом, и начал сдавать в аренду купцам, мещанам и прежним «владельцам» – крестьянам.

Конфликт с губернатором В.И.Воейковым

С пришедшим на смену Горяинову губернатором К.И.Линеманом, познакомившимся с Булдаковым еще во время службы в Иркутске, также не возникало проблем. В июне 1806 г., получив известие о намерении Булдакова построить усадьбу и поселиться в Устьюге, Линеман написал ему: «Могу Вас обнадежить, что для меня сие будет приятным удовольствием, а между тем не оставлю я познакомиться с родственниками Вашими...» [3, л.5].

Иным образом складывались отношения с В.И.Воейковым, стоявшим во главе губернии с октября 1809 по декабрь 1810 г. Конфликт начал разгораться летом 1810 г., когда во время «обозрения» губернии Воейкову подали прошение казенные крестьяне Устьюгского уезда («в числе 16 458 наличных мужского пола душ»), жаловавшиеся на изъятие земель, доставшихся Булдакову, которые они вынуждены арендовать по непомерно высоким ставкам, отчего и находились на грани разорения [17, л.18–22]. Какова была первоначальная реакция на этот донос, и что произошло между Воейковым и Мухановым, по документам установить точно не удалось, однако хронологию событий можно проследить.

Очевидно, что губернатор остался недоволен положением дел в Устьюгском уезде. Помимо земельных вопросов, которые Булдаков решал через казенную палату, Воейкова не устраивала и ситуация, сложившаяся в самом Устьюге, где двоюродный брат Булдакова, занимая пост градского главы, распоряжался городскими землями и капиталами сиротского суда исключительно «из корысти», действуя в собственных интересах и на благо родственников и свойственников [17, л.15–18].

Воейков решил «копнуть» поглубже и «собрать нужные сведения», доказывающие незаконную деятельность [17, л.22]. Первое, что он сделал, – запросил отчет о положении казенных крестьян от устюгского исправника Я.В.Сапогова, при этом обратил внимание на накопившиеся недоимки по подушной подати. Сапогов как лицо непосредственно ответственное за сбор налогов с населения, «желая оправдать должность», постарался связать долги с обеднением крестьян из-за «неслыханного» оброка, установленного Булдаковым. Также он в подробностях изложил, каким образом земли крестьян перешли в частное владение. Для Воейкова рапорт и показания Сапогова стали главным доказательством злоупотреблений чиновников казенной палаты.

Почему Сапогов решил выступить против Булдакова и Муханова и встал на сторону губернатора? Во-первых, губернатор являлся его непосредственным начальником, а вице-губернатор, по своей должности, оказать влияния не мог. Во-вторых, земельные махинации не принесли Сапогову большой выгоды, а вот регулярные незаконные сборы с казенных крестьян имели место. Устюгский купец И.Макаров писал Булдакову: «Сапогов приехал сюда легче пуху и чище хрусталия на жалованье 250 рублей, а отсель поехал с великими деньгами, да имения приобрел, по крайней мере, покупкою на 100 000 руб. И кладу здесь, кажется, в земле не нашел» [7, л.1об.]. Рассказ о «подрыве казенных поселян» из-за монополии Булдакова отводил внимание губернатора от злоупотреблений исправника и земской полиции.

Воейков не спешил направлять в центр официальные бумаги, понимая, что за вице-губернатором стоит влиятельная фигура министра финансов и добиться надлежащего рассмотрения вопроса путем переписки будет крайне сложно. Он планировал отправиться в столицу и доложить обо всем его императорскому величеству напрямую [17, л.22]. Однако разрешения на приезд так и не получил. В то же время Муханов и Булдаков искали способ избавления от излишнего внимания «неудобного» губернатора. Осенью 1810 г. Муханов направил в Министерство финансов докладную записку. Обнаружить ее, к сожалению, не удалось, но по другим документам можно увидеть, что речь шла о попытках Воейкова вмешаться в дела Вологодской казенной палаты [19, ст.368]. Министр финансов как ревностный защитник своего ведомства, которое функционировало обособленно от Министерства внутренних дел, не мог проигнорировать это сообщение. Реакцией верховной власти стало увольнение от должности Воейкова и назначение на пост вологодского губернатора Н.И.Барша.

Уроки конфликта

Для Воейкова эта история имела печальные последствия. В декабре 1810 г., будучи отозванным в столицу, он оправдывался перед императором во всеподданнейшем докладе, где, характеризуя состояние губернии, в подробностях описал незаконные действия чиновников казенной палаты. Однако это донесение не повлекло за собой расследования и никак не повлияло на его положение – нового назначения Воейков так и не получил, что, по сути, означало конец карьеры. При этом он не оставлял попыток доказать свою правоту, и в этом ему помогал исправник Сапогов. В сентябре 1811 г. в Комиссию по принятию прошений поступило всеподданнейшее прошение от крестьян Устюгского уезда [16, л.4]. Это ходатайство, подготовленное не без содействия Сапогова, запустило процесс рассмотрения дела «о скупленных надворным советником Булдаковым» землях в высших правительственных учреждениях [19, ст. 359–382].

Булдакову пришлось приложить немалые усилия, чтобы направить течение дела в желаемое русло [11, л.1–22 об.] (решение по нему затянулось до 1828 г. [18, л.1–10]). Новый губернатор Барш поддержал Муханова и Булдакова. В феврале 1812 г., когда дело о землях готовилось к представлению в Государственный совет, он прибыл в столицу и опроверг показания Воейкова относительно крайней нужды крестьян, «удостоверив», что просители «не только удовлетворены землями в полном количестве, но у многих волостей есть и излишество» [18, л.9–9об.]. Известно, что в это время губернатор навещал Булдакова [9, л.1].

Беспокойство доставляли и происки Сапогова. В конце 1811 г. из Устюга поступали тревожные новости о неповиновении крестьян и снаряжении новых «ходатаев» с жалобами [15, л.1–1об.]. Судя по письмам, все это происходило по инициативе исправника. В начале января 1812 г. по предложению губернатора и с одобрения министра полиции Сапогов был снят с должности «за беспечность и недейтельность во взыскании недоимок и за упущения по делам», а затем попал под следствие за подстрекательство к бунту казенных поселян и половников [1, л.1; 15, л.5–5об., 17об.]. Но и это его не остановило. В феврале 1812 г. управляющие именем Булдакова писали из Устюга, что бывший исправник организовал среди крестьян сбор денег («в некоторых волостях от гривны до 25-ти копеек» с души [8, л.31]) для составления прошений и отправки поверенных в столицу: «Сбор продолжается настоятельно, но так секретно, что едва ли кто изловит, потому что из подушных вы-

читают волостные начальники по уверению Сапог[ова], который... хочет прибавить своих 30 тыс. руб.» [15, л.15об.].

Можно ли было избежать конфликта и хлопот, связанных с его последствиями? В феврале 1812 г. Муханов писал Булдакову: «В.И.Воей[ков] на свободе. Пускай говорит, что хочет, только я пред ним не нахожу себя виновным. Буде он полагает посредством моим сменен с губернаторства, – нет. Дела его довели до того. Надобно оглянуться ему на самого себя» [9, л.1]. Возможно, «при первоначальной ссоре», как отмечали управляющие именем Булдакова, с Воейковым еще получилось бы договориться. Он «не очень был богат деньгами» и, скорее всего, его «дружба» не стоила бы слишком дорого («следовало только на чем-нибудь малом положиться» [15, л.16]). Но также возможно, что бывший губернатор руководствовался не корыстными побуждениями, и обличение коррупционеров стало для него делом принципа.

**«Успел сотницу с прибавой
вытащить, а на сто копеек
не сделал добра»**

Конфликт заставил Булдакова обратить внимание на действия доверенных лиц – С.Сафонова и И.Водолева, руководивших обустройством его усадьбы в Устюге. Согласно их отчетам, на уездных чиновников приходилась «бездна расходов» [8, л.14об.]. Но при этом то и дело поступали сигналы о «препонах», «натяжках», промедлении в решении текущих вопросов, чинимых со стороны администрации. Отсюда возникал вопрос, если на месте сформировалась «система кормления», то откуда недоброжелательство «прикармливаемых» лиц. В конце марта 1812 г. Булдаков направил в Устюг Е.М.Мосцепанова с целью изучить ситуацию на месте.

В первом письме Мосцепанов отразил впечатления от посещения Вологды и встречи с губернскими чиновниками, оказавшими ему теплый прием. В частности, Барш, отведя его в особую комнату, расспрашивал, нет ли от Булдакова писем или «не заказывал ли о чем попросить его». А после того, как узнал, что у Мосцепанова не хватает денег на «подорожную» до Устюга, одолжил 25 руб. и сказал: «Мне Михайла Матвеевич возвратит...» и добавил: «Если Вы будете иметь до меня нужду, пишите письма» [8, л.1].

Донесения из Устюга оказались менее приятными. Уже при первоначальном осмотре имущества обнаружилось, что управляющие, пользуясь своим положением, «беспрестанно набивали карманы»: присваивали деньги и вещи, показывая их как расходы на чиновников и на строи-

тельство дома [8, л.3–11об.]. Знакомство с местными чиновниками только подтвердило подозрения Мосцепанова: «все ропщут и жалуются, что ничего не получают за труды свои» [8, л.14об.].

Как оказалось, Сафонов и Водолеев все же платили служащим, однако делали это не для «выгод» Булдакова, а «по прихотям своим», в том числе и «для своей пользы». При раздаче денег и вещей соблюдение интересов хозяина имения не оговаривалось и, скорее всего, не подразумевалось. Соответственно, тем должностным лицам, которые могли быть полезны и «услуги» которых нужно было щедро оплачивать, доставалось немного, отчего и возникало недовольство: «как говорят форштмейстер, почтмейстер, заседатели и исправник и другие, то он [Сафонов. – *О.П.*] почти ничего им не давал, а... показывает страшные на них расходы (что и кладет к себе в карман)» [8, л.13 об.]. Другие же, кто не был лоялен или не имел никакого влияния (кому вообще платить не следовало бы), оказались хорошо «прикормлены»: «Даром, что судьи не делают ничего так, а то он [Сафонов. – *О.П.*] и повытчиков и самых незнающих писарей приучил, что и они того и смотрят, чтоб взять от него, а без того и шагу не ступят. Да хорошо, есть ли б взяли и дело сделали! А то бросает деньги в воду. Например, ныне за копию указа дал писарю 5-ть рублей. На что такие расходы, когда через исправника можно и даром его достать! А в течение года подобных убытков наберется много, а в пять лет столько, что и деревню купить можно!» [8, л.9об.].

Большие вопросы вызывала деятельность Сафонова и Водолеева по управлению землями Булдакова. Как оказалось, они отдавали их в аренду «только тем, кто им больше принесет в подарок водки, сахару и прочего, и потому, ожидая таковых случаев», отказывали лицам, «которые дают [плату. – *О.П.*] гораздо более, но без подарков» [8, л.11–11об.]. «Словом сказать, – подытожил в письме Булдакову Мосцепанов, – это не поверенные, а жестокие грабители и разорители имения Вашего» [8, л.11об.].

**«Сим новым благотворением
беспредельно обяжете»**

Положение дел вынудило Булдакова уделять больше внимания управлению имением и скорректировать стратегию взаимодействия с местным чиновничеством. Продолжая тесное общение с губернатором и вице-губернатором, он также не отказывал в просьбах другим представителям губернского аппарата управления. К примеру, из писем секретаря Канцелярии вологодского губернатора А.И.Изюмова узнаем

о содействии в назначении на должность советника губернского правления, за что он выражал свою глубочайшую признательность: «Получив ныне желаемое удовлетворение в определении меня советником чрез Ваши старания, ...остается желать мне, чтоб дал Бог скорее случай оказать и Вам взаимно посильные мои услуги, которые всегда буду исполнять с сердечным моим удовольствием» [4, л.4]. Приходилось оказывать помощь и канцелярским служащим, от которых во многом зависели правильность оформления бумаг и скорость их движения. В частности, протоколист казенной палаты П.И.Новосельский в своем письме приносил «чувствительную благодарность» Булдакову за «одолжения и ласки, коими в Петербурге имел счастье пользоваться и которые останутся навсегда в душе... неизгладимыми» [10, л.1].

Значительные перемены последовали в отношениях с устюжскими чиновниками. Мосцепанову, сменившему прежних поверенных, было поручено наладить с ними контакт. В первую очередь, интересовали отношения с новым земским исправником К.И.Решеткиным, которому губернатор от себя предписал, чтоб прилагал все возможные усилия по делам Булдакова. Мосцепанов объявил исправнику, что ему «в подарок» ежегодно будет выплачиваться 500 руб., «ежели он будет истинно стараться» [8, л.3] (немалая сумма, учитывая размер годового оклада исправника, – 250 руб.). Сам Булдаков вступил в переписку с Решеткиным сразу после его вступления в должность и предложил «быть полезным» [14, л.1]. «Столь приятное знакомство» оказалось как раз кстати, и уже в скором времени поступила просьба о покровительстве племянникам Решеткина: «Племянники мои Второго кадетского корпуса Дворянского полку 1-го батальона 3-й роты волонтеры Василей и Владимир Ивановы Наумовы, которых по благорасположению вашему имею честь поручить Вашему покровительству...» [14, л.6об.].

Булдаков также назначил ежегодно выплачивать по 100 руб. полицейстеру П.С.Квашнину-Самарину [8, л.3], для которого эта новость оказалась отнюдь не самой радостной. Если Решеткин только-только приехал в уезд и еще не успел вникнуть в устоявшиеся порядки, то Квашнин-Самарин находился в должности с 1806 г. «По дружбе» с Сафоновым и Водолеевым он регулярно брал в долг деньги, не планируя возвращать их, и привык беспрепятственно пользоваться «разными вещами и припасами» из усадьбы Булдакова [8, л.10–10об., 12, 17]. При всем этом, являясь «первым другом и лучшим исполнителем воли Сапогова», был недоброжелательно настроен по отношению к самому хозяину име-

ния. Конечно, открыто не выступал против него, но и пользы никакой не приносил.

Когда разгорелся конфликт с губернатором Воейковым, Булдаков «изволил искать смены» не только исправника, но и полицмейстера. Благодаря связям в столице, Квашнину-Самарину удалось удержаться на должности, однако отношения пришлось выстраивать заново. После увольнения Сапогова в феврале 1812 г. через Сафонова и Водолеева он «рекомендовался» «снова иметь, как и прежде, доброе расположение» и передавал Булдакову, что оставляет в прошлом «все бывшее» [15, л.16об.]. После этого, казалось бы, все вернулось на круги своя: полицмейстера вновь начали «подкармливать» управляющие имением, но по-прежнему без всякой пользы для хозяина. Естественно, появление в Устюге Мосцепанова, уполномоченного пресекать беспорядочную раздачу имущества, вызвало негодование Квашнина-Самарина. «И полицмейстер более еще был недоволен приездом моим, нежели поверенные, ибо поверенные нажились от Вас весьма хорошо, а полицмейстер должен уже лишиться той роскоши, которую он имел от них, несмотря на тайную его к Вам ненависть, а к Сапогову преданность», – писал Булдакову Мосцепанов [8, л.17].

С недоверием к новому управляющему имением относились и другие чиновники, в особенности те, кто был обижен невниманием. Так, дворянский заседатель Устюгского земского суда М.Д.Иконников в конце 1811 г. передавал Булдакову информацию о действиях чиновников, в том числе Сапогова и его приверженцев, за что и снискал недовольство сослуживцев: «О себе ж Вам доношу, что мне жить весьма трудно стало, ибо здесь все чиновники на меня, как жиды, смотрят. Такое ж имеют мнение и в Вологде. В земском суде у нас никто меня не слушает, все сторону Сапогова держат и его боятся. И много всяких натяжек уже вымышляют и делают...» [5, л.2об.]. Выражая готовность помочь в делах, он надеялся на покровительство: «Покорно прошу Вас в помощь для защиты, а я стою против злости с великим твердым духом без поколебания, а дело надобно поворотить гораздо старательнее» [5, л.2об.]. Однако ожидаемой поддержки Иконников так и не получил, а в мае 1812 г., «подгулявши», просил Мосцепанова написать Булдакову следующее: «Он обижен от Вас, что все дела, которые он для Вас делал, надлежало б Вам купить, и что он впредь не хочет служить Вам, якобы не получая за труды свои от Сафонова ни малейшей награды» [8, л.14].

Чтобы впредь избежать подобных ситуаций, Мосцепанов предложил Булдакову определить, сколько и кому следует выплачивать: «Желал бы

я, чтоб Вы назначили для одного порядка, около какой суммы в год можно дать на почту, судьям и заседателям и стряпчему? Всякий требует, а давать что без согласия Вашего мне не хочется» [8, л.15].

Родственные связи

С некоторыми чиновниками доверительные отношения установились благодаря брачным союзам.

В Никольском уезде, где Булдаков также владел обширными землями, его интересы защищал земский исправник А.А.Красильников, чей сын, дворянский заседатель земского суда А.А.Красильников, женился на К.П.Черемисиновой (племянница Булдакова).

По письмам видно, что семейные узы создали крепкую основу для многолетнего сотрудничества и дружеского общения. Булдаков помогал им по служебным делам, в получении наград, снабжал разными вещами [6, л.1–50]. Красильниковы, со своей стороны, не только оказывали помощь в управлении землями и крестьянами, но и подыскивали владения, которые были бы выгодны к покупке. Так, в марте 1817 г. Красильников-младший собрал сведения о помещичьих имениях в Никольском уезде (какого качества земли, сколько душ, какова доходность и т. п.) и приложил к письму реестр. Описания владений выглядели следующим образом: «Господина Лихарева 89 душ, крестьяне посредственного состояния, и главный промысел лесом, коего вырубает до 1500 дерев, и вырученными деньгами платят господину оброк, коего наложено на их 1500 руб., а остальные употребляют на покупку хлеба, ибо хлебопашество у них в худом положении, и все вообще высевают разного хлеба 56 чет[вертей] 2 четв[ерика], сена ставят 360 копен, лесу строевого довольно количество» [6, л.34].

Следует отметить, что и своих дочерей Булдаков также предпочел отдать замуж за чиновников. В частности, одна из них стала женой А.И.Дружинина, с 1824 г. занявшего должность устюжского земского исправника [подробнее см.: 23, с.161–164].

Подводя итоги

Булдаков был героем своего времени, талантливым, состоятельным, известным, но все же человеком, поведение которого во многом определяли царившие в обществе порядки. Письма к нему позволяют увидеть, что неформальное общение играло важнейшую роль в развитии

коммуникации между бизнесом и властью. Своевременное знакомство и предложение «быть полезным» становились основой для плодотворного сотрудничества и «взаимного обогащения», а недостаточное внимание приводило к недовольству и конфликтным ситуациям.

Булдаков, со своей стороны, старался поддерживать связь со всеми, кто шел с ним на контакт, и не отказывать в помощи. Да и учитывая размеры его капиталов, суммы, издерживаемые на местный аппарат, казались не столь значительными. Что же касается представителей власти, то с ними все не так однозначно. По переписке можно проследить типичное поведение разных категорий служащих. Губернские чиновники, в большинстве своем, искали покровительства Булдакова, причем главным мотивом для них являлись не корыстные побуждения, а стремление воспользоваться его положением и связями в столице, в том числе и для продвижения по карьерной лестнице. В данном случае речь, конечно, идет не о канцелярских служителях, для которых первоочередной задачей все-таки было упрочение материального состояния.

Иной тип поведения демонстрировали уездные чиновники. Лица, занимавшие ключевые должности на местах, в основном обеспечивали себя за счет поборов с населения и крайней нужды в деньгах не имели. В то же время и рассчитывать на протекцию Булдакова в служебном плане много не приходилось, поскольку вершины в уездной иерархии были уже достигнуты, а получить «хорошее» место в губернских учреждениях без рекомендации своих непосредственных начальников и ряда других факторов не представлялось возможным. Воображая из себя истинных «властителей» уезда, они считали, что вправе диктовать условия. И это определяло их действия. Для таких лиц требовался индивидуальный подход, учитывавший их характер и интересы. Булдакову же, не имевшему возможности регулярно посещать свои владения и лично познакомиться с каждым «важным» должностным лицом, было сложно выстраивать доверительные отношения по переписке. А как показывала практика, поддержки губернской администрации оказывалось недостаточно, чтобы избежать трудностей в управлении имением. Даже недовольные мелкие «сошки» могли создать проблем на местах.

Письма отражают, что большинство уездных чиновников не приносило Булдакову никакой практической пользы. В публичном пространстве они нередко позволяли себе отзываться о нем в негативном контексте, но при этом считали себя правомочными претендовать на регулярные выплаты и при каждом удобном случае жаловались на то, как много они сделали и какой малой была их награда. Ког-

Памятник М.М.Булдакову в г. Великий Устюг

да разразился конфликт с Воейковым, и Сапогов подстрекал крестьян к бунту, многие служащие пытались усидеть на двух стульях: с одной стороны, выказывали приверженность губернатору и исправнику, а с другой – информировали Булдакова о действиях друг друга и на письме заверяли в своей искренней преданности, рассчитывая на вознаграждение. Так, в феврале 1812 г. Сафонов и Водолеев писали, что устюгский уездный стряпчий Н.К.Бунаков «продавал» их Сапогову «во всякое время» [15, л.21об.], но при том регулярно получал от них деньги: «Изволите увидеть слезницу Николая Капитоновича [Бунакова. – *О.П.*]... успел вкрасться и в нас по рекомендации Третья Степановича [Борноволокова, губернского прокурора. – *О.П.*] и успел сотницу с прибавой вытащить, а на сто копеек не сделал добра» [15, л.16об.]. Аналогичным образом вели себя и другие [13, л.1–4].

Не способствовало укреплению авторитета Булдакова недобросовестное поведение поверенных лиц, злоупотреблявших доверием и пользовавшихся отсутствием контроля. Сафонов и Водолеев даже осмеливались «ругать и поносить» хозяина имения. Раздавали служащим его имущество и деньги, невзирая на результаты их деятельности, в связи с чем местные чиновники привыкли требовать «покупки» их услуг, но оказывать эти услуги не спешили.

Все это сказывалось на репутации Булдакова, и заставляло его с большей осторожностью подходить к выбору доверенных лиц, а в отношении с чиновничеством – назначать персональные фиксированные выплаты и выстраивать общение по принципу «ты мне – я тебе». К примеру, из переписки с секретарем Устюгского земского суда И.П.Подьяковым видно, что Булдаков покровительствовал его сыну, служившему в столице. В 1817 г., упоминая об очередной услуге (попросить начальников его сына «о прибавке с нового году жалования, ибо содержать ему себя нечем»), Подьяков заверял: «Сим новым благотворением беспредельно обяжете, а я все силы употребляю по делу Вашему о получении с земель доходов и о приведении непослушных в повиновение, что могут свидетельствовать Ваши управители» [12, л.1об.].

Трудности, с которыми пришлось столкнуться Булдакову, научили его многому и, в первую очередь, тому, что одни только взятки не обеспечивали лояльности чиновников: они действовали исключительно из своих соображений, которые далеко не всегда совпадали с интересами Булдакова.

Библиографический список

1. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф.14. Оп.1. Д.393.
2. ГАВО. Ф.671. Оп.1. Д.195.
3. ГАВО. Ф.Р-5159. Оп.1. Д.582.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1605. Оп.1. Д.204.
5. РГАДА. Ф.1605. Оп.1. Д.205.
6. РГАДА. Ф.1605. Оп.1. Д.219.
7. РГАДА. Ф.1605. Оп.1. Д.228.
8. РГАДА. Ф.1605. Оп.1. Д.232.
9. РГАДА. Ф.1605. Оп.1. Д.235.
10. РГАДА. Ф.1605. Оп.1. Д.245.
11. РГАДА. Ф.1605. Оп.1. Д.247.
12. РГАДА. Ф.1605. Оп.1. Д.250.
13. РГАДА. Ф.1605. Оп.1. Д.256.
14. РГАДА. Ф.1605. Оп.1. Д.257.
15. РГАДА. Ф.1605. Оп.1. Д.264.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.379. Оп.1. Д.65.
17. РГИА. Ф.560. Оп.1. Д.90.
18. РГИА. Ф.1151. Оп.1. Д.318.
19. Архив Государственного совета. Т.4: Царствование императора Александра I. (с 1810 по 19 ноября 1825 гг.). Журналы по делам Департамента гражданских и духовных

дел. Ч.1: Рассмотрение проектов уложений гражданского, уголовного и торгового. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1892. VI с., 784 стб.

20. Ермолаев А. Н. Первенствующий директор М. М. Булдаков и становление Российско-американской компании // Вологжане в истории Русской Америки. Вологда: Древности Севера, 2012. С.68–77.

21. Петров А. Ю. Деятельность семьи Г. И. и Н. А. Шелиховых и образование Российско-американской компании, 1781–1799 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 239 с.

22. Петров А. Ю., Егорова Ю. С. Роль Михаила Булдакова в историко-культурном наследии Русской Америки // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т.65. Вып.2. С.343–356.

23. Плех О. А. «В нашем месте... с честностию и благородством умрем с голоду»: мышления о службе провинциального чиновника 1820-х гг. на страницах его дневника // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (24–25 ноября 2020 г.) / [отв. ред.: Ю. А. Петров, В. Н. Круглов]. М.: ИРИ РАН, 2020. С.153–168.

24. Ситников Л. А. Григорий Шелихов. Иркутск: Вост. – Сиб. кн. изд-во, 1990. 412 с.

25. Социально-психологические исследования коррупции / отв. ред.: А. Л. Журавлев, Д. А. Китова, В. А. Соснин. М.: Институт психологии РАН, 2017. 284 с.

26. Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам / [под ред. Б. П. Полевого]. Хабаровск: Кн. изд-во, 1971. 171 с.

27. Энциклопедический лексикон. Т.7: Бра–Бял. СПб.: в тип. А. Плюшара, 1836. X, XIII, 622 с.

28. Эпистолярное наследие устюгской купеческой семьи Булдаковых конца XVIII – первой четверти XIX века: тексты и исследования. Вологда: Древности Севера, 2018. 416 с.

Елена Жбанкова

РУССКИЙ БАЛ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

ЧТО И КАК ПРОДОЛЖАЛИ ТАНЦЕВАТЬ НАШИ ПРЕДКИ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

94 (47) 08

В России в XIX – начале XX вв. салонная танцевальная практика достигла кульминации в своем развитии. Балы как форма досуга стали неотъемлемой частью бытовой жизни не только аристократии, но и других социальных слоев русского общества. На протяжении XIX века хореографический язык бального танца по-прежнему обновлялся во Франции, а затем распространялся в других странах Европы, но в конце века произошла кардинальная смена ориентиров, и европейский бальный танец стал стремительно «американизоваться».

In Russia, in the XIX – early XX centuries, salon dance practice reached its culmination in its development. Balls as a form of leisure have become an integral part of everyday life not only of the aristocracy, but also of other social strata of Russian society. Throughout the 19th century, the choreographic language of ballroom dance was still being updated in France, and then spread to other European countries, but at the end of the century there was a radical change of orientation, and European ballroom dance began to rapidly “americanize”.

Ключевые слова: бал; аристократия; купечество; вальс; мазурка; полька; «американизация»; бостон; танго.

Key words: ball; aristocracy; merchant class; waltz; mazurka; polka; “Americanization”; boston; tango.

E-mail: evzhsbankova@mail.ru

*О короле можно судить
по тому, как танцуют
во время его правления*

(китайская пословица)

Развитие культуры бала в России началось лишь с XVIII века, но уже первая четверть XIX века, период правления Александра I, получает название эпохи «танцующей, паркетной» [20, с.166].

Умение танцевать для русской аристократии тогда было обязательным. Даже если кто-то не имел природных танцевальных способностей и желания проводить время в хореографической практике, он все равно должен был присутствовать на балах и принимать участие в танцах. От хореографических талантов порой зависели и положение в обществе, и репутация, так как неудачи в данном деле часто становились предметом для шуток и издевательств.

Так, например, князя А.П.Гагарина за неумение танцевать высмеяли в газете. Там было написано: «Не угодно ли кн. Г-ну, потерявшему каданс на таком-то балу, за получением онго явиться к танцмейстеру Йогелю?»

Сконфуженный князь вынужден был брать дополнительные уроки танцев. На графа Н. была написана следующая эпиграмма: «Скажу про графа не в укор: "Танцует, как Вольтер, а пишет как Дюпор"» [20, с.167].

Александр I, русский император 1801–1825 гг.

Петр Андреевич Йогель,
преподаватель салонного танца

Вольтер, французский философ-просветитель XVIII в.

Дюпор Луи Антуан, французский танцовщик и хореограф XIX в.

Умение танцевать и знание элегантных манер, напротив, могли открыть двери великосветских салонов людям недворянского происхождения, в первую очередь, театральным актерам [2, с.164].

По свидетельству современников, в начале XIX века большинство салонных танцев было французского происхождения. Французы со средневековья считались первыми танцорами и были законодателями мод в области бального этикета. Практически все новые бальные танцы были введены в европейские танцевальные залы именно Францией, даже те, которые не имели французского происхождения (полонез, мазурка, полька).

Что танцевали на балу «паркетной» эпохи?

Что же танцевали в русском салоне первой четверти XIX в.? В программе бала были: старинный полонез, модный в конце XVIII в. «Гавот Вестриса», гротфатер, разнообразные контрдансы, англез, экосез, французская кадриль, а также новомодные вальс в два па, мазурка и котильон. Каждый танец имел свои особенности, свою историю и свое место и роль на балу.

Бал по традиции открывался полонезом. Он был любим в Рос-

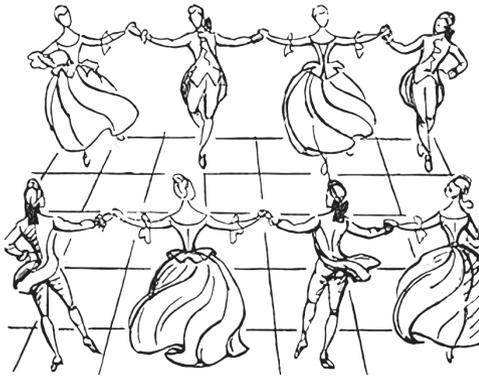
Полонез

сии с екатерининских времен и в начале XIX в. не потерял значения торжественной церемонной интродукции бала под названием «круглого польского» [14, с.283]. Хореографически полонез выглядел следующим образом. Начиная танец, мужчина подавал даме правую руку (у поляков, создателей танца, до введения в обиход бальных перчаток, мужчина из рыцарского отношения к даме прикрывал руку снятой шапкой). Он вел ее вперед плавными размеренными шагами, время от времени горделиво-театрально приподнимаясь на носках. В танце были повороты в паре, во время которых кавалер со всевозможной галантностью обводил даму вокруг себя. Иногда в полонезе кавалеры менялись дамами, пользуясь приемом «отбивания», изображавшим древний обычай захвата женщины в бою сильнейшим. Хочется отметить, что хореографически усложненной разновидностью полонеза является мазурка, один из самых знаменитых и любимых новых танцев на русском балу первой половины XIX века [2, с.284].

«Гавот Вестриса» – это галантный танец в стиле рококо, сочиненный знаменитым французским танцовщиком и балетмейстером Огюстом Вестрисом. Для него характерны изящные позы, разнообразные поло-

Огюст Вестрис, знаменитый французский танцовщик и балетмейстер XVIII–XIX вв.

Контрданс – название собирательное, объединяющее однотипные танцы (кадриль, англес, экосез, гроссфатер, лансье), построенные по каре или по линии, где четное число пар стоят друг против друга. Появились они в Англии в XVII в. и оттуда были заимствованы всеми европейскими народами. «Контрданс» (по-английски «country dance») означает «сельский, деревенский танец»

жения рук партнеров, небольшие прыжки, повороты, разного рода приседания и шаги.

Простой гавот – танец живой и веселый, состоящий из трех шагов и одного соединенного. Движение в гавоте «должно было быть приятное, веселое, а иногда немного и медленное». Гросфатер – один из вариантов контрданса, как впрочем, и многие другие танцы. «Почти все контрдансы суть гавоты – их танцуют с дружеским и шутивным видом, и с такою поспешностью, что они обыкновенно человека разгорячают» [11, с.129, 210].

В контрдансах, имеющих названия «Данила Купер», «Березани», «Соваж», мужчины и дамы становились рядами друг против друга и исполняли разнообразные фигуры. Чаще всего на русских балах танцевали контрдансы из восьми фигур, в которых принимали участие обычно от четырех до восьми человек.

Одна из разновидностей контрданса – англес, названный так, потому что в Россию был приведен из Британии. Этот живой и картинный танец, по мнению исследователей, представлял собою целую пантомиму влюбленности и ухаживания. Жен-

щина в нем делала движения такого рода, как будто она убегает от кавалера, ее преследующего, и уклоняется от его внимания. Внезапно, как бы поддразнивая его, она останавливается, кокетничая, в самой соблазнительной позе, но только он к ней приблизится – она вновь убегает в сторону [14, с.287].

Одной из поздних разновидностей англеза является экосез. Схема танца – колонна и круги. Его образно описывает Карло Блазис, итальянский хореограф, балетмейстер, теоретик танца и педагог в своей книге «Танцы вообще, балетные знаменитости и национальные танцы»: «Танец резвый и любимый важными англичанами.

Карло Блазис, итальянский хореограф XIX в.

Двое танцующих тихонько подпрыгивают под живой ритм блестящего и хорошо кадансированного мотива. То подаются они вперед, то отступают, берутся за руки и кружатся под музыку, которая становится быстрее и быстрее, ноги танцующих двигаются с такой быстротой, что взор не в состоянии следить за их движением. Движения тела и рук грациозны и вместе с тем небрежно аккомпанируют движению ног. Позы танцующих привлекают к себе внимание живописца» [3, с.207].

Весьма своеобразным был танец тампет (буря), отличавшийся подчеркнутой страстностью, состоящий из резких порывистых движений. Считается, что тампет был придуман во время Великой французской революции и олицетворяет собой дух эпохи и подъем народного движения [11, с.210].

Французская кадриль – особенно любимый танец на русском балу. Она основывалась на движении шассе (скользящий шаг) и исполнялась на полупальцах. Прыжки в ней отсутствовали, зато имелись разнообразные переходы, цепи, змейки, составленные из танцующих. Во французской кадрили исполнители располагались в две линии с расстоянием между ними не более пяти шагов. Как правило, танец состоял из пяти обязательных фигур:

1. *le pantalon*,
2. *l'ete*,
3. *la poule*,
4. *la pastourelle*,
5. *финал* [17, с.13].

Французская кадрили

Почему вальс в два па в Париже назывался «русским вальсом»? С самого начала XIX века в бальных салонах особенной любовью пользовался новый танец – «вальс в два па». Он был настолько популярен в России, что в Париже его называли «русским вальсом». Танец был известен в Европе уже давно, но в XVIII веке считался танцем не совсем приличным и даже сравнивался с холерой и проказой. В правление Павла I офицеров, замеченных в «танцевании пляски, вальцею именуемой», прямо с бала отправляли на гауптвахту [7, с.75].

Для правильного исполнения вальса существовали четкие правила. «Вальсерам» рекомендовалось быть в танце простыми и естественными, не менять выражения лица, оставаться свободными и непринужденными, чтобы продемонстрировать окружающим, что исполнение танца не составляет ни малейших усилий. Особенности требования предъявлялись к дамам, которые никогда не должны были проявлять танцеваль-

ной инициативы, а целиком и полностью довериться кавалеру. Вальс, конечно, требовал навыка в исполнении, но, в сущности, не относился к категории трудных танцев.

«Русский вальс»

Совсем другим по сложности был самый модный танец начала XIX в. – мазурка. В нем было много довольно сложных танцевальных движений и акцентов, оставшихся в блестящем салонном танце от польского народного «мазура». Но все же главной трудностью мазурки была манера ее исполнения. Тут имели значение вкус и личная фантазия каждого исполнителя. Импровизация – вот, что было необходимо для настоящего танцора. Танцмейстеры рекомендовали своим ученикам быть смелыми, уверенными в себе, не беспокоиться о том, что скажут окружающие, если вдруг придет желание исполнить какое-нибудь замысловатое коленце. Остроумные французы даже называли мазурку «un mariage de deux heures» (любовью на два часа) [14, с.13].

Лучшими «мазуристами» того времени, по общему признанию, считались сам Александр I, граф М.А.Милорадович и актер И.И.Соницкий.

Иван Иванович Сосницкий,
актер Санкт-Петербургского
Императорского театра

Михаил Андреевич Милорадович,
граф, генерал от инфантерии

О чрезвычайной популярности мазурки говорит, к примеру, небольшая статья в «Северной Пчеле» под названием «Любимая фигура мазурки».

Мазурка

«В "Пиковой даме" А.С.Пушкина, помните ли, – на балу во время мазурки, разговор насмешливого Томского с интересною Лизаветою Ивановной пресекает вопрос: "oubli ou regret?". Можем себе представить, как будут ломать себе головы комментаторы Пушкина в XX, XXI и следующих веках для объяснения этих простых слов. Значение и весьма загадочный смысл их теперь растолкует всякий танцующий. Это просто любимая фигура в мазурке» [19].

Действительно, современному человеку, даже со знанием французского, невозможно расшифровать содержание разговора. Ма-

ленькая заметка современника лишний раз подчеркивает, насколько был важен и общепринят в кругу аристократии язык бального танца.

В конце бала всегда танцевался котильон – своеобразная смесь из разных танцев (французской кадрили, вальса и мазурки), где количество фигур зависело от хореографической изобретательности танцоров [17, с.71].

Котильон

Некоторые умельцы на русском балу исполняли и стилизованные отечественные пляски, к которым относились русская пляска, украинские «казачок» и «метелица» и даже страстная «цыганочка».

В первой четверти XIX века Россия обладала высокоразвитой культурой бального танца. Хореография занимала важнейшее место в жизни высшего общества Российской империи. Бал, по выражению Ю.М.Лотмана, был областью общественного представительства, формой социальной организации, одной из немногих форм дозволенного в России той поры коллективного быта [13, с.91]. Умение хорошо двигаться в сочетании с изысканными манерами, приобретаемыми только благодаря регулярным занятиям танцами, было присуще значительной части русского дворянства. Это позволяло русскому высшему сословию очень быстро осваивать все новинки европейских салонных танцев, особенно фран-

цузских, и даже иногда вносить свою лепту в изобретение новых танцевальных форм. Все перечисленные танцы требовали достаточно серьезной физической подготовки, которая во многом зависела от регулярности исполнения. Сам бал можно в какой-то степени расценить как вечер специфических физических тренировок. Так что, если взрослый человек по каким-то причинам не мог часто принимать участие в балах, он должен был в этом случае индивидуально посещать танцмейстера, чтобы не потерять хореографических навыков.

Русский бал во время правления Николая I В царствование Николая I русское аристократическое общество проводило еще более роскошные и веселые балы. Император лично уделял большое внимание бальной практике, а императрица часто устраивала обеды, рауты и балы при дворе [20, с.169]. Русская аристократия просила императорскую чету сделать им честь посещением своих балов, и Николай Павлович и Александра Федоровна милостиво принимали приглашения.

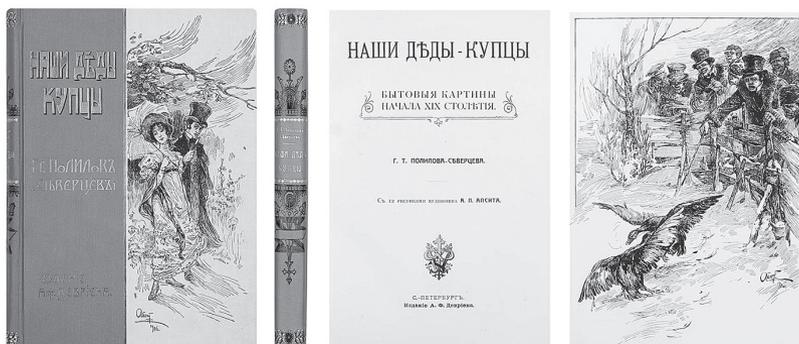
Николай I, русский император 1825–1855, Александра Федоровна, императрица

По сравнению с началом века количество танцев на балу несколько уменьшилось, но их порядок стал более определенным, а танцевальный

этикет приобрел завершенную форму. Хореографический язык упростился, и танцы стали более доступны для исполнения.

С 1850-х гг. начинают устраивать свои собственные балы представители других слоев общества, в основном, русского купечества. Балы широко распространяются в провинции, теряют свой церемониальный характер и становятся неотъемлемой частью повседневной жизни [9, с.190].

Г.Т.Полилов-Северцев в своих воспоминаниях об этом времени описывает быт купеческого общества города Рыбинска. Он говорит о том, что в середине XIX века в купеческих семьях уже было принято в обязательном порядке каждый званый обед оканчивать танцами, продолжавшимися до полуночи. К примеру, на святках молодежь, нарядившись по обычаю, вечерами ходила по домам богатых купцов, чтобы там потанцевать. Ряженые плясали под гитару «русскую», «уточку», кадрили и др. [16, с.175, 244].

Воспоминания Полилова-Северцева Г.Т.

На балах, танцевальных вечерах, городских и семейных празднествах, студенческих и гимназических балах танцевали по-прежнему салонные танцы, известные с XVIII в., модные в начале XIX в., а также вновь появившиеся модные современные. Самым популярным танцем середины XIX в. была полька. Ее успех объяснялся простотой движений, демократичностью и живостью музыкального аккомпанемента. Полька берет свое начало от национального чешского танца. Первые упоминания о ней как о бальном танце относятся к 1825 году. Из Богемии полька попала в Вену, а затем в Париж. Известный танцмейстер Целлариус ввел польку в парижские танцевальные салоны, описал ее основные движения и фигуры, дав схему исполнения этого танца [17, с.42].

Полька

Особенной любовью полька пользовалась у молодежи. Ее живой и веселый массовый характер облегчал процесс знакомства молодых людей противоположного пола друг с другом, поэтому чаще всего она исполнялась на студенческих балах.

С упрощением танцевального языка и с повсеместным распространением культуры общественного танца, людей охватило настоящее «плясобешие», по выражению, принятому в тогдашней прессе. Забегая вперед, скажем, что наивысшие точки «плясобешия» приходились на 1850-е годы, на 1880-е и на начало XX века. В 1880-е особенно танцевали в Москве. «В каждый отпуск по четвергам и с субботы до воскресенья (если только за единицу по фортификации Дрозд не оставлял его в училище) он плясал до изнеможения, до упаду в знакомых домах, на вечеринках или просто так, безо всякого повода, как тогда неистово танцевала вся Москва», – писал А.Куприн [12, с.200].

Отмечалось, что во второй половине XIX в. повсюду устраивались публичные балы, на которых сначала самой большой популярностью пользовались полька и кадрили, затем к ним добавился галоп, а затем и канкан, вошедший в бальные залы из новомодных кафешантанов.

**Начало всеобщей
«американизации» бального
танца**

до этого времени на протяжении почти четырех веков законодательницей мод в европейской салонной культуре была Франция, то теперь на смену ей приходят страны Северной и Южной Америки.

В 70-е гг. XIX века в европейский салон проникает американский бостон – танец мерного скользящего шага. «Бостонируется» и полька, и кадрили, и мазурка, и вальс.

В 1890-е гг. в Европе появляется танец матчиш, возникший на основе народного танца бразильских негров, а также танец кек-уок – негритянский праздничный танец-игра.

Об этих танцах в российских кафешантанах пели:

*Матчиш в Париже в моде
Давно привился
И в нашем переводе
Теперь явился...
Мы дружественным узам
Не изменяем
И потому французам
Все подражаем...*

и...

*Кек-уок, всем известно,
В моде повсеместно,
Барышни-красотки
Швейки и кокетки
Все изображают,
Неграм подражают:
Лихо представляют
Кек-уок! [18, с.354].*

Конец XIX – начало XX веков ознаменован в общеевропейской историко-бытовой хореографии кардинальной сменой ориентиров. Если

Матчиш

Кек-уок

Степ

Популярными в самом начале XX века стали уон-и тустеп (от *step* – шаг). До сих пор танец, основанный на ритмичных ударах ног об землю и переборах, называется степом или, что привычнее русскому уху, чечеткой.

Исследователи считают, что повсеместное увлечение танцами на основе степа отражает общую тенденцию тотальной

«американизации» Европы. Это связано с всеобщей урбанизацией, индустриализацией, машинизацией, с усовершенствованием путей сообщения и прочими проявлениями буржуазно-промышленного мира, накладывавшими свой отпечаток на быт и людские нравы [8, с.54].

Журналистика накануне Первой мировой войны огромное внимание уделяла атмосфере светского общества и чутко реагировала на новомодные веяния в культуре общественного танца. Известный публицист М.Бонч-Томашевский настаивал на том, что «американизация» есть самая яркая очевидность тех дней.

Михаил Михайлович Бонч-Томашевский, публицист, кинорежиссер

Он говорил о том, что русские люди американизируются, приобретая «те же сухие нервные лица, ту же остроту взгляда, то же закаленное новым спортом, железное тело и, наконец, ту же психику, что и гордые сыны звездной республики. И, наряду с американизацией нашей жизни, под триумфальным флагом нового человечества, в Европу проникает американский танец, начинающий свою эпоху со "стэпа", столь странного и загадочного. Напоминающего нашу старинную "чечетку" и танцующеюся только нервно выбивающими дробь ногами при полной неподвижности всего тела. Этот смешной и жуткий танец окаменелого

человека с восторгом принимается жителями наиболее крупных европейских городов» [5, с.23].

По этим строкам становится понятно, что эпоха классического салона прошла, что в начале XX века общество отошло от привычек и манер предыдущего века, когда в центре внимания в бальном танце была пара или несколько пар. В танце нового времени человеческая личность уходит даже не на второй план, она практически растворяется в толпе себе подобных, в которой каждый ищет доступные ему способы самовыражения, не особенно беспокоясь о соблюдении правил старинного бального этикета. Эту тенденцию можно объяснить инстинктивным стремлением людей к объединению в условиях стандартизации и типичным для этого процесса усреднением индивидуальности. Другими словами, это можно назвать своеобразным проявлением одной из сторон зарождающейся массовой культуры – самой характерной приметы начинающегося XX века.

Действительно, если в XIX в. хореографический текст салонных танцев был довольно сложен и требовал серьезной специальной подготовки и обучения перед исполнением, то танцы начала XX века для массового исполнения в танцевальном зале базировались на двух–трех достаточно примитивных движениях, освоить которые мог практически любой человек, не имеющий особой подготовки. В этом и заключается основная проблема, вставшая перед бальным танцем в новом веке: уходит класс, уходит стиль, уходит индивидуальность, но зато появляется чувство единения в своей схожести на других в этом огромном индустриальном многонаселенном мире, где практически никто не знает друг друга.

Начало XX века и танго

В начале XX века танцевали не только степ. Танцем, противостоящим ему, был танго. Он появился в Европе в начале XX в., а в 1909 г. в Париже был официально признан бальным танцем. Родоначальником европейского варианта танго считается французский хореограф и композитор Камиль де Риналь. Именно он освободил танец от излишних экзотических черт, упростил его и сделал доступным для широкого круга.

Танго был завезен в Европу из Латинской Америки, где популярность его была настолько велика, что этим словом стали называть некоторые народные танцы в Аргентине, Бразилии, Мексике и на Кубе. Поначалу танго был танцем низших слоев, обитателей городских окраин, детищем завсегдаев сомнительных заведений. Оказавшись в Париже, танго вскружил голову всем: его танцевали и в дансингах, и на феше-

Танго

Обложка журнала «Нива»

небелых курортах, и в ресторанах, появились десятки пособий для желающих обучаться новому танцу, один из оттенков оранжевого цвета даже получил название «танго», а сам Париж журналистами стал называться «Танговилем». Российская «Нива», к примеру, широко рекламировала французские духи «Танго» [15].

С 1911 г. танго распространяется в Англии, с 1912 г. в Германии, затем в России и других странах Европы. К 1914 г. «эпидемия» танго охватила все европейские страны.

Начались даже попытки проследить историю танца. Весьма интересная заметка появилась в русском журнале «Сцена и арена» зимой 1914 года в рубрике «Заграничные новости».

«Уйди с головою в танго, американцы как народ положительный и любознательный, занялись попутно научными изысканиями родины этого танца. Ныне один весьма серьезный нью-йоркский журнал доводит до сведения "тангирующей" публики, что танго, безусловно, азиатского происхождения, и что про него, как и про многое другое, можно смело сказать: "Ex orient lux!". Оказывается, что в китайской провинции Танго-Хо, примыкающей к границам Бирнанин, этот танец исполняют уже с самых незапамятных времен под звуки самых

примитивных музыкальных инструментов. Еще очень давно странствующие индийские цыгане завезли танго в Испанию, где он, однако, не привился и не получил распространения. Из Испании он попал в Аргентину, где его переработали, видоизменили и вообще облагородили. Таким образом, ничто не ново под луною, и танец, именуемый последним криком моды, имеет громадную давность» [21].

В феврале 1914 г. во французском журнале «L'Illustration» появился рисунок, изображавший самого папу римского, который задумчиво смотрит на танцующую танго пару. Ватикан счел своим долгом специально высказаться по этому поводу, поскольку «аморальный» латиноамериканский выскочка вызывал неодобрение, и подобная озабоченность была вполне понятна. Особенное недовольство было высказано из Аргентины: поэт Леопольдо Лугонес назвал танго «развратным пресмыкающимся», а дипломаты, представлявшие страну за рубежом, выражали недовольство наглостью безродного соотечественника, завоевавшего мир [4, с.201–202].

Подтверждения небывалой популярностью танго-танца и танго-стиля в России встречаются в периодике начала XX века, в художественной литературе и в мемуарах. Так, например, Александр Вертинский в своих воспоминаниях о 1910–1912 гг., рассказывая о начале своего творческого пути в Москве в Театре миниатюр, подчеркнул, что своих первых успехов он добился, выступая с пародиями на злобу дня. Главной заботой дня, по его словам, было танго, танец, к которому было приковано внимание московской общественности. Первой его пародией была «Танго – танец для богов». Именно после этих выступлений начинающий артист был отмечен в рецензиях и назван «остроумным и жеманным Александром Вертинским» [1, с.77].

У танца образовалось огромное количество поклонников, но было также и огромное количество противников.

«Остроумный и жеманный»
Александр Вертинский

Последние считали танго танцем чрезмерно чувственным и потому не соответствующим этикету классического балльного зала. Из прессы мы узнаем, к примеру, что обер-прокурор Синода запретил всем православным танцевать танго, так как этот танец «воскрешает ужасы Содомы и Гоморры».[10].

Сторонники танго, напротив, с позитивной стороны подчеркивали сексуальность танца, видя в нем отражение самобытности эпохи, определяя этим танцем общий художественный стиль XX века. По их мнению, танго – танец, требующий, в первую очередь, безукоризненного внешнего облика исполнителей: мужского фрака и женского обтягивающего платья, придающего женщине змеевидный облик. Эти костюмы диктовали манеру исполнения танца. В танго нет откровенных жестов, кавалер держит даму на значительном расстоянии от себя. В танце партнеры находятся на дистанции друг от друга, но это разъединение как раз и символизирует их сильное взаимное притяжение. Комплекс специальных движений создает некий невидимый, но хорошо ощущаемый электрический ток чувства, в котором и заключается пресловутая чрезмерная сексуальность танго. «Если мы не замечаем момента чувственности в наших танцах, то происходит это по единственной причине: мы привыкли

Танго

к тому, что в вальсе мужчина обнимает даму, и даже самый отъявленный ревнивец не устроит по этому поводу истории своей возлюбленной. Мы привыкли к тому, что в польке ноги мужчины все время скрещиваются с ногами женщины, и никому не придет в голову сетовать о падении наших нравов, если бы все неожиданно не увлеклись полькой. Внешне танго в тысячу раз целомудреннее всех прежних танцев, ибо в танго кавалер едва касается дамы оборотом ладони, в то время как те танцы требуют крепкого объятия, ибо все переходы и все «па» танго, если только они не танцуются с подчеркнутой чувственностью, не допускают даже встречи ног

партнеров, ибо все они суть только преддверие того чувства, которое наглядно изображают все наши нравственные танцы» [5, с.36].

Именно эта внешняя формальность и сдержанность в проявлениях при сильном кипении страстей внутри и определяли, по мнению многих современников, нравственные каноны эпохи начала XX века. Этот танец как нельзя лучше вписался в жизнь салонов периода Первой мировой войны, эпохи разрушения привычного жизненного уклада, отрицания устоявшихся форм и поисков нового.

**Школьные балы:
гимназические и институтские**

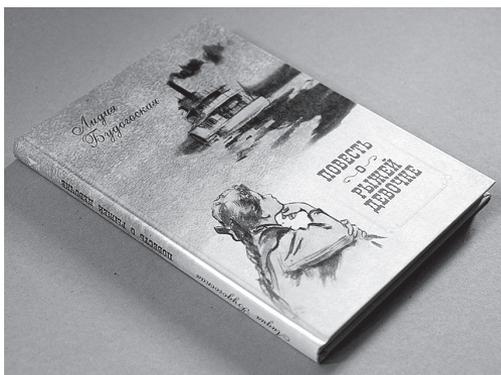
Однако далеко не на всех балах в начале XX века исполнялись модные новинки. Самыми традиционными в лучшем смысле этого слова

были балы школьные: гимназические и институтские. Так как основной задачей, стоявшей перед учебным заведением, было воспитание, то на школьных балах танцевались проверенные временем танцы, куда нечто новомодное старались не допускать.

Интересные описания гимназических балов встречаются в автобиографической литературе. Так, Л.Будогоская в своей «Повести о рыжей девочке», рассказывая о бале в женской гимназии, куда были приглашены учащиеся старших классов местной мужской гимназии и реального училища, упоминает, что танцевали на балу вальс, па-де-патинер, помпадур и па-де-катр [6, с.36–37].

Будогоская делает очень точное описание вальса, который по-прежнему является основным танцем на школьном балу, хотя действие происходит в начале XX века.

В этой же книге и в других автобиографических сочинениях о начале XX века обязательно упоминаются такие танцы, как шакон, падеграс, падекатр, па-де-трау и миньон. Это танцы авторские. Несмотря на свои французские названия, они были сочинены и некоторые даже записаны русскими хореографами.

Книга Л.Будогоской «Повесть о рыжей девочке»

Сочинение Н.Л.Гавликовского,
артиста балета, теоретика танца

Танец шакон был сочинен артистом Императорских театров Н.Гавликовским. Танец основывался на сочетании красивых поз, простоте движений и в то же время почти балетной грациозности, выработывавшей изящную манеру у танцующих. В основном он был построен на движениях менуэта и гавота и должен был исполняться мягко и плавно.

Падеграс был сочинен и записан Е.Ивановым. Падекатр и миньон были сочинены тем же Н.Гавликовским. Оба этих танца были основаны на вальсе. Па-де-труа, в котором сочетались движения менуэта, мазурки и вальса, был сочинен А.Бычковым [7, с.197–202].

В самых популярных изданиях начала XX века печатались ноты к новинкам в области балетных танцев и давались описания самих танцев. Так, журнал «Нива», журнал «Музыка и пение» регулярно рассказывали о новых вальсах, галопах, падеспа-ни, помпадуре и др. [15].

В начале XX века (до начала эпидемии танго) на русском балу исполнялось огромное количество танцев. Наиболее употребительными были:

- *Вальс. Его разновидности:*
 - вальс-галоп,
 - французский в два па,
 - немецкий в три па, он же ютцер-вальс.
- *Полька.*
- *Полька-мазурка.*
- *Мазурка.*
- *Французская кадрили.*
- *Кадрили лансье.*

- *Камаринская.*
- *Малороссийская пляска.*
- *Варшавянка.*
- *Цыганская пляска.*
- *Полька-патинер.*
- *Падекатр.*
- *Шакон.*
- *Бальная лезгинка.*
- *Миньон.*
- *Падеспань.*
- *Падеграс.*
- *Бальный чардаш.*
- *Матчиш.*
- *Кек-уок.*
- *Па-де-труа.*
- *Фанданго.*
- *Белорусская пляска.*
- *Менуэт-вальс.*
- *Эlegant.*

Некоторые из этих танцев вошли в программу международных соревнований по бальным танцам. Здесь хочется особенно подчеркнуть, что в начале XX века активизировался процесс сближения физкультуры и бального танца, который, в первую очередь, проявился в том, что стали устраиваться соревнования по бальным танцам. Первый чемпионат мира по бальным танцам состоялся в Париже в 1909 г. С той поры в Европе они проходили регулярно. После 1917 г. Россия, по естественным причинам, длительное время не принимает участия в подобных мероприятиях.

Как мы смогли увидеть, с момента появления на русской почве культуры бальных танцев, она прошла огромный эволюционный путь вместе с общеевропейской культурой салонного танца. В России, также как и в любой другой стране Европы, танцевали французские новинки, которые нередко после появления на балах в нашей стране часто именовались специфически русскими. Мы уже говорили о том, что вальс в два па и мазурка в Россию попали традиционным путем, из Франции. Но они часто назывались впоследствии «русским вальсом» и «русской мазуркой», так как желание и умение танцевать в России было настолько велико, что пальма первенства в их

исполнении зачастую принадлежала русским. Это происходило на всех этапах развития бального танца. В начале XX века, несмотря на кардинальное изменение ситуации в салонной культуре, связанной с демократизацией и с ярко выраженным американским влиянием, желание танцевать у русских не убавилось. Наоборот, к концу XIX века Россия неоднократно переживала некое подобие танцевального «бума», последний из которых был как раз в начале XX века в период повального увлечения танго. С началом, а особенно с продолжением, Первой мировой войны, с вступлением России в эпоху кризиса и революции, общественный танец несколько утратил свое былое значение с тем, чтобы в новых исторических условиях начать очередной период своего развития на другом качественном уровне.

Библиографический список

1. Александр Вертинский. Дорогой длиною... М., «Правда», 1990.
2. Арапов П. Летопись русского театра. СПб., Тип. Н.Тиблена и К°, 1861.
3. Блазис К. Танцы вообще, балетные знаменитости и национальные танцы. М., Тип. Лазаревского института восточных языков, 1864.
4. Бокас Л. Время и танго // Курьер ЮНЕСКО. Антология за 30 лет. М., «Прогресс», 1990.
5. Бонч-Томашевский М.М. Книга о танго. Искусство и сексуальность. М., Тип. В.Португалова, 1914.
6. Будогоская Л. Повесть о рыжей девочке. М., «Детгиз» 1967.
7. Васильева-Рождественская М. Историко-бытовой танец. М., «Искусство», 1987.
8. Друскин М.С. Очерки по истории танцевальной музыки. Л., Ленинградская филармония, 1936.
9. Дуков Е.В. Бал в культуре России // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. СПб., «Дмитрий Буланин», 2000.
10. Зрелища, 1922. №23
11. Компан Ш. Танцевальный словарь. М., Тип. В.Окорокова, 1790.
12. Куприн А.И. Юнкера // Собр. соч. в пяти томах. Т.5. М., «Правда», 1982.
13. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб., «Искусство», 1991.
14. Михневич В. Исторические этюды русской жизни. Т.2. СПб., Тип. Ф.Сушинского, 1882.

15. Нива. 1901. №1, 3, 6, 27.
16. Полилов-Северцев Г.Т. Наши деды-купцы. СПб., Тип. А.Девриена, 1907.
17. Руководство к изучению новейших бальных танцев. Сочинение Целлариуса. СПб., Тип. В.Полякова, 1848.
18. Сапиева Е.А. Кафешантан Шарля Омона // Развлекательная культура России XVIII – XIX веков. СПб., «Дмитрий Буланин», 2000.
19. Северная пчела. 1841. №10.
20. Стуколкин Л. Преподаватель и распорядитель бальных танцев. СПб., Книжный склад. В.Губинского, 1890.
21. Танго – цыганский танец // Сцена и арена. 1914. №1. С.17.

Память сохраняет только то,
что вы сами даете ей
на сохранение.

Дмитрий Писарев

Воспоминания – это
волшебные одежды,
которые от употребления
не изнашиваются.

Роберт Стивенсон

Евгения Лупанова

**ЧАСЫ РАБОТЫ
ЛЕЙТЕНАНТА ФЛОТА
ЕГОРА ОВЦЫНА –**

**УНИКАЛЬНЫЙ ЭКСПОНАТ
КУНСТКАМЕРЫ XIX ВЕКА**

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК

069(01)+93

Петербургская Кунсткамера с момента своего основания, помимо других собраний редкостей, хранила раритеты, преподносившиеся русским монархам в качестве подарков. Поддерживая эту традицию, Александр I передал в музей уникальные часы, сделанные на досуге лейтенантом Е.С.Овцыным. Этот механизм не требовал завода, имел подвижную шкалу, скользящую по наклонной стеклянной пластине и неподвижную стрелку в форме купидона. Судьба этого замечательного предмета в XX–XXI вв. пока остается загадкой.

St.Petersburg Kunstkamera stored besides other rarities presents of Russian monarchs. Following this tradition Alexander I handed over to the museum a unique clock, made by naval lieutenant E.S.Ovtsin during his leisure time. Its mechanism did not require winding up, had a rotating dial, sliding on a glass plate, and a fixed hand in the form of cupid. The fate of that extraordinary object in 20–21st centuries remains a mystery.

Ключевые слова: Кунсткамера; часы; история приборостроения; уникальный механизм; Е.С.Овцын; Ф.И.Шуберт.

Key words: Kunstkamera; clock; history of instrument-making; unique mechanism; E.S.Ovtsin; F.T.Schubert.

E-mail: lupanova@kunstkamera.ru

В 1816 г. Александр I распорядился передать в Кунсткамеру часы, преподнесенные ему в подарок лейтенантом флота Е.С.Овцыным [1, л.12].

Моряк увлекался часовым делом и на досуге смастерил маятниковые часы собственной конструкции. Часы имели циферблат, двигавшийся по стеклянной наклонной плоскости, и одну неподвижную стрелку в форме купидона. Часы не требовали регулярного завода. За изобретение ему был назначен пожизненный пенсион в размере 1000 рублей в год.

Механизм был направлен на экспертизу в Петербургскую Академию наук. Ими занялся Ф.И.Шуберт, который с 1804 г. руководил Обсерваторией, располагавшейся в здании Кунсткамеры, имел большой авторитет не только среди ученых России, но и на европейском уровне [8]. Астроном затруднился быстро дать заключение о точности хода: «О верности хода их я не могу судить, не поверив их в продолжении некоторого времени астрономическими наблюдениями на обсерватории; однако не сомневаюсь, чтобы сия машина не могла иметь той же точности и следовательно той же пользы, какую имеют обыкновенные часы, лишь бы она была устроена с такою же аккуратностью».

Впрочем, проверка «верности хода» не являлась главной задачей экспертизы. Ф.И.Шуберт должен был дать заключение о степени оригинальности механизма. Однако лейтенант Е.С.Овцын отказался открыть и продемонстрировать корпус. Ф.И.Шуберт предположил, что механизм такого типа был описан в книге «Курьезы техники» 1664 года издания немецким физиком и математиком, членом ордена иезуитов Гаспаром Шоттом [13], а затем в статье 1684 г. Мориса Виллера [14], но офицер флота едва ли был знаком с этими библиографическими редкостями и, скорее всего, самостоятельно изобрел механизм. Кроме того, ценность работы заключается в том, что, хотя механизм ранее был дважды описан в печатных изданиях, Ф.И.Шуберту не были известны опыты реализации подобного проекта. Моряк занимался изготовлением часов в свободное от службы время и потратил на материалы около 2000 рублей. Это огромная сумма для лейтенанта, годовое жалование которого составляло 240 рублей [12, с.244], т.е. в пересчете на сегодняшний день можно сказать, что покупка материалов обошлась ему в сумму, сопоставимую с 5 млн руб. Дворянин мог тогда получать доход со своих имений, но лейтенант происходил из беспоместных, недвижимого имущества не числилось ни за ним, ни за его отцом [2].

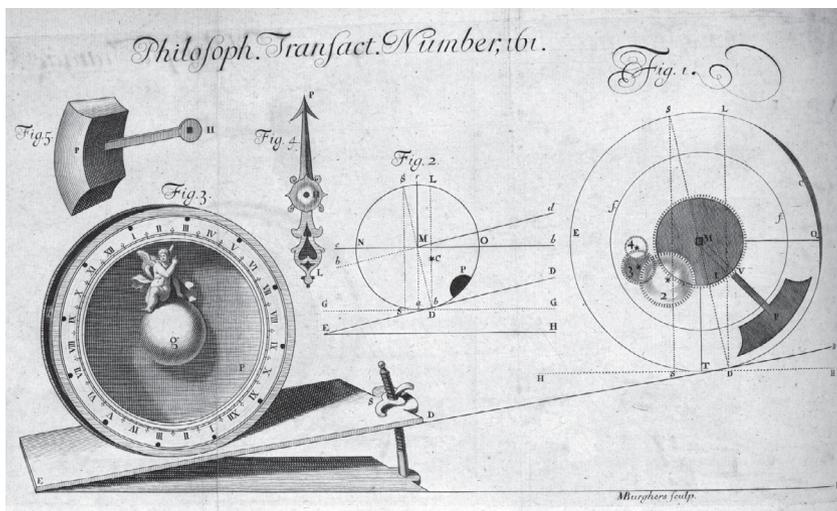

Иллюстрация к статье М. Виллера

«Хотя по обязанности моей и должен был я признаться вашему сиятельству, что идея сей машины не есть новая, однако должен отдать справедливость г. Овцыну в том, что сии часы, сколько мне известно, не были никем деланы, и я почти уверен, что он не имел никакого сведения о сих прежних изобретениях, кои найти можно только в книгах весьма старых и редких, которые ныне очень мало читают; и, кажется, честь вторичного изобретения и показания на самом деле принадлежит ему. Я много спрашивал его о сем предмете и из моего разговора с ним удостоверился не только в том, что собственное его размышление привело его на сие изобретение, но что вообще он весьма знающ в механике. Он употребил свое время таким образом, который делает ему много чести, издержал при малом своем достатке около 2000 рублей на усовершенствование изобретения, которое он почитал новым, и с необыкновенными познаниями соединяет скромность, еще более редкую.

Если таковая есть теория, как я полагаю, часов г. Овцына, то она выдумана и описана 150 лет назад ученым немецким езуитом Шоттом, другом славного П. Кирхера в его "Technica curiosa". Около двадцати лет после того англичанин Вилер сделал описание изобретенных им подобных часов в "Philosophical Transactions" 1684, где находится и описание других часов, которые посредством противодействующей тяжести

переходят, попеременно опускаясь и поднимаясь опять, поверхность наклоненной плоскости» [1, л. 3–4об.].

Вне зависимости от знакомства моряка с раритетными изданиями, это был единственный опыт реализации такого проекта. В своем заключении Ф. И. Шуберт дает также общее описание принципа работы механизмов такого типа:

«Хотя г. Овцын не позволил мне видеть внутреннего устройства сей машины, однако я уверен, что сей механизм состоит из сцепления трех или четырех колес, из коих первое ими самое большое, имеющее самое медленное движение, обращается на оси ступицы вертящейся кругом; что сила, производящая движение колес, есть тяжесть, приделанная к рукаву рычага, утвержденного на той же оси в положении, имеющем косое направление к задней части ступицы, и что единообразность движения производится посредством маятника: тяжесть служит в то же время перевесом, не допускающим машину скользить по наклоненной плоскости, так что она может сходить вниз только по мере того как тяжестью обращаются колеса. Посредством сего устройства ось машины, рычаг, имеющий тяжесть, и купидон, служащий стрелкою, остаются всегда в одном положении, между тем как от понижения ступицы круг, разделенный на часы, обращается на оси, так что один час после другого показывается противу стрелки. Верность сих часов зависит от двух обстоятельств: 1. Чтобы ступица совершала целый круг ровно в 24 часа, что производит чрез увеличение или уменьшение посредством винта, вделанного внизу наклоненной плоскости угла, который сия плоскость делает с горизонтом. 2. Чтобы зубцы у колес сделаны были с точностью и движение маятника было единообразно, что производится теми же средствами, какие употребляются в обыкновенных часах» [1, л. 3–4об.].

В процессе работы над статьей автору не удалось найти часы работы Е. С. Овцына в современных музейных собраниях и частных коллекциях. Вообще часы из собраний Кунсткамеры в XIX в. передавались в другие места хранения. Точные астрономические – в открывшуюся в 1838 г. новую академическую обсерваторию в Пулковое, имевшие художественную ценность – в Эрмитаж. Изысканные произведения искусства, к которым по праву можно причислить работу моряка, использовались для украшения интерьеров загородных императорских резиденций. Однако хранители современных музейных собраний пригородов Санкт-Петербурга дали отрицательный ответ на запрос о наличии у них такого предмета. На рубеже XIX–XX вв. обсуждались проекты организации общедоступного академического музея истории техники и естествознания [6; 7; 10;

11]. Процесс реализации растянулся на долгие годы. Только в 1949 г. в здании Петровской Кунсткамеры открылся Музей М.В.Ломоносова – экспозиция, посвященная не только жизни и творчеству великого русского ученого, но и истории науки. В период его создания в Кунсткамеру вернулся ряд научных инструментов и предметов обстановки интерьера XVIII – начала XIX в., но часов Е.С.Овцына среди них не было.

Не удалось найти и аналогов – часов, установленных на наклонной основе, имеющих неподвижную стрелку и скользящий вращающийся циферблат. С некоторой долей условности можно считать «родственными» часы с подвижными циферблатами. В музее «Собрание» Д.Якобашвили хранятся каминные музыкальные часы эпохи Луи XVI, изготовленные примерно в 1770 г. Они, как и механизм Е.С.Овцына, имеют маятниковый механизм со шпиндельным ходом, неподвижную стрелку и два подвижных циферблата. На одной из временных выставок Музея Фрика в Нью-Йорке было представлено двое часов, изготовленных 1767 г. парижским мастером Ш.Гуте. Каждый из двух механизмов выполнен в форме вазы на постаменте с навершием в виде шишечки и ручками в форме бараньих голов и имеет по две подвижные шкалы. Один из них

Каминные музыкальные часы музея «Собрание»

Часы Ш.Гуте из Музея Коньяк-Жэ

постоянно хранится в Музее Коньяк-Жэ в Париже, другой в пожелавшей оставаться неизвестной частной коллекции.

Кроме трех названных образцов, которые по времени создания можно было бы назвать предшественниками часов Е.С.Овцына, в музее «Собрание» представлено три экземпляра более поздних часов с подвижными шкалами: французские музыкальные примерно 1830 г., немецкие конца XIX в., сделанные в виде птички в клетке, и рубежа XIX–XX вв. в виде вазы на постаменте.

В заключение следует сказать несколько слов о Егоре Овцыне. Его увлечение уникально, ведь ремесло часовщика считалось открытым для людей податных сословий, едва ли достойным дворянина и представителя флотской династии. Впрочем, часовое ремесло было настоль-

Часы Ш.Гуте из частной коллекции

Часы в виде птички с клеткой музея «Собрание» (№1767/ММП)

Часы-загадка в стиле Palais Royal с музыкальным механизмом и календарем музея «Собрание» (№2164/ММП)

Часы в виде вазы на постаменте
из музея «Собрание»
(№20511-3/ДПИ)

ко увлекательным, что история знает оставление ради него не только военных кораблей, но и самого трона. Император Карл V Габсбург в 1558 г. отрекся от власти, чтобы заниматься изготовлением часов в монастырской мастерской¹.

Егор Степанович Овцын родился в 1778 г., с 1790 по 1798 гг. учился в Морском шляхетном кадетском корпусе. По окончании получил чин мичмана и служил в Балтийском флоте сначала на 100-пушечном корабле «Иоанн Креститель» («Чесма»), а затем был переведен в гребной флот. 1802 г. Е. С. Овцын снова провел в крейсерстве на крупном, прекрасно вооруженном и оснащенном корабле «Благодать». Во время плаваний на судах он получал аттестации как знающий и рачительный офицер [2]. Большая часть его дальнейшей службы проходила на берегу: в 1800–1801 гг. он служил при Петербургском порту, в 1803–1811 гг. занимал должность провиантмейстера.

Затем, с 1811 по 1825 гг. состоял для особых поручений при министре морских сил. В 1807 г. он был произведен в лейтенанты, в 1816 г. – в капитан-лейтенанты, в 1823 г. награжден орденом Св. Георгия 4-го класса за 25 лет службы. Скончался в августе 1829 г. [9, с.157–158].

Часы его работы были единственным в своем роде и уникальным опытом реализации проекта, предложенного европейскими механика-

¹Такая точка зрения выражается в литературе по истории часового ремесла: «О Карле V рассказывают, что ему очень портит настроение неправильный ход его часов... этот могущественный монарх 16-го столетия после двадцатилетнего владычества сложил с себя корону, чтобы заменить ее тонзурой монаха и в одинокой келье закончить свою богатую деяниями жизнь... Еще будучи императором Карл V увлекался часовым искусством. Для него было величайшей радостью после того, как он в достаточной степени освоился с устройством часов, заниматься их починкой и их улучшением...»; «Известно изречение этого могущественного, властелина, вырвавшееся у него в преклонном возрасте и, надо думать, в момент горького примирения с обстоятельствами: "Я дерзал навязывать одинаковые мысли миллионам людей и в то же время не мог добиться того, чтобы две пары часов били одновременно"». [3, с.61; 4, с.38]. Вместе с тем политическая обстановка конца правления Карла V была очень сложной, фактически не оставлявшей шансов на сохранение трона [4].

ми второй половины XVII в. Хотелось бы надеяться, что публикация привлечет внимание специалистов, и этот замечательный предмет будет найден в одном из музейных или частных собраний.

Библиографический список

1. Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Ф.166 (Департамент морского министра). Оп.1. Д.2510 (О новоизобретенных часах флота лейтенантом Овцыным). Л.12.
2. РГА ВМФ. Ф.406. Оп.4. Дд. 3426, 3428, 3447 (Послужные списки Е.С. Овцына за 1798–1800 гг.)
3. Бородин О.Р. Человек и время: возникновение современной хронологии. М.: Знание, 1991.
4. Канн Г. Краткая история часового искусства. Л.: Гублит, 1926.
5. Ивонин Ю.Е. Карл V Габсбург // Вопросы истории. 2007. С.46–65.
6. Колчинский Э.И. Академическая наука в Санкт-Петербурге и мировая культура // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. №1. С.14–46.
7. Копанева Н.П. Роль института этнографии Академии наук СССР в создании Музея М.В.Ломоносова // Ломоносовские чтения в Кунсткамере. К 270-летию издания первого «Атласа Российского» и 250-летию со дня смерти М.В.Ломоносова. СПб., 2016. С.18–29.
8. Навороцкий Н.Н. О жизни и сочинениях г. академика, действительного статского советника и кавалера Федора Ивановича Шуберта. СПб.: тип. медицинского департамента МВД, 1827.
9. Общий морской список. Ч.VI. Царствование Павла I и царствование Александра I. А-Г.СПб.: тип. Морского министерства, 1892. С.157–158.
10. Хартанович М.В., Кравченко Т.М. Учреждение музея М.В.Ломоносова и его первый директор Р.И.Каплан-Ингель // Ломоносовские чтения в Кунсткамере. К 300-летию со дня рождения М.В.Ломоносова. Вып.1. СПб., 2011. С.120–129.
11. Чумакова Т.В. Музеи в системе Академии наук (XVIII – первая треть XX вв.) // Триумф музея? СПб., 2005. С.339–340.
12. Штат сколько в корабельных флотах, Балтийском и Черноморском... каждому положено жалованья, рационов и денщиков. 1798 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Т.XLIV. Ч.1. СПб.: тип.2 отд. СЕИВК, 1833. С.244.
13. Schott G. Technica curiosa. Fleischberger: J.Friedrich, J.Andreas, 1664.
14. Wheeler M. A letter from the learned and ingenious Maurice Wheeler and rector of Sibbertoft in Northamptonshire to the of these Tracts, concerning a movement that measures time after a peculiar manner with an account of reasons of the said motion // Philosophical transactions. 1684. Vol.161. P.647–665.

Истинная наука не знает
ни симпатий, ни антипатий:
единственная ее
цель – истина.

Уильям Гров

Кто ищет истины –
не чужд и заблуждения.

Иоганн Гете

Виктория Груздинская, Михаил Ковалев

**«ИЗДАНИЕ КНИГИ
НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
МОГЛО БЫ НАНЕСТИ
ЗА ГРАНИЦЕЙ СЕРЬЕЗНЫЙ
УЩЕРБ ДОБРОМУ ИМЕНИ
СОВЕТСКОЙ НАУКИ»**

**СОВЕТСКИЕ И ЧЕХОСЛОВАККИЕ
АНТИКОВЕДЫ В СПОРЕ
О ПЛАГИАТЕ (1950-е гг.)***

РОССИЯ В МИРЕ

УДК

94 (3)(091)

Статья посвящена реконструкции научного спора 1955–1956 гг., связанного с обвинениями советского антиковеда С.Л. Утченко группой молодых чехословацких историков в плагиате. Авторы статьи не ставят задачу вынести вердикт: оправдать или обвинить Утченко в нарушении научной этики. Цель данной работы состоит в том, чтобы приблизиться к пониманию механизмов (не)решения подобных конфликтов, а вдобавок попытаться понять специфику личных и деловых коммуникаций между советскими и чехословацкими учеными, увидеть, как происходило налаживание контактов между ними в рамках складывания интеллектуального поля «социалистической науки». Рассмотренный эпизод являет собой не просто курьезный случай из истории научных связей. Он показателен тем, что демонстрирует примеры бытования споров, дискуссий и конфликтов в ученой среде, а также обрисовывает грани научной этики.

This article is devoted to the reconstruction of the scientific discussion of 1955–1956, connected with the accusations of S.L. Utchenko, a Soviet antiquity researcher, by a group of young Czechoslovak historians in plagiarism. The authors of this article do not set the task of bringing in verdict a of Utchenko's guilty. The purpose of this study is to get closer to understanding the mechanisms of (not)resolving such conflicts, and in addition to try to understand the specifics of personal and business communications between Soviet and Czechoslovak scientists, to give a look how contacts were established between them within the framework of the formation of the intellectual field of "socialist science". This episode is not just a curious incident from the history of scientific ties. It is indicative in that it demonstrates examples of the existence of disputes, discussions and conflicts in the scientific environment, and also outlines the facets of scientific ethics.

Ключевые слова: С.Л. Утченко; П.Олива; советско-чехословацкие научные связи; плагиат; научная этика; историография; антиковедение; история Древнего мира.

Key words: S.L. Utchenko; P.Oлива; Soviet-Czechoslovak scientific relations; plagiarism; scientific ethics; historiography; studies in Antiquity, history of the Ancient World.

E-mail: vik11910314@yandex.ru; kovalevmv@yandex.ru

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, грант №20-78-10053.

Письмо из Праги

В конце февраля 1956 г., за несколько дней до официального старта «борьбы с культом личности», в Академию наук СССР пришло письмо от иностранных коллег, в котором советский историк обвинялся в плагиате. Уникальность ситуации заключалась в том, что критика была направлена в адрес видного ученого и доктора наук. Им был специалист по истории Древнего Рима, заведующий сектором истории Древнего мира Института истории АН СССР Сергей Львович Утченко. В то же время письмо было отправлено не из капиталистической страны и не от представителей «буржуазной науки», а из «братской социалистической Чехословакии». Уже этим обстоятельством оно требовало официальной реакции.

В отечественной историографии тема плагиата в науке табуирована и является зоной умолчания. Потому в исследовательской литературе зафиксировано не так много примеров изучения некорректных заимствований, хотя в устной традиции корпорации историков таких примеров, напротив, наберется немало. Современный исследователь М.А.Киселев считает, что причина подобного умолчания связана с тем, что «историографу гораздо приятнее повествовать о достижениях своего научного сообщества, нежели затрагивать болезненные темы, которые могут представить науку не только как благородную деятельность по поиску истины» [10, с.124]. Еще в позднесоветский период активную работу по разоблачению плагиаторов вел саратовский историк профессор Николай Алексеевич Троицкий (1931–2014), снискав при этом немало высокопоставленных недоброжелателей. Часть собранных материалов была опубликована им в специальной книге [15]. О многочисленных примерах научного плагиата писал в своих мемуарно-автобиографических эссе археолог Лев Самуилович Клейн (1927–2019) [11, с.330–347].

По всем вышеуказанным причинам «дело С.Л. Утченко» заслуживает пристального внимания, являясь едва ли не уникальным примером в среде специалистов по Древней истории, да еще с ярко выраженным международным отголоском. Пытаясь реконструировать и понять этот эпизод из истории советской исторической науки, авторы не ставят задачу вынести вердикт: оправдать или обвинить Утченко в преступлении и нарушении научной этики. Цель статьи состоит в том, чтобы приблизиться к пониманию механизмов (не)решения подобных конфликтов, а вдобавок попытаться понять специфику личных и деловых коммуникаций между советскими и чехословацкими учеными, увидеть, как про-

исходило налаживание контактов между ними в рамках складывания интеллектуального поля «социалистической науки».

Подобные сюжеты, повторимся, являются зоной умолчания и это во многом предопределяет узкую источниковую базу. Рассматриваемый в статье случай освещен всего лишь в нескольких источниках, а именно в официальной переписке Института истории АН СССР, а также в протоколах специальной комиссии его Ученого совета. Эти материалы сохранились в Научном архиве Института российской истории РАН [3].

Об участниках «процесса»

Сергей Львович Утченко (1908–1976) к середине 1950-х гг. прослыл одним из самых заметных советских антиковедов. Воспитанник

Ленинградского университета и ученик профессора Иосифа Моисеевича Тронского (1897–1970), он заявил о себе как исследователь в конце 1930-х гг., подготовил кандидатскую диссертацию о философских и политических взглядах раннего Саллюстия (1939). Ученую карьеру прервала Великая Отечественная война. Утченко просился на фронт добровольцем, но был направлен курсантом в Военно-политическую академию, затем оставлен для преподавательской работы в одном из военных училищ.

Сергей Львович Утченко. 1960-е гг.

В начале 1944 г. он все же оказался в рядах действующей армии, двигался с ней на Запад и встретил окончание войны в чехословацком городе Острава [13, с.6]. В 1946 г. Утченко был демобилизован, оказался в Москве, где был принят на работу в Отделение истории и философии АН СССР на должность ученого секретаря. В 1949 г. он защитил докторскую диссертацию «Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения Республики». В октябре 1949 г. Утченко назначен заместителем директора Института истории АН СССР, но в марте 1953 г. был снят с должности. По словам А.И.Павловской, Сергей Львович, «с его

демократичностью и интеллектуальной мягкостью, не соответствовал системе управления Академии наук того времени» [13, с.6]. При этом пост заведующего сектором Древней истории сохранился за ним.

В 1950–1954 гг. Утченко преподавал в Московском государственном университете, затем, в 1954–1960 гг. заведовал кафедрой в Историко-архивном институте.

Кем же были чехословацкие авторы, бросившие вызов видному советскому специалисту?

Среди подписавших письмо первым стояло имя *Павла Оливы (Pavel Oliva; 1923–2021)*, молодого, но уже уверенно заявившего о себе исследователя.

Будущий историк появился на свет 23 ноября 1923 г. в обеспеченной еврейской семье и при рождении носил фамилию Охренштейн (Ohrenstein). Во время обучения в пражской классической гимназии он страстно увлекся древней историей, стал грезить античностью, но в мечты юноши ворвалась Вторая мировая война. В 1940 г. в 17-летнем возрасте он был исключен из гимназии как еврей, в 1941 г. угнан на принудительные работы в гетто в Терезине. Его мать, отец и младший брат были этапированы в Освенцим и погибли по дороге¹. В декабре 1943 г. в этот концлагерь попал и будущий историк, где лишь чудом сумел выжить, работая чистильщиком канализации и подбирая объедки.

Павел Олива. 1946 г.

В июне 1944 г. его отправили в Германию для работы на заводе по производству синтетического бензина в Шварцхайде недалеко от Дрездена. В конце войны немцы перед лицом приближающегося фронта погнали заключенных пешим маршем на юг. Тех, кто ослабевал и не мог идти, убивали на месте. И вновь судьба оказалась благосклонна к Павлу, позволив выжить. В начале мая 1945 г., когда колонна узников достигла окрестностей города Литомержице, конвоировавшие их эсэсовцы, узнавшие о поражении Германии, попросту разбежались. Павел вернулся в Прагу, где не сумел разыскать почти никого из переживших войну родственников. Молодой человек, весивший всего 34 кг и потерявший близких, испытывал

¹ О трагедии своей семьи Олива написал специальную работу [38].

огромную жажду к жизни. В 1945 г. Павел Охренштейн сменил фамилию, став Павлом Оливой [22]. Оливковая ветвь в греческой традиции, как известно, символизировала победу. В случае историка это была победа над смертью. В то же время новая фамилия словно символизировала духовную связь с античностью, которую Павел с юношеских лет мечтал изучать. Чтобы воплотить в жизнь это желание и профессионально заняться Древней историей, он поступил в Карлов университет. Во время учебы он познакомится со своей будущей женой Верой (Věra Olivová; 1926–2015), ставшей впоследствии известным ученым-историком, профессором, специалистом по новейшей истории Чехословакии и истории спорта.

После окончания университета Павел Олива в 1951–1952 гг. работал в Высшей школе политических и экономических наук в Праге. В это же время он подготовил докторскую диссертацию (1951). В 1952 г. он был принят на работу в только что созданный Институт истории Чехословацкой академии наук, и тогда же начал читать лекции в Карловом университете².

Ян Янда (Jan Janda; 1927–2008), как и Павел Олива, еще в гимназии увлекся античной историей и культурой. Это привело его в 1947 г. в ряды студентов философского факультета Карлова университета. После окончания учебы в 1951 г. Янда некоторое время работал учителем, пока в 1952 г. не был принят ассистентом на кафедру исследований античных древностей на существовавшем тогда философско-историческом факультете Карлова университета [25]. Там он специализировался на классической филологии и истории античной философии. Сфера научных интересов Янды была связана с изучением наследия древнегреческих философов: Антисфена, Гераклита, Диогена, Зенона, Эпикура, Платона и Аристотеля.

Борживой Борецкий (Bořivoj Borecký; 1922–1995) в годы Второй мировой войны был участником движения Сопротивления, за что весной 1942 г. был арестован Гестапо и приговорен к 9 годам тюремного заключения. Он чудом уцелел, после освобождения в 1945 г. вернулся в Прагу, где поступил на философский факультет Карлова университета. В 1950 г. он завершил обучение и на следующий год был принят ассистентом семинара по классической филологии. Борецкий интересовался вопросами социально-экономической истории Древнего Рима и подготовил в 1952 г. докторскую диссертацию «Производство хлеба и муки в Помпеях» [19, s. 54].

² В 1968 г. получил профессорское звание.

Ян Печурка (Jan Pečírka; 1926–1993) в 1945–1950 гг. учился на философском факультете Карлова университета, где увлекся историческим анализом античных литературных памятников и эпиграфикой. Он интересовался деятельностью эллинистических правителей, историей римских провинций, в частности, Киликии. В докторской диссертации, подготовленной в 1951 г., он уделил особое место взглядам Цицерона на управление провинциями Римской империи. Другой сферой научных интересов стала экономическая и социальная история Древней Греции, в том числе проблемы землевладения в Афинах.

Все четверо были молодыми историками, чьи ученые карьеры складывались уже в послевоенной Чехословакии, в ту пору, когда система науки и высшего образования испытывала большое влияние советских моделей. Одним из проявлений этого воздействия были переводы на чешский и словацкий языки канонических текстов советских специалистов по Древней истории [17–18; 28–30]³. Показательно, что даже известный школьный учебник по истории Древнего мира Сергея Ивановича Ковалева (1886–1960) был использован как основа для аналогичного чехословацкого учебника [21]⁴. Так, Павел Олива в 1952 г. помогал подготовить к изданию на чешском языке «Истории древней Греции» Владимира Сергеевича Сергеева (1883–1941) [41] и написал введение для чешского издания «Истории Древнего Рима» Николая Александровича Машкина (1900–1950) [27]. Следует отметить, что увлечение СССР для многих тогда было вполне искренним. Оно было связано как с образами освобождения в 1945 г., так и с общей популярностью левых идей среди чехословацких интеллектуалов. Потому не стоит удивляться тому, что тот же Павел Олива в 1946 г. вступил в ряды Коммунистической партии Чехословакии, то есть еще до того, как она взяла всю полноту власти в стране.

Авторы письма были хорошо знакомы с советскими исследованиями по Древней истории, но, более того, стремились интегрироваться в советское антиковедение. Павел Олива в 1954 г. опубликовал свое исследование на русском языке на страницах «Вестника древней истории» [12]. В 1956 г. в том же именитом издании вышла работа Борживоя Борецкого [8]. Примечательно, что заместителем главного редактора журнала с 1951

³Примечательно, что в 1952 г. «Венгерское книгоиздательство» в Братиславе опубликовало перевод на венгерский язык «Истории Древнего мира» А. В. Мишулина [29].

⁴Судя по косвенным сведениям, С. И. Ковалев находился в деловых контактах с известным чехословацким филологом-классиком Карелом Свободой (Karel Svoboda; 1888–1960), профессором Масарикова университета в Брно и Карлова университета в Праге [6, л. 1–2; 7, л. 1–1 об.].

по 1966 г. был С.Л. Утченко, которого чехословацкие авторы взялись отчаянно критиковать.

Все указанные молодые историки регулярно публиковали рецензии на исследования советских коллег или их реферативные обзоры. Особенно активен был Павел Олива, который в 1950–1980-х гг. на страницах «Чехословацкого исторического журнала» подготовил множество отзывов о работах В.Г.Боруховича, М.А.Дандамаева, А.И.Доватура, Э.Л.Казакевич-Грейс, Г.А.Кошеленко, В.И.Кузицина, Я.А.Ленцмана, С.Я.Лурье, А.В.Мишулина, И.С.Свенцицкой, В.М.Строгецкого, М.Я.Сюзюмова, Э.Д.Фролова, Д.Б.Шелова, А.С.Шофмана, Е.М.Штаерман, В.П.Яйленко и многих других авторов. Таким образом, уровень информированности о советских исследованиях в области Древней истории у него и его ближайших коллег был чрезвычайно высоким. Знание русского языка чехословацкими антиковедами позволяло им внимательно следить за советской научной литературой, чего были лишены многие западные специалисты.

«Это не было для нас приятно...»

Чехословацкие ученые, высказавшие обвинения в адрес советского коллеги, очень торопились. Потому отправленное в Москву письмо

было составлено на чешском языке, хотя авторы владели русским. Для гарантии получения письма и официального ответа на него копия была направлена также в советское посольство в Праге. Важность и срочность вопроса была связана с подготовкой в издательстве Академии наук ГДР немецкого издания монографии С.Л. Утченко «Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения Республики». На русском языке работа вышла в 1952 г., став доработанной версией докторской диссертации [16].

В тексте советского ученого чехословацкие антиковеды нашли целые фрагменты «чужих открытий и мыслей», присвоенных автором себе. Они установили, что речь идет о семи известных им работах немецких историков, которые С.Л. Утченко или совсем не цитирует, или цитирует, но «не в тех местах, которые списывает» [3, л. 78]. Особо наглядные примеры плагиата содержались, по их мнению, в главе «Идеологическая жизнь римского общества II–I вв. до н.э.» (с.53–78). Для доказательства своих наблюдений авторы приложили к письму сопоставительные материалы в виде таблицы: в левом столбце был размещен текст оригинала на немецком языке, а в правом – фрагменты из книги С.Л. Утченко. Приведенные сопоставления кажутся довольно убедительными, хотя требуют тщательной текстологической, лингвистической оценки. В то же

время чехословацкие историки не исключали, что заимствования могли иметь место и из других, не известных им, источников. Поэтому, считали они, прежде чем переводить и издавать монографию за рубежом, необходимо провести ее тщательную экспертизу. Они были уверены, что в таком виде «издание книги на немецком языке могло бы нанести серьезный ущерб доброму имени советской науки» [3, л. 79], поскольку со стороны «буржуазных ученых» неизбежно последует разоблачение советского автора: «Весьма правдоподобно, что в Германии, где использованные Утченко источники известны лучше, чем у нас, его приемы были бы очень быстро разоблачены» [3, л. 79].

В действительности у чехословацких коллег вопрос о плагиате возник еще в мае 1955 г. Как отметили они, «это не было для нас приятно, напротив, мы были разочарованы, ибо мы должны были менять мнение об авторе, работа которого произвела на нас первоначально хорошее впечатление; об этой работе у нас много говорили и одобрительно писали» [3, л. 80]. Чтобы лучше понять суть высказанного разочарования, нужно обратиться к еще одному эпизоду советско-чехословацких научных коммуникаций в сфере изучения Древней истории. Еще в октябре 1954 г. Павел Олива и его коллега Иржи Фрел (Jiří Frel; 1923–2006) направили письмо в АН СССР с сообщением о готовящейся в Праге международной конференции по изучению античного рабовладельческого общества, на которую намеревались пригласить исследователей из «народно-демократических стран», а также «прогрессивных ученых из капиталистических стран». Как говорилось в послании, лейтмотивом встречи должно стать обсуждение «задач науки об античности в борьбе за победу социализма» [1, л. 31–32]. На этом мероприятии планировалось обговорить координацию будущих совместных исследований, причем опыт советской науки должен был рассматриваться как образец для подражания. Авторы письма констатировали: «Мы думаем, что конференция помогла бы завязать регулярные отношения между прогрессивными учеными по истории античности, что содействовало бы дальнейшему развитию марксистско-ленинских исследований в нашей дисциплине так же, как и борьбе с застойной буржуазной псевдонаукой» [1, л. 31]. В Москве приглашение было получено, и в начале 1955 г. вынесено на обсуждение научных институтов. В Архиве РАН сохранился проект ответа на него, подписанный С. Л. Утченко. В нем Сергей Львович приветствовал инициативу П. Оливы и И. Фрела, предложив добавить к предлагаемым к обсуждению вопросам проблемы сущности эллинизма. Он отметил, что конференция в Праге явится

«значительным шагом на пути объединения всех ученых-марксистов» [1, л. 30]. Можно предположить, что в итоге чехословацкие коллеги получили ответное письмо из Москвы от С.Л. Утченко. Оттого внезапно возникший вопрос о заимствовании им чужих текстов и идей сделался таким болезненным.

Аркадий Лаврович Сидоров. 1950-е гг.

Вопрос о плагиате был прямо озвучен Павлом Оливой в августе 1955 г., когда Аркадий Лаврович Сидоров (1900–1966), директор Института истории АН СССР, находился проездом в Праге по пути на Международный конгресс исторических наук в Риме [23]. Тогда же состоялось совещание восточноевропейских историков – делегатов конгресса, где они обсуждали возможность выступления на интернациональном форуме «единым научным фронтом». На этой же встрече озвучивались и некоторые доклады делегатов, в том числе одного из обвинителей С.Л. Утченко – Павла Оливы [5, л. 169].

«Утченко виноват, но он не виноват»

По возвращении Сидорова в Москву были инициированы разбирательства. В октябре 1955 г. в Институте истории АН СССР «дело о плагиате» рассмотрела специальная комиссия Ученого совета. В ее состав вошли видные историки – Сергей Данилович Сказкин, Моисей Менделевич Смирин, Елена Михайловна Штаерман и Александра Ивановна Павловская. Обратим внимание, что лишь две последние были специалистами по античной истории и, что важно, работали в секторе Древней истории, который с 1950 г. возглавлял С.Л. Утченко. Также нельзя не упомянуть, что сын М.М. Смирин – Виктор Моисеевич Смирин (1928–2003) – в 1955 г. защитил под руководством С.Л. Утченко кандидатскую диссертацию «Диктатура Суллы. (Классовая сущность и историческая роль)». Таким образом, комиссия изначально состояла из лояльно настроенных к Сергею Львовичу людей.

5 октября 1955 г. состоялось первое заседание комиссии. «Утченко виноват, но он не виноват», – примерно такой вердикт, если перефразировать цитату из одного известного советского фильма, вынесла она в итоге. Ее члены в действиях историка увидели проявление исследовательской небрежности при редактировании и подготовки работы к изданию, а также отметили его нежелание «цитировать некоторых иностранных авторов, политическая репутация которых вызывала сомнение» [3, л. 161]. При этом, заключили они, говорить о плагиате или «научной недобросовестности», не приходится, так как высказанные чехословацкими коллегами замечания в основе своей не затрагивают концепции монографии. Сам Утченко оправдывался, что совпадения с немецкими авторами были вызваны тем, что и он, и они перечисляли общеизвестные факты, например, что «в Афинах царская власть распалась на ряд должностей, и что в Риме высшие магистраты были носителями империя» [3, л. 155].

«Немецкий след»

Кем же были немецкие авторы, у которых, по мнению пражских историков, Утченко позаимствовал мысли и идеи, и которые, с точки зрения советских ученых, не вызывали политических симпатий? Сам Сергей Львович объяснял, что речь идет об историках, сначала проживавших в Восточной Германии, затем ее покинувших [3, л. 154].

Ульрих Кнохе (Ulrich Knoche; 1902–1968) был именитым немецким филологом-классиком, в разное время занимавшим профессорские посты в университетах Геттингена, Гамбурга и Кельна. Широкую известность принесли ему исследования воззрений римских сатириков, в особенности Ювенала, а также общественных и философских воззрений Сенеки. Высокую оценку современников получили текстологические исследования Кнохе и предпринятые им критические издания латинских текстов.

Однако научные заслуги историка оказались противоположны его идейным воззрениям и моральным качествам. Кнохе приветствовал приход к власти нацистов, в 1933 г. вступил в ряды Лиги немецкой культуры, возглавляемой Альфредом Розенбергом, стал одним из основателей Ассоциации нацистских лекторов в Кельне. В 1937 г. Кнохе стал членом НСДАП, что открыло ему путь к профессуре в Гамбургском университете. Там в 1939 г. он занял место классического филолога Эрнста Карпа (Ernst Kapp; 1888–1978), изгнанного нацистами и эмигрировавшего в США [32, s. 223–402]. В 1941 г. он был призван в Вермахт, и в 1943 г.

награжден Крестом военных заслуг 2-й степени с мечами. После Второй мировой войны Кнохе был уволен из Гамбургского университета, как нацист, однако смог при поддержке покровителей получить кафедру в Кельне, а впоследствии также опротестовать свое увольнение и вернуться летом 1950 г. в Гамбург [26].

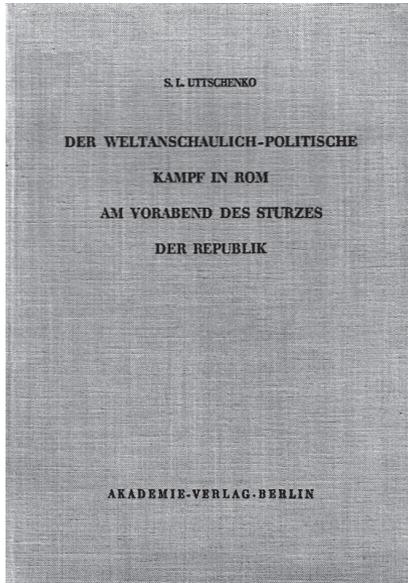
Не менее подмоченную репутацию имели и иные упомянутые немецкие авторы. Так, Фридрих Клозе (Friedrich Klose), получивший докторскую степень в Бреслау в 1933 г. за работу о понятиях *Honos* и *Honestus* в Древнем Риме, пытался объяснять античные представления о ценностях с позиций расовой науки [39]. Ганс Рудольф (Hans Wilhelm Thilo Rudolph; 1907–1980), защитивший в 1932 г. диссертацию о городах в Римской Италии [40], в 1937 г. вступил в НСДАП. Как и в случае Кнохе, это открыло дорогу к карьере в Гамбургском университете, где Рудольф в 1941 г. стал профессором Древней истории. Журнал “*Neue Jahrbücher für Antike und Deutsche Bildung*”, в котором были опубликованы все указанные чехословацкими историками работы, во времена Третьего Рейха стал одним из рупоров нацистских подходов к изучению Древней истории. Нацисты, как известно, античностью увлекались и использовали ее в своих политических целях.

«Своевременный и справедливый сигнал»

17 октября 1955 г. специальная комиссия Ученого совета вынесла оправдательное решение в отношении С. Л. Утченко, однако признала его научную небрежность. Показательно, что вопрос не выносился на Ученый совет, во всяком случае в сохранившихся протоколах ни прямых, ни косвенных упоминаний не встречается [2].

Удивительно и то, что материалы работы комиссии Ученого совета не были вовремя отправлены в Прагу. Именно это обстоятельство и предопределило официальное обращение чехословацких историков в феврале 1956 г., да еще при косвенном посредничестве советского посольства. После этого не ответить советские историки не могли, и 26 марта 1956 г. в Прагу были посланы материалы «расследования». К ним же прилагалось заявление самого С. Л. Утченко, где он по сути повторил выводы комиссии и заверил чехословацких коллег в том, что в немецком издании «Идейно-политической борьбы в Риме накануне падения Республики» ссылки самым тщательным образом проверены и восстановлены.

28 марта 1956 г. А. Л. Сидоров написал письмо директору Института истории Чехословацкой Академии наук Йозефу Мацеку (Josef Macek;

Обложка немецкого издания книги С.Л.Утченко
«Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения Республики» (1956)

1922–1991). Аркадий Лаврович связал исчезновение ссылок из монографии С.Л. Утченко с последствиями «культы личности» в советской науке. Также он благодарил чехословацких коллег за «своевременный и справедливый сигнал» [3, л. 176].

Вероятно, разбирательство обвинений в плагиате не отразилось на ученой карьере С.Л. Утченко. Официально он был оправдан, не получил выговоров или других административных взысканий. Его научный авторитет не был поколеблен. Более того, немецкий перевод обсуждаемой книги увидел свет [42]. К сожалению, не ясно, как отреагировали в Праге на решения специальной комиссии Ученого совета Института истории АН СССР. Известные источники хранят молчание. Однако можно предположить, что чехословацкая сторона была удовлетворена. Показательно, что даже после истории 1955–1956 гг. Павел Олива продолжал следить за творчеством С.Л. Утченко и опубликовал несколько рецензий и рефератов на его исследования [33–36]. Более того, в 1957 г. Сергей Львович посетил Прагу, где принимал участие в I Международной конференции антиковедов стран Восточной Европы, на которой было решено создать Международную ассоциацию историков античности «Эйрене»

[13, с.12]. Активными участниками этого объединения стали и чехословацкие историки, еще недавно критиковавшие Утченко. Именно Олива сыграл заметную роль в создании в 1960 г. журнала ассоциации, который стал своего рода площадкой для общения ученых-антиковедов из Восточной Европы и Запада в условиях Холодной войны и Железного занавеса [43].

Ученые карьеры молодых чехословацких историков, выступивших в 1955–1956 гг. со смелым обвинением в адрес видного советского ученого, в дальнейшем складывались успешно, причем в довольно тесном взаимодействии с коллегами из СССР. Так, в 1957 г. сын историка Н.А. Машкина, Михаил Николаевич (1926–2014), просил чехословацкого антиковеда Яна Буриана (Jan Burian; 1929–2011) передать благодарность Павлу Оливе за оказанную в 1952 г. помощь при подготовке чешского перевода книги его отца по истории Древнего Рима [4, л. 13]. В 1961 г. Павел Олива стал доктором исторических наук⁵, в 1965 г. избран членом-корреспондентом Чехословацкой академии наук. Он приобрел репутацию крупнейшего чехословацкого антиковеда, стал председателем Союза классических филологов. Хотя в 1970 г. на фоне «Нормализации»⁶ Олива был исключен из Коммунистической партии Чехословакии, но это радикально не изменило его карьеру. Он сохранил авторитет и высокую интегрированность в международную науку. Так, в течение 1981 г. он был приглашенным профессором Оксфордского университета, за научные заслуги был избран членом-корреспондентом Германского археологического института [24].

Ян Янда в 1957 г. перешел на кафедру неславянских языков филологического факультета Карлова университета. В 1962 г. он был принят на работу в Кабинет греческих, римских и латинских исследований Чехословацкой академии наук, в 1980–1990 гг. был его заведующим [31].

Борживой Борецкий с конца 1950-х гг. постепенно перешел от социально-экономических сюжетов античной истории к классической филологии. В 1964 г. он подготовил диссертацию об архаических элементах в классическом греческом языке. В 1966 г. Борецкому присвоили звание

⁵Нет ничего удивительного в том факте, что П.Олива, защитивший докторскую диссертацию в 1951 г., через 10 лет представил новую докторскую работу. В 1956 г. в Чехословакии была проведена реформа системы научной аттестации, на советский манер были введены ученые степени кандидатов и докторов наук. Потому диссертация 1951 г. фактически приравнивалась теперь к кандидатской.

⁶«Нормализация» – политика правительства Чехословакии в 1969–1989 гг., характеризующаяся усилением партийно-идеологического контроля над всеми сферами жизни и подавлением инакомыслия.

доцента в области античной литературы. Он получил известность как специалист по древнегреческой драматургии, а также как переводчик и популяризатор античного культурного наследия. В 1977 г. стал заведующим кафедрой исследований античных древностей [19, с. 54].

Ян Печирка в 1964–1965 учебном году стажировался в США, получив стипендию Вашингтонского центра эллинистических исследований, и работал в Принстоне. Затем, после возвращения в Европу, продолжил исследования эпиграфики в Афинах. В 1968 г. Печирка стал доцентом, а в 1990 г. – профессором [37]. Именно он был инициатором написания университетского учебника [20], который получил высокие оценки рецензентов, в том числе в СССР⁷. Печирка в 1960-е гг. поддерживал контакты с советским историком американского происхождения Эмилией Львовной Казакевич-Грейс (1911–1986) [9, с. 158].

* * *

Описанный эпизод являет собой не просто курьезный случай из истории советско-чехословацких научных связей. Он показателен тем, что демонстрирует примеры бытования и (не)разрешения возникавших в ученой среде конфликтов, а также обрисовывает грани научной этики. Обратим внимание, что чехословацкие коллеги прибегали к советской практике «сигнализирования» и «информирования», а также взыванию к административным авторитетам. Потому они изначально обратились напрямую к директору Института истории АН СССР. Вероятно, по той же причине они делали упор не на плагиате как таковом, а на том, что этот случай может нанести вред советской исторической науке на международной арене. В февральском письме 1956 г. в АН СССР прямо говорилось: «Материал, который посылаем Вам, не предназначен для публикации, а должен послужить информацией. Мы не намереваемся его публиковать в нашей печати, поскольку в наших условиях это имело бы не положительный результат, а возбудило бы неоправданное недоверие к советской науке среди научных сотрудников, которые еще не склонны следовать марксизму» [3, л. 80].

Реконструкция «дела С.Л. Утченко» не только не снимает, но, напротив, ставит множество вопросов. Могло ли быть так, что в историю из-

⁷ «У нас ощущается дефицит в такого рода учебниках и пособиях. Перевод рецензируемого пособия на русский язык с внесением определенных дополнений в списки литературы, а также с добавлением главы об изучении первобытной и древней истории в нашей стране сделал бы его ценным подспорьем для студентов заочной формы обучения» [14].

начально были вплетены элементы внутрикorporативной борьбы советских историков, тем более учитывая факт визита А.Л.Сидорова в Прагу и его встречи с чехословацкими коллегами? Почему специальная комиссия Ученого совета Института истории АН СССР состояла из изначально лояльных к Утченко коллег и почему следы обсуждения вопроса не удалось обнаружить в документах самого Ученого совета? Почему сделанные выводы и принятое решение не были незамедлительно сообщены в Прагу, а были направлены лишь после повторного обращения чехословацких коллег, причем с привлечением советского посольства? Были ли все же эти коллеги удовлетворены представленными фактами, убедили ли они их? Сохранившиеся источники хранят полное молчание, а последний живой свидетель той давней истории, профессор Павел Олива, ушел из жизни совсем недавно – 5 марта 2021 года.

Павел Олива. 2017 г.

Библиографический список

1. Архив РАН. Ф.457. Оп.1 (1945–1956 гг.). Д.435.
2. Архив РАН. Ф.1577. Оп.2. Д.347.
3. Научный архив Института российской истории РАН. Ф.1. Оп.1. Д.1168.
4. Научный архив Института российской истории РАН. Ф.1. Оп.1. Д.1285.
5. Научно-исследовательский отдел Российской государственной библиотеки. Ф.632. Карт. 83. Ед. хр.7.
6. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф.1433. Оп.1. Д.57.
7. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф.1433. Оп.1. Д.145.
8. Борецкий Б. Из хозяйственной истории Помпей в I в н.э. // Вестник древней истории. 1956. №3 (57). С.106–119.
9. Карпок С.Г. Эмили Грейс (Эмилия Львовна Казакевич), американский филолог-классик и советский историк // Вестник Древней истории. 2016. №1 (76). С.141–161.
10. Киселев М.А. Конфликты советских историков права из-за плагиата в середине 1930-х – начале 1940-х гг. // Уральский исторический вестник. 2020. №3. С.124–133.
11. Клейн Л.С. Муки науки: ученый и власть, ученый и деньги, ученый и мораль. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 576 с.
12. Олива П. К вопросу о возникновении и развитии эллинской народности в Древней Греции // Вестник древней истории. 1954. №1 (47). С.40–51.
13. Павловская А.И. Сергей Львович Утченко – ученый, писатель, человек (к 100-летию со дня рождения) // Вестник древней истории. 2008. №4 (267). С.5–15.
14. Ревяко К.А., Лисовый И.А. [Рец.] Dějiny pravěku a starověku. Čast 1–2 / Red. J.Pečírka. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1989. 1052 s. // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У.І.Леніна. Серыя 3. Гісторыя. Філасофія. Эканоміка. Права. 1990. №3. С.76.
15. Троицкий Н.А. Сказания о правде и кривде в исторической науке. СПб.: Полторацк, 2013. 186 с.
16. Утченко С.Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 301 с.
17. Avdijev V.I. Dějiny starověkého východu. Praha: ÚV KSČ, 1953. 81 s.
18. Avdijev V.I. Dějiny starověkého Východu / Z ruského originálu přeložil K.Cigna a F.Kalousek. Praha: Státní nakladatelství politické literatury, 1955. 706 s.
19. Biografický slovník českých zemí. Seš. 6. Praha: Libri, 2007. 109 s.
20. Dějiny pravěku a starověku. Čast 1–2 / Red. J.Pečírka. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1989. 1052 s.
21. Dějiny starověku: učební text pro 6. postupný ročník všeobecně vzdělávacích škol / Podle sovětské učebnice S.I.Kovaleva ... upr. a zprac. M.Pravdová; přel. M.Suttý, A.Šourková a M.Pravdová. Praha: SPN, 1955. 126 s.

22. Dvořáková V. Za profesorem Pavlem Olivou. 22.03.2021 // Židovské listy [Электронный ресурс]. URL: <https://zidovskelisty.info/2021/03/22/za-profesorem-pavlem-olivou/> (дата обращения: 12.03.2021).
23. Graus F., Macek J., Oliva P. 10. mezinárodní kongres historiků v Římě // Československý časopis historický. 1955. T.3. №4. S. 730–732.
24. Kroupa M., Metličková M. Profesor, který v Osvětími vybíral z odpadu slupky od brambor, aby přežil. 18.03.2021 // Paměť naroda [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pametnaroda.cz/cs/magazin/pribehy/profesor-ktery-v-osvetimi-vybiral-z-odpadu-slupky-od-brambor-aby-prezil>.
25. Kurz K., Hošek R., Špaňár J., Nováková J. Katedra věd o antickém starověku na filozoficko-historické fakultě Karlovy university // Listy filologické. 1959. Roč.82. Čís. 2. S.294–298.
26. Lohse G. Klassische Philologie und Zeitgeschehen. Zur Geschichte eines Seminars an der Hamburger Universität in der Zeit des Nationalsozialismus // Hochschulalltag im “Dritten Reich”. Die Hamburger Universität 1933–1945. T.2 / Hrsg. E.Krause. Berlin: Reimer, 1991. S.775–824.
27. Maškin N.A. Dějiny starověkého Říma / Z rus. orig. přel. F.Pokorný; předml. k č. vyd. naps. P.Oliva. Praha: Rovnost, 1952. 719 s.
28. Mišulin A.V. Dějiny starověku / Za red. M.Pravdové-Miškové; přel. A.Jandera a B.Mušil. Praha: Státní nakladatelství, 1949. 200 s.
29. Mišulin A.V. Az ókori világ története. Bratislava: Magyar könyvtár, 1952. 243. old.
30. Mišulin A.V. Spartakus / Z rus. orig. přel. A. a B.Křemenákoví. Praha: Naše vojsko, 1954. 117 s.
31. Mráz M. Bolestná ztráta. Jan Janda (1927–2008) // Reflexe: Filosofický časopis. 2008. Roč. 34. S.158–160.
32. Obermayer H.P. Deutsche Altertumswissenschaftler im amerikanischen Exil. Eine Rekonstruktion. Berlin: De Gruyter, 2014. 750 s.
33. Oliva P. Krizis komicial'nogo ustrojstva v Rime. S.L.Utčenko // Československý časopis historický. 1959. T.7. №4. S.771.
34. Oliva P. Ideja narodnogo suvereniteta u Rimljan. S.L.Utčenko // Československý časopis historický. 1960. T.8. №6. S.929.
35. Oliva P. Istoriko-filosofskije vozzrenija Salljustija. S.L.Utčenko // Československý časopis historický. 1962. T.10. №1. S.125.
36. Oliva P. Julij Cezar'. S.L.Utčenko // Československý časopis historický. 1977. T.25. №5. S.769.
37. Oliva P. Za profesorem Janem Pečirkou (17.4.1926–20.6.1993) // Auriga – Zprávy Jednoty klasických filologů. 1994/1995. T.XXXVI–XXXVIII. S.68–69.
38. Oliva P. Holokaust mé rodiny. Praha: Arista, 2009. 96 s.
39. Rebenic S. Römische Wertbegriffe: Wissenschaftsgeschichtliche Anmerkungen aus althistorischer // Römische Werte als Gegenstand der Altertumswissenschaft / Hrsg. A.Haltenhoff, A.Heil, F.-H.Mutschier. München – Leipzig: K.G.Saur, 2005. S.23–46.

40. Rudolph H. Stadt und Staat im römischen Italien: Untersuchungen Über die Entwicklung des Munizipalwesens in der Republikanischen Zeit. Leipzig: Dieterich, 1935. 257 s.

41. Sergejev V.S. Dějiny starověkého Řecka / Přel. dr. J.Purš za odborné spolupráce dr. P.Olivy. Praha: Rovnost, 1952. 525 s.

42. Utchenko S.L. Der weltanschaulich-politische Kampf in Rom am Vorabend des Sturzes der Republik. Berlin: Akademie-Verlag, 1956. 240 s.

43. Zemřel profesor Pavel Oliva (23.11.1923–5.3.2021) // Kabinet pro klasická studia Filozofického ústavu Akademie věd ČR [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ics.cas.cz/aktuality/147> (дата обращения: 12.03.2021).

Вся тайна политики состоит
в том, чтобы знать время,
когда солгать, и знать время,
когда промолчать.

Маркиза де Помпадур

В политике нет убеждений,
есть обстоятельства.

Шарль Талейран

...Всё многомиллионное
детское царство в Европе
и Азии захвачено ныне войной.
Что станет с этим роковым
поколением, возрастающим
среди громов и пожаров?

Корней Чуковский

Дети и война – нет более
ужасного сближения
противоположных вещей
на свете.

Александр Твардовский

Михаил Зеленов

**НКВД МЕЖДУ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
РИТОРИКОЙ И ВОЕННЫМ
ВЕДОМСТВОМ**

**ПЕРЕПИСКА НАРКОМА
ПО ИНОСТРАННЫМ
ДЕЛАМ Г.В.ЧИЧЕРИНА
И ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СНК
В.И.ЛЕНИНА В 1919–1920 гг.**

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК

94 (47) 08

Публикация писем наркома по иностранным делам Г.В.Чичерина к председателю СНК В.И.Ленину раскрывает механизм формирования внешней политики и функционирование политической системы советского общества в период их становления, в годы гражданской войны и интервенции.

This publication of the letters of G.V.Chicherin, the People's Commissar of Foreign Affairs, to V.I.Lenin, the chair of the Council of People's Commissars, sheds light on the mechanism according to which the early Soviet republic constructed its foreign policy. More generally, it also illuminates how the broader political system functioned in Soviet society during its formative period amid civil war and foreign intervention.

Ключевые слова: В.И.Ленин; Г.В.Чичерин; Л.Д.Троцкий; Г.Е.Зиновьев; П.М.Керженцев; ТАСС; петроградская пресса в 1919–1920 гг.; становление политической цензуры.

Key words: V.I.Lenin; G.V.Chicherin; L.D.Trotsky; G.E.Zinoviev; P.M.Kerzhentsev; TASS; the Petrograd press in 1919–1920; the establishment of political censorship.

E-mail: mvzelenov@gmail.com

«**В** первые годы существования нашей республики я по нескольку раз в день разговаривал с ним по телефону, – вспоминал нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин о взаимодействии с председателем советского правительства В.И. Лениным, – имея с ним иногда весьма продолжительные телефонные разговоры, кроме частных непосредственных бесед, и нередко обсуждал с ним все детали сколько-нибудь важных текущих дипломатических дел» [5, с.276–277]. Георгий Васильевич немного недоговаривал: он не только обговаривал с Владимиром Ильичом вопросы внешней политики каждый день устно, но и решал их в ходе служебной переписки.

Письма наркома отложились в копиях (отпусках) в его канцелярии и были разложены потом по тематическим папкам, а посланные чистовики на бланках попадали на стол председателю СНК, на которых он или оставлял, или не оставлял пометы (и поэтому затем были помещены или в архив Ленина, или в архив его канцелярии).

Мы предлагаем читателю несколько писем Чичерина к Ленину и обращаем внимание на несколько моментов, которые обычно остаются в тени у исследователей. Прежде всего это механизм формирования внешней политики в 1919–1921 гг.: нарком обращался к председателю СНК и неформальному лидеру ЦК РКП(б), тот принимал решение самостоятельно или же передавал вопрос на обсуждение в ЦК РКП(б) (в Политбюро ЦК) [2, с.423–425.]. В каком случае Чичерин обращался в ЦК (в Политбюро), а в каком случае напрямую к Ленину (как председателю правительства), сказать пока наверняка трудно. Это первый сюжет для исследования. Остается неисследованным сюжет, в каком случае Ленин решал вопросы самостоятельно (привлекая «частным порядком» для консультаций тех или иных специалистов), а в каком прибегал к коллективному решению.

Второй важный момент, на который нужно обратить внимание читателей: этот механизм лучше всего раскрывает суть складывающейся в те годы политической системы, когда государственные органы власти и партийные выборные органы были переплетены теснейшим образом. В декабре 1919 г. Чичерин написал несколько писем не «тов. Ленину», как обычно, а «т. Председателю ЦК РКП». В ответ он получил записку: «Ваши предложения почти целиком приняты Политбюро. О точном тексте созвонитесь с секретарем Цека т. Крестинским. Пожалуйста, не употребляйте никогда выражения «Председатель Цека, ибо таковой должности нет» [3, с.106.]. Ответы Ленина о политической

системе и роли в ней органов партии должны быть внимательно изучены. Так, например, на одну из жалоб Чичерина от 23 июня 1920 г., что дело не трогается с места, хотя есть решение Политбюро, Ленин ответил на следующий день: «Тут виноват т. Карахан. Не знает, как надо делать в Советской Республике: 1) брать выписку из протокола Политбюро, 2) на основании этого брать решение Малого Совета (за моей подписью) или соответствующего наркома, 3) за неисполнение жаловаться мне через 24 часа формально, 4) повторить сие многожды. Наивен, кто сего не знает». В июле 1920 г. Ленин указывает: «Проект ответа одобрить по телефону через членов Политбюро в пятницу или субботу 23 или 24/VII» [3, с.243]. В сентябре 1920 г. Ленин, в ответ на просьбу повоздействовать на Зиновьева и петроградскую прессу, подчеркивает: «Надо дать в Цека. 1) еще раз проект точного постановления: Цека запрещает поступать так-то, требует того-то. 2) Обжаловать каждое нарушение конкретно. 3) Провести через Цека назначение ответственного лица (не очень "высокого"). Иначе выходит одна воркотня» [3, с.286–287].

В нашей публикации были отобраны несколько писем, объединенных двумя темами: решение дипломатических вопросов на фоне политической риторики и с учетом позиции военных ведомств. Публикуемые документы содержат полную информацию о политической системе общества, в которой политическая цензура воспринималась как базовая ценность, необходимая для безупречного ее функционирования.

Хотя ленинские резолюции на письмах Чичерина не являются в строгом смысле слова отдельными документами (они написаны на тех же листках бумаги, на которых и был прислан доклад Чичерина), при публикации они выделены в отдельный документ (в силу своей важности) и получили свой порядковый номер (№№5, 13, 20). Две из трех резолюций были опубликованы ранее.

Заголовки составлены в сокращенном варианте в силу их однотипности: автором является нарком по иностранным делам (это не указывается), адресатом – председатель СНК (это также не указывается). В других случаях статус адресата уточняется.

При публикации подчеркнутые автором места в рукописи передаются жирным шрифтом, подчеркнутые Лениным (и другими лицами) – графически. Подчеркнутое Лениным трижды – жирным курсивом.

В легендах сначала приводятся данные архива, в котором находится первый экземпляр документа (на бланке организации), вторым указан архив, в котором остался отпуск (экземпляр документа, созданный под копирку и оставшийся в делопроизводственном архиве организации). Документы хранятся в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВПРФ) и в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ).

№ 1

**Г.В. Чичерин – В.И. Ленину о публикации РОСТА карты границ
Эстонии и Латвии**

21/9 [191]9

21 сентября 1919 г.

Многоуважаемый Владимир Ильич,

хотя было условлено и многократно подтверждено, что РОСТА не должна публиковать сведений о внешней политике без нашего контроля, вчера РОСТА дало помимо нас в печать карту национальных границ Эстляндии и Латвии, в которой заранее отдаются Латвии Двинск и Режица, и Эстляндии линия Наровы, те местности, из-за которых мы будем бороться. Нашим врагам дается сильнейшее орудие против нас. Есть подпись РОСТА, официального учреждения. Прилагаю эту карту из «Правды». Я просил дать заметку, что это притязания наших врагов, а не наша точка зрения, но это лишь отчасти замажет оплошность. Керженцев¹ никак не хотел согласиться, что это оплошность – это де этнографическая карта по официальным данным. Хотя наш контроль над публикациями РОСТА по внешней политике уже раньше принципиально был установлен, но было очень полезно подтверждение из авторитетнейшего источника уже установленного принципа.

С товарищеским приветом
Георгий Чичерин

*АВПРФ. Ф.04. Оп.52. П.340. Д.55251. Л.11. Машинописная копия. Л.12.
Рукопись через копирку (отпуск на обороте машинописного документа.)*

¹ Керженцев Платон Михайлович (1881–1941) – в 1919–1920 гг. ответственный руководитель Российского телеграфного агентства (РОСТА).

№2

**Г.В.Чичерин – В.И.Ленину о некорректном выступлении
Г.Е.Зиновьева по вопросу международной политики**

26 сентября 1919 г.

Многоуважаемый Владимир Ильич,

Т.Зиновьев² великолепный агитатор, но именно это его иногда увлекает за политически удобные пределы. После нашей ноты 4 февраля он с трибуны Петроградского Совета объявил, что мы так же надуем Антанту³, как надули Германию, и это было процитировано во французской палате и очень помогло Клемансо⁴. Когда мы начали переговоры о Эстляндией, произошел инцидент с арестованными и высланными делегатами профессиональных союзов и в резолюциях петроградских митингов пленума Петроградского совета эстонским рабочим в случае их восстания против эстонского правительства обещалось полное содействие российского пролетариата и выражалось ожидание, что Эстляндия сольется с Советской Россией. Финляндская печать это теперь цитирует: вот де намерения большевиков. Теперь, когда при слабости Антанты столько зависит от настроений в самих балтийских странах (солдаты могут не пойти), эти выступления нам очень вредят.

Не найдете ли Вы какого-нибудь мягкого и дружеского способа повлиять на т. Зиновьева, чтобы он был поосторожнее?

С товарищеским приветом
Георгий Чичерин

[Пометы В.И.Ленина:] сверху над текстом: в архив | снизу под текстом: показана З[иновье]ву 27/IX.

РГАСПИ. Ф.02. Оп.1. Д.11236. Л.1. Рукопись Г.В.Чичерина черными чернилами на бланке «Канцелярия народного комиссара» НКВД. Пометы и подчеркивания В.И.Ленина синим карандашом.

АВПРФ. Ф.04. Оп.52. П.340. Д.55251. Л.16. Машинописная копия. Л.17. Рукопись под копирку (отпуск).

²Зиновьев Григорий Евсеевич (1883–1936) – в 1917–1920 гг. председатель Исполнительного комитета Петроградского городского Совета.

³От подчеркиваний Ленин провел две линии и поставил два вопросительных знака.

⁴Клемансо (Слеменсеаи) Жорж (1841–1929) – в 1917–1920 гг. премьер-министр Франции.

№3

Г.В. Чичерин – В.И. Ленину о недопустимости мобилизации финнов на фронт и наказаний за уклонение от нее

22/10/19

22 октября 1919 г.

Многоуважаемый Владимир Ильич,

Посылаю Вам при этом радио Ледебуру⁵ о Коне⁶. Если Вы не внесете поправок, я могу сейчас послать его, т. к. имею копию.

Общепризнано, что иностранцев нельзя насильно брать на войну, и Совет Обороны в свое время постановил не поступивших добровольно в Красную армию иностранцев-мужчин, кроме известных категорий, помещать в концентрационные лагеря. Сегодня в утренних газетах в телеграмме из Петрограда сказано, что некоторые финны, за уклонение от партийной мобилизации приговорены к **расстрелу**. За уклонение от партийных обязанностей исключают из партии, расстреливает же государственная власть. Это есть применение принудительной мобилизации к финляндцам. Для Финляндии это casus belli⁷. Пока мы не давали повода, финляндское правительство недостаточно сильно, чтобы вовлечь Финляндию в нападение на нас. Но если мы даем повод, создаем casus belli⁸, что будет, если Финляндия вмешается??⁹ Я телеграфировал об этом т. Троцкому¹⁰.

С товарищеским приветом

Георгий Чичерин

⁵ *Ледебур (Ledebour) Георг (1850–1947) – один из основателей Независимой социал-демократической партии Германии, после восстания в 1919 г. возглавил «революционный комитет действия».*

⁶ *Кон Оскар [Бертольдвич] (1891–1937) – австрийский рабочий, военнопленный в России с 1915 г., вступил в интернациональный батальон в 1917, с 1918 г. член РКП(б). С 1919 неофициальный сотрудник советского полпредства в Берлине, через которого передавались средства из фонда, образованного по решению советского руководства в «интересах германской революции». В феврале 1920 года на партконференции в Омске избран секретарем немецкой секции РКП(б). С 1921 г. гражданин РСФСР. Расстрелян.*

⁷ *В машинописной копии фраза вписана чернилами.*

⁸ *Casus belli (лат. – «случай (для) войны», «военный инцидент») – термин, применяющийся для описания действия или события, которое провоцирует или используется для оправдания войны.*

⁹ *В рукописи далее вписано чернилами на полях: «Зачем же давать ему такой повод, создавая casus belli».*

¹⁰ *Троцкий Лев Давидович (1879–1940) – в 1918–1923 гг. нарком по военным делам РСФСР. Письмо Троцкому является почти полной копией письма Ленину (первая и последние фразы немного изменены). См.: РГАСПИ. Ф.325. Оп.1. Д.484. Л.347.; опубли.: [1], p.722 (по машинописной копии).*

Телеграмму Турцика¹¹ покажу завтра т. Нариманову¹².

АВПРФ. Ф.04. Оп.52. П.340. Д.55251. Л.20. Рукопись через копирку с позднейшими пометами Чичерина чернилами на полях, на обороте машинописного текста. Отпуск. Л.19. Машинописная копия.

№4

**Г.В.Чичерин – В.И.Ленину о некорректном выступлении
в петроградской печати о падении государственного строя
Финляндии в случае заключения с ней мира**

26/10/19

26 октября 1919 г.

Многоуважаемый Владимир Ильич,
против Петроградской печати я бессилен. Я несколько раз указывал Вам на ея колоссальныя бестактности. Сам я могу лишь телеграфировать т. Зиновьеву и дальнейшее не от меня зависит.

В «Правде» 24 окт. (Петроградской) В.Быстрянский¹³ цитирует финскую монархическую “Karjala”, выражающую опасение, что мир с Советской Россией, подобно Брестскому, поведет к гибели нынешнего строя в Финляндии. Быстрянский ПОДТВЕРЖДАЕТ эти опасения и пишет: «Монархическая газета весьма кстати вспомнила о Бресте – она сознает, видимо, что и ей не миновать участи брестских победителей.

Нельзя было сказать яснее, что «мир с рабочими и крестьянами России – это смерть эксплуататорам и паразитам других стран! Но не спасет их и война» и т. д.

«Правда» цитируется в других странах, как официальный орган. Эта фраза есть срыв всей нашей политики соглашений.

С товарищеским приветом

Георгий Чичерин

¹¹ Турцик – Туркестанский центральный исполнительный комитет. Имеется в виду телеграмма №41 в СНК председателя Турцика Апина от 22 октября 1919 г. с сообщением решения 8 съезда Советов и 4 съезда Коммунистической партии края и об отношении трудящихся масс Туркестана к Советской власти. Ленин направил эту телеграмму Чичерину в тот же день с просьбой об отзыве (РГАСПИ. Ф.2. Оп.1. Д.11483).

¹² Нариманов Нариман Наджаф оглы (1870–1925) – В 1919 г. заведующий отделом Ближнего Востока Народного комиссариата иностранных дел.

¹³ Быстрянский Вадим Александрович (1886–1940) – В 1918–1922 гг. член редакционной коллегии «Петроградской правды», с 1918 года член редакции газеты «Северная коммуна», с 1919 – «Известия Петросовета».

Прилагаю копию доклада Рейха и швейцарского доклада. Есть еще австрийский, и любопытный секретный доклад Стеффена¹⁴ Буллиту¹⁵.

Штамп (на экз. РГАСПИ): Канцелярия исполнительного комитета (далее не четко).

РГАСПИ. Ф.2. Оп.1. Д.24352. Рукопись черными чернилами на листе со следами сгиба четверо. Пометы простым карандашом и красными чернилами.

АВПРФ. Ф.04. Оп.52. П.340. Д.55251. Л.21. Машинопись на 1/3 листа со следами дырокола Л.22. Рукопись (второй экз. через копирку) на папиросной бумаге со следами дырокола.

№5

В.И. Ленин – председателю Исполкома Петросовета Г.Е. Зиновьеву о письме Г.В. Чичерина и отклик Зиновьева

26 октября 1919 г.

т. Зиновьев! Побраните Быстрянского и прикажите ругать больших (Фр., Англ. **etc**), а малых **пока** не трогать. 26/Х Ленин.

[Отклик Зиновьева:] **Тов. Быстрянскому:** Действительно Вас **следует** побранить. Г.Зиновьев. Письмо верните мне. Г.З.

РГАСПИ. Ф.2. Оп.1. Д.24352. Пометы: рукой В.И. Ленина фиолетовым карандашом сверху над текстом. Помета Г.Е. Зиновьева слева на полях снизу вверх красными чернилами.

¹⁴Стеффенс Линкольн (Lincoln) Остин (1866–1936) – американский журналист, сопровождал У.Буллита в Москву в мае 1919 г., после возвращения стал сторонником продовольственной помощи США Советской России. Имеется в виду доклад от 2 апреля 1919 г. о впечатлениях от поездки в Россию и о положении в России.

¹⁵Буллит (Bullitt) Уильям Кристиан (1891–1967) – американский дипломат, в 1917–1919 г. на службе в Государственном департаменте, весной 1919 г. в Москве на переговорах с советским правительством об условиях прекращения гражданской войны («миссия Буллита»).

№6

Г.В. Чичерин – В.И. Ленину о невозможности угроз
петроградской прессы в адрес
финских граждан в Петрограде

5/11 [191]9

5 ноября 1919 г.

Многоуважаемый Владимир Ильич,

Петроградская РОСТА уполномочена сообщить из «самых компетентных источников», что нападение Финляндии невероятно, но что если бы оно совершилось, «белые ответят за наступление на Петроград, и не только финляндская буржуазия, но **каждый финляндский буржуй в отдельности**».

Сомневаюсь, что Финляндию остановила угроза «каждому финляндскому буржуй в отдельности» в Петрограде. Если бы финляндское правительство захотело напасть, оно этим будет подогревать патриотизм своих солдат и обывателей.

Вообще тактикой угроз можно пользоваться лишь умеючи. Бисмарк умел грозить – знал, когда и как грозить. А то результатом угрозы может быть то, что противник захочет предупредить ее исполнение, как Вильгельм II¹⁶ в 1914 г. В лучшем случае рискуешь себя сделать смешным: так, финляндские газеты смеялись по поводу петроградских «башкир», зная, что они не страшны.

Но угроза каждому буржую выдвигает принципиальный вопрос, до сих пор репрессалии производились за насильственные акты против отдельных же лиц, но не против той или другой политики. Это явление новое. Вступить на такой путь – завело бы так далеко, что вряд ли это допустимо.

С товарищеским приветом
Георгий Чичерин

АВПРФ. Ф.04. Оп.52. П.340. Д.55221. Л.23. Машинописная копия. Л.24. Рукопись (через копиру) на полутонкой бумаге, на обороте которой машинопись на французском языке.

¹⁶ Вильгельм II (Wilhelm II) (1859–1941) – последний германский император и король Пруссии с 1888 по 1918 гг.

№7

**Г.В. Чичерин – В.И. Ленину о публикации
в петроградских газетах подложного интервью Клемансо**

13/11 [191]9

13 ноября 1919 г.

Тов. Ленину

Вчера из Петрограда сообщили по телеграфу из Росты¹⁷ в Центральную Росту об интервью Клемансо в вашингтонской газете «Новости Дня» с заявлением о полной победе Советской России и блестящих перспективах мировой революции, Мы такой газеты не знаем, и содержание интервью внушило нам сомнение. При нашей монополии печатной информации надо быть сугубо осторожными; публикация подложного сообщения, в особенности столь сенсационного, дискредитирует всю нашу информацию. На наш запрос петроградская Роста ответила, что ее сотрудник имеет подлинник газеты. Мы удивились быстроте дохождения вашингтонской газеты. Тогда петроградская Роста ответила, что это из Temps 2 ноября. Когда наша Инороста потребовала, чтобы заведующий Петроградской Ростой сам посмотрел газету, оказалось, что указанный сотрудник «где-то видел» эту газету, но это «может быть недоразумение»; и кончилось тем, что заведующий Петроградской Ростой за мистификацию передал его ЧК.

Но в петроградских газетах утром **подложное интервью успело уже появиться!**

Крайнее легкомыслие заведующего Петроградской Ростой заслуживает внимания.

Но главное, нужно бы повторить запрещение петроградской Рoste давать в печать заграничные известия без разрешения Центральной Росты¹⁸. Они связаны телефоном, петроградская Роста все сообщает центральной, а центральная меня запрашивает. Ничего не стоит петроградской Рoste получать разрешение центральной. Петроградские газеты раньше и больше московских попадают за границу. Такие скандалы нас совершенно дискредитируют.

Народный Комиссар по Иностранным Дела
Георгий Чичерин

¹⁷ «Петроградская Роста».

¹⁸ Так в тексте здесь и далее.

АВПРФ. Ф.04. Оп.52. П.340. Д.55251. Л.27–27 об. Рукопись (через копирку) на обороте машинописного текста и поверх него. Л.26. Машинописная копия.

№8

**Г.В.Чичерин – В.И.Ленину
об организации цензуры газет**

8/12 [191]9

8 декабря 1919 г.

Многоуважаемый Владимир Ильич,

инструкции могут быть только **устные**, а то публика будет об них узнавать и будут скандалы. Прилагаю проект инструкций. Получается нечто вроде гимназических правил – носить ранец на спине, надевать галоши в мокрую погоду. Инструкции могут быть только остовом, нужны разъяснения путем разговоров. Нам только еще неясно, как быть с петроградскими газетами, надо будет посоветоваться. Петроградская Правда больше всех цитируется за границей, и в ней больше всего бестактностей, иногда чудовищных. Прилагаю также записку о цензуре «радиовестника», т. е. внутренних радио. Инороста¹⁹ все время в наших руках.

Завтра едет курьер к т. Красину²⁰. Не имеете ли что-нибудь к нему?

С товарищеским приветом
Георгий Чичерин

АВПРФ. Ф.04. Оп.52. П.340. Д.55251. Л.31. Рукопись (через копирку) на ½ листа с оборванным краем (на обороте машинописного документа). Л.30. Машинописная копия на 1/3 листа.

¹⁹ Иностраннный отдел РОСТА.

²⁰ Красин Леонид Борисович (1870–1926) – в 1918–1923 народный комиссар торговли и промышленности – внешней торговли РСФСР. В декабре 1919 возглавил советскую делегацию на переговорах с Эстонией и в февр. 1920 подписал мирный договор.

№9

Г.В. Чичерин – В.И. Ленину о совещании редакторов по цензуре

16 декабря 1919 г.

Товарищу Ленину

16 декабря [191]9 г.

Уважаемый товарищ.

Совещание редакторов состоялось. Они категорически настаивают на необходимости получения ими письменной формулировки как самих инструкций, так и полномочий на применение цензуры хотя бы в форме постановления ЦК. Согласно моему предложению, в постановлении Оргбюро сказано об устном инструктировании; они считают это невозможным и обещают полную секретность.

В присланном мне постановлении Оргбюро говорится о принятии моего проекта с Вашими поправками. Эти поправки мне не сообщены, нам необходимо их получить.

Точные письменные полномочия редактора потому, между прочим, считают необходимыми, что например т. т. Троцкий и Зиновьев обыкновенно требуют печатания своих речей без изменений. Редактора указывают также на то, что возможны случаи, когда Вы или т. Троцкий выступите с речью, идущей в разрез с известными Вам инструкциями, по определенно политическим соображениям. Если эти инструкции должны быть вообще применяемы к речам, то надо в таком экстренном случае специально указывать на их неприменение.

Из постановления от Бюро не видно, был ли одобрен мой проект инструкций и являются ли они, таким образом, инструкциями ЦК или же они должны были быть приняты на совещании с редакторами. Последние, впрочем, по существу с ними согласны.

Указывалось, что, когда каждый редактор будет цензурировать одну и ту же речь, то даже при применении тех же инструкций речь в результате появится в разных редакциях. Но на это было отвечено, что редактора довольно скоро сплутаются настолько, что это будет наблюдаться лишь в незначительной степени. Было признано, что принцип передачи цензурирования ответственным редакторам – единственно возможный при наших условиях. Мне и тов. Карахану²¹ брать на себя всю цензуру нет физической возможности, а компетентных цензоров мы не имеем. Сами

²¹ *Карахан Лев Михайлович (1889–1937) – с марта 1918 по 1920 г. заместитель наркома по иностранным делам.*

ответственные редактора, несомненно, компетентнее тех лиц, которых можно бы найти в качестве цензоров. Вопрос о цензуре встанет лишь при правлении некоммунистических органов.

С товарищеским приветом

Н. К. по Ин. Д.²²

Помета карандашом сверху слева: 11/985

АВПРФ. Ф.04. Оп.52. П.340. Д.55251. Л.34. Машинопись (2-й экз.).

№10

Г.В.Чичерин – В.И.Ленину о недопустимости угрозы напасть на Финляндию в петроградской печати²³

26/12 [191]9

26 декабря 1919 г.

т. Председателю Ц.К.Р.К.П.

Петроградская Роста передала по петроградским газетам телеграмму о совещании Комитета обороны в Петрограде, в которой его решения были переданы так, что получился прямой вызов по адресу Финляндии: в случае покушения со стороны Финляндии (приблизительно цитирую по памяти), мы не ограничимся обороной, а ответим **уничтожающим ударом**, для чего теперь же надо принимать практические мероприятия. По практике современных правительств это носит характер подготовки нападения на Финляндию, ибо «покушения» легко инсценируются; это будет понято в том смысле, что мы побили Деникина и собираемся покорить окраины. Такая публикация противоречит принципам, установленным на совещании редакторов. Нужно бы сделать их обязательными для всех петроградских редакций через посредство Петроградской «Правды».

Н.К.И.Д. Георгий Чичерин

Помета простым карандашом слева под датой на экз. АВПРФ (Л.35):
1017

Пометы В.И.Ленина: Такого нет. || Согласен.

²² Подпись вписана чернилами в машинописный текст.

²³ На заседании ЦК РКП (б) 27 декабря 1919 г. было принято решение по этому заявлению Чичерина, о чем Ленин известил наркома в тот же день [3, с.106].

РГАСПИ. Ф.2. Оп.1. Д.12211. Рукопись на бланке НКВД. Пометы и надписи – синим карандашом.

АВПРФ. Ф.04. Оп.52. П.340. Д.55251. Л.35. Машинопись с делопроизводственной пометой. Л.36 рукопись (под копирку) на ½ листа (отпуск на обороте машинописного документа).

№11

Протокольное постановление Политбюро ЦК РКП (б) по заявлению Г.В.Чичерина о публикации в «РОСТА» угрозы нападения на Финляндию²⁴

27 декабря 1919 г.

Протокол заседания Политического бюро ЦК РКП (б) 27-ХII-1919 г.

Присутствовали: Ленин, Троцкий, Каменев, Крестинский, Дзержинский, Раковский, Томский, Красин, Лутовинов.

5. Заявление т. Чичерина о том, что Петроградское отделение «Роста» опубликовало сообщение военного характера, могущее быть понято Антантой и Финляндией, как намерение Советской России начать наступление против Финляндии.

5. Не входя в обсуждение данного конкретно случая, разъяснить, что принятые Оргбюро правила цензурирования газет и «Роста»²⁵ распространяются и на петроградские газеты, и на Петроградское Отделение «Роста».

РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.50. Л.1. Машинописная копия 1926 г.; Оп.163. Д.24. Л.2. Машинопись.

²⁴ Сохранилось несколько проектов постановлений, выработанных Лениным и Чичериным вместе с Крестинским. См.: РГАСПИ. Ф.17. Оп.163. Д.24. Л.4–8.

²⁵ В обращении Чичерина к Ленину 8 декабря 1919 г. о необходимости не только письменных правил, но и устных цензурных инструкций радио и газетам, содержался проект инструкции газетам (АВПРФ. Ф.04. Оп.52. П.340. Д.55221. ЛЛ.31). Ленин сделал пометы на этой инструкции, исключил из проекта постановления параграф о возможных задержках информации в связи с цензурой и направил проект Крестинскому для принятия соответствующего постановления на Оргбюро ЦК РКП(б) (РГАСПИ. Ф.2. Оп.2. Д.214). 12 декабря Оргбюро рассмотрело вопрос «Проект постановления ЦК, представленный Чичериным с поправками Ленина о цензуре отчетов и протоколов о выступлениях ответственных работников по вопросам отношения с другими государствами».

№12

**Г.В. Чичерин – В.И. Ленину
о некорректном заявлении
о мире с Антантой**

20 февраля [19]20 г.

20 февраля 1920 г.

Т. Ленину

Несмотря на категорическое требование, поставленное радиотелеграфному отделу Росты, чрезвычайно важное сообщение из №226 от 20-го февраля, рассылаемое по радио «Плакатного Вестника», было отправлено без предварительного предъявления Наркоминделу. Это сообщение имеет форму небольшой статьи без указания автора и источника, являющееся поэтому официальным заявлением «Плакатного Вестника». Оно озаглавлено: «Советвласть и империалисты». В нем сказано: «Советвласть богатырскою рукою своей великой Красной Армии сражается за то, чтобы уничтожить империализм». Далее: «Пусть знают, что скоро придет им время распротиться со своею хищною властью в собственных странах; заключить мир и завязать торговые сношения с ними мы готовы, так как без крайней нужда воевать не желаем. Но и мир этот будет лучшим орудием истребления империалистов, чем война, ибо он покажет всем рабочим Европы, какая громадная сила в рабочем классе, если он взялся за ум».

Это заявление, представляющее мир с Антантой, как средство дальнейшей борьбы против империализма, послано по радио и несомненно подхвачено западными станциями как раз в тот момент, когда в Лондоне верховный совет обсуждает русский вопрос²⁶. Заявление, представляющееся как будто официальным заявлением Советского правительства, говорит Антанте, что с ней мирятся, чтобы ее лучше разгромить. Как раз теперь, когда там все еще колеблется и окончательные решения по отношению к нам еще не приняты. Это есть великолепнейшее оружие для Черчиллей в их борьбе против компромиссной линии. Рассылка такого заявления по радио играет прямо-таки провокационную роль. И «Роста» рассылает по радио такие заявления, несмотря на категорическое требование представления их нашей цензуре.

²⁶ Лондонская конференция стран Антанты работала с 12 февраля по 10 апреля 1920 г.

Когда я стал разузнавать, откуда это заявление взято, оказалось, что это есть сокращение манифеста Московского комитета Р.К.П., помещенного в «Вечерних Известиях» 19-го февраля. Необходимо, чтобы ЦК указал другим партийным инстанциям, что говорить о мире с Антантой, как о средстве ее разрушения есть срыв мира. Редакция «Вечерних Известий», очевидно, поместила этот манифест без критики ввиду его авторитетного партийного характера. Но необходимо также указать редакции «Вечерних Известий», что она должна относиться внимательнее к публикуемому ею материалу.

НАРКОМИНОДЕЛ

*Пометы на экз. АВПРФ: слева сверху чернилами: 11/146
[Помета Ленина:] в архив (в Роста)
РГАСПИ. Ф.2. Оп.1. Д.4798. Машинопись на бланке НКВД.
АВПРФ. Ф.04. Оп.52. П.340. Д.55251. Л.1. Машинопись (2 экз.).*

№13

**В. И. Ленин – П. М. Керженцеву
о письме Г. В. Чичерина**

21 февраля 1920 г.

Тов. Керженцев

Верните это мне с Вашим отзывом: почему не послали на цензуру? кто виноват в этом?

Ленин

РГАСПИ. Ф.2. Оп.1. Д.4798. Надпись карандашом на письме Г. В. Чичерина.

Опубл.: Ленинский сборник. XXIV. М., 1942. С.267.

№ 14

Г.В. Чичерин – В.И. Ленину о приказе командира 7 армии
С.И. Одинцова проводить репрессии в Карелии²⁷

30 апреля [19]20

30 апреля 1920 г.

Тов. ЛЕНИНУ.

Многоуважаемый Владимир Ильич,

Сообщенный мне приказ командарма 7 Одинцова²⁸ по поводу **карельского** самоопределения²⁹ кончается словами: «местное население немедленно разоружить и беспощадно расправляться на месте со всеми антисоветскими агитаторами». Система беспощадных расправ поведет к тому, что нас там окончательно возненавидят. Туда направлены финские красные³⁰ для подготовки проведения плана советской Карелии с некоторой автономией, при которой мы не лишимся коридора на север. Вся эта работа будет надолго испорчена, если бывший царский генерал Одинцов будет старыми методами бороться с сепаратизмом путем расстрелов. Для того, чтобы наша программа там могла быть проведена, надо скорее положить конец беспощадным расправам.

С коммунистическим приветом

Георг. Чичерин

Помета: Чич[ерин] в[ersu]s Тр[о]ц[кого] – на конверте (Л.1).

РГАСПИ. Ф.2. Оп.2. Д.279. Машинопись на бланке НКВД. Подпись автограф. Помета Ленина – автограф синим карандашом; Ф.159. Оп.2. Д.41. Л.18. Машинопись. Отпуск. С пометой Чичерина сверху справа: Копия.

АВПРФ. Ф.04. Оп.41. П.249. Д.53382. Л.18. Машинопись (2-й экз.). Отпуск.

²⁷ В апреле 1920 г. шли переговоры о перемирии между Россией и Финляндией, вопрос о самоопределении Карелии и о политике по отношению к мятежным карелам стоял особенно остро.

²⁸ Одинцов Сергей Иванович (1874–1920) – в октябре–ноябре 1919 года командовал группой войск 7-й армии во время боев под Петроградом с Северо-Западной армией генерала Юденича. С ноября 1919 года по июль 1920 – командующий 7-й армией.

²⁹ В марте 1920 г. Временные правительства Беломорской Карелии (Временное правительство Архангельской Карелии, Ухтинское правительство) созвали съезд 11 волостей, которые решили отделиться от России и создать независимое государство.

³⁰ В Карелии было создано специальное агитационное Карело-Мурманское бюро РКП(б) во главе с финном Я.Т.Мяки.

№15

**Наркомвоен Л.Д.Троцкий –
В.И.Ленину и Г.В.Чичерину
о приказе командарма 7 С.И.Одинцова
о политике нашей армии в Карелии**

1 мая 1920 г.

Почто-телефонограмма №579

**ПРЕДСОВОБОРОНЫ ТОВАРИЩУ ЛЕНИНУ
НАРКОМИНДЕЛ ТОВАРИЩУ ЧИЧЕРИНУ.**

Нарекания товарища Чичерина на командарма 7 Одинцова представляются мне недоразумением. Тов. Чичерин возражает против «бывшего царского генерала Одинцова», который действует старыми методами разоружения и расстрелов. Одинцов несет ответственность за свою армию и никак не может допустить, чтобы части его подчинялись приказам «Карельского правительства», которое предъявляет ему ультиматум и грозит новым фронтом. Равным образом Одинцов не может допустить, чтобы в районе расположения красных частей оставалось вооруженное население, которое предъявляет требование об уходе наших частей. Если бы по соображениям дипломатическим потребовалось очистить соответственные части Карелии, то нужно такой приказ дать Одинцову. Незачем и говорить, что приказ подписан не только им, но и комиссаром Антоничевым и, несомненно, известен Лашевичу³¹ и другим ответственным политработникам. А главное, он правилен по существу до тех пор, пока Одинцов не получил приказа об очищении Костенской волости.

Троцкий
1 мая

РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.1412. Л.1. Машинопись.

³¹ Лашевич Михаил Михайлович (1884–1928) – в дек. 1918 – марте 1919 командующий 3-й армией Восточного фронта, затем член Реввоенсовета Южного фронта и командующий 7-й армии (в июле–августе 1920 года).

№ 16

**Г.В. Чичерин – В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому о директиве
С.И. Одинцова расправляться с агитаторами в Карелии**

30265

1 мая 1920 г.

Многоуважаемый Владимир Ильич,

Отвечаю т. Троцкому: «Беспощадно расправляться на месте со всеми антисоветскими агитаторами» означает, что наши будут расстреливать активных деятелей Ухтенского «Временного Правительства» и Областного съезда, т.е. надолго сорвут создание дружественно настроенной **автономной советской Карелии**. Советская власть достаточно гибка, чтобы советские части могли занимать местность, где имеются сепаратисты, не истребляя их. Наш метод есть агитация. Инструкцию надо дать Одинцову не в том смысле, чтобы очистить Костенскую волость, а в том смысле, чтобы не подвергать репрессиям деятелей карельского сепаратизма, пока они не совершают актов, направленных против наших войск, не нападают на них и не призывают к нападениям на них.

С коммунистическим приветом
Георг. Чичерин

РГАСПИ. Ф.159. Оп.2. Д.41. Л.19. Рукопись через копирку на бланке НКВД. Отпуск. Помета сверху справа Чичерина: Копия.

АВПРФ. Ф.04. Оп.41. П.249. Д.53382. Л.20, 21. Машинописная копия 1927 г. Л.19. Рукопись через копирку. Отпуск.

№ 17

**Г.В. Чичерин – В.И. Ленину
о директиве С.И. Одинцова и необходимости проведения
дружественной политики в Карелии**

2 мая 1920 г.

ТОВАРИЩУ ЛЕНИНУ

Многоуважаемый Владимир Ильич,

Разногласия между мной и тов. Троцким по вопросу об инструкциях нашим частям в Карелии более кажущиеся, чем действительные.

26/10/19

Министерство

Владимир Ильич

против петрозаводской печати и журнала. Я одобряю рас-
суждения Вас об ед. Кемпеланской буржуазности (со з-
мысл. имеет идеологию и Зинателю, а Деметриус не
он не задался.

В Правде 24 стр (Петрозаводск) В. Бондаровичи чита-
ют фиска и идеологическую Каряла. Выводят, опасаясь,
что мир с Советской Россией, подобно Фрэнкелю, введет
к себе в лапы и стая с Фрэнкелю. Бондаровичи
подтверждает эти опасения и пишет, «обозначи-
тельно зная все, что касается Карялы и Фрэнкеля»
он считает, видимо, что и ей не удастся удержать
своих позиций. Когда это сказано, то, что
мир с рабочими и крестьянами России это -
смерть империализма и капитализма других стран!
Но не кажется ли а "Гибель" и т.д.

Правда цитируется в других изданиях, как
официальная информация. Это правда есть прав-
да и не является лишней информацией.

С уважением yours

С.И. Одинцов

Примечание: этот доклад Гейха и Шенкерского делался в
своих абстрактных, и субъективных сведениях делал (информация
близкая)

Г.В. Чичерин – В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому о директиве С.И. Одинцова
расправляться с агитаторами в Карелии

Я, разумеется, не отрицаю, что, поскольку угрожают нападениями на наши войска, нельзя не принимать самых решительных мер предупреждения. Но я полагаю, что формулировка Одинцова – «беспощадно расправляться с антисоветскими агитаторами» – поведет к расстрелам за один факт участия в карельском национальном движении, в областном съезде и т. п. Этого надо избежать во что бы то ни стало, и необходимо дать разъяснение в смысле ограничения репрессивных мер случаями нападений на наши войска, или угроз таковыми, или подстрекательства к ним. Главное, надо стремиться наладить дружественные отношения с карелами. Тов. Зуль³² рекомендует замену там русских частей финскими красными, которые сумеют подружиться с населением и будут на него влиять в нашем духе. Из Петроградской коммуны мне послали проект будущей деятельности в³³ Карелии: она нуждается в хлебе, дорогах, телефонах и телеграфах, школах. Это рассчитано на долгое время и будет требовать больших расходов, но первые же наши шаги на этом пути привлекут к нам население, ибо Финляндия сама нуждается в хлебе, карелы же гибнут без подвоза хлеба извне.

В данный момент наша первейшая задача – не вызвать против себя длительной ненависти, а для этого требуется разъяснение приказа Одинцова.

С коммунистическим приветом,
(Георгий Чичерин)

РГАСПИ. Ф.159. Оп.2. Д.41. Л.20. Машинопись на бланке Commissariat du peuple pour les affaires étrangères. Подпись – автограф. Помета сверху справа рукой Чичерина: Копия.

АВПРФ. Ф.04. Оп.41. П.249. Д.53382. Л.22. Машинопись на бланке Commissariat du peuple pour les affaires étrangères.

³² Зуль Борис Григорьевич (1887–?) – с мая 1919 г. по апрель 1920 г. член Реввоенсовета 4-й армии Туркестанского фронта. В июле–августе 1920 г. член Реввоенсовета 13-й армии Юго-Западного фронта. С 1925 г. заведующий транспортным отделом торгпредства СССР во Франции, генеральный агент Совторгфлота. В 1926 г. отказался вернуться на родину.

³³ В экземпляре АВПРФ: действительно.

№18

**Г.В.Чичерин – В.И.Ленину
о разъяснении инструкции С.И.Одинцова
по отношению к Карелии**

3 мая 1920 г.

Многоуважаемый Владимир Ильич.

Тов. Троцкий сообщил мне по телефону о разъяснении инструкции, данной Одинцову в Карелии. Эти разъяснения устраняют разногласие между нами, и, вследствие этого, нет больше причины для передачи вопроса в Политбюро.

С коммунистическим приветом
Георг. Чичерин

РГАСПИ. Ф.2. Оп.2. Д.281. Машинопись на бланке НКЖД. Подпись – автограф.

АВПРФ. Ф.04. Оп.41. П.249. Д.53382. Л.23. Машинопись (2 экз.) на листе со следами дырокола. Отпуск.

№19

**Г.В.Чичерин – В.И.Ленину
о необходимости цензуры петроградских газет**

24 сентября [19]20

24 сентября 1920 г.

Многоуважаемый Владимир Ильич.

Нельзя ли воспользоваться присутствием здесь тов. Зиновьева, чтобы прийти к какому-нибудь результату по вопросу о постоянном напечатании петроградскими газетами помимо нашей цензуры телеграмм и радио из-за границы, печатание которых политически недопустимо. Было уже постановление Центрального Комитета об этом, и в прошлом году в Москву приезжал тов. Быстрянский, с которым этот вопрос обсуждался. Мы обращались с тех пор к различным учреждениям по тому же вопросу, но, к сожалению, все это остается

безрезультатным. Так, например, как³⁴ Бела Кун³⁵ конспиративно проехал через Германию, и когда после его обнаружения он был скрыт германским правительством в Берлине, в петроградских газетах без нашего ведома, появилась об этом телеграмма, которая могла серьезно скомпрометировать и сорвать дело его освобождения. Когда в составе немецких эмигрантов-рабочих приехало 16 делегатов-коммунистов на съезд Коминтерна³⁶, петроградские газеты без нашего ведома об этом опубликовали, чем создали неприятность для эстонского правительства, и крайне затруднили для нас возможность организации конспиративного проезда через Эстонию коммунистов. Это лишь немногие примеры.

Организовать нашу цензуру чрезвычайно просто. Все такие телеграммы сообщаются из Петрограда по телефону в Центральную Росту, но, к сожалению, после того, как они в Петрограде напечатаны. Если бы они сообщались по телефону до напечатания, Роста могла бы сейчас же нас запрашивать по телефону же, и в Петрограде такие телеграммы публиковались бы без всякого замедления. Нужно только, чтобы петроградские редакции с этим серьезно считались, а не относились бы к этому требованию с полным невниманием и пренебрежением. Принципиальное решение Центрального Комитета уже было вынесено в прошлом году, дело идет только о том, чтобы через тов. Зиновьева оказать более серьезное давление на петроградские редакции.

С коммунистическим приветом
Георг. Чичерин.

РГАСПИ. Ф.2. Оп.1. Д.15513. Машинопись на бланке НКВД со следами дырокола. Подпись – автограф.

АВПРФ. Ф.04. Оп.52. П.340. Д.55251. Л.15. Машинопись на бланке НКВД со следами дырокола.

³⁴ Вписано в машинопись рукой Чичерина.

³⁵ Кун (Кип) Бела (1886–1939) – нарком иностранных дел и нарком военных дел Венгерской советской республики (1919), в августе 1919 вернулся в Россию, в октябре 1920 г. он был назначен членом Реввоенсовета Южного фронта. Репрессирован.

³⁶ Второй Конгресс Коминтерна начал работу 19 июля 1920 года в Петрограде, а с 23 июля по 7 августа работал в Москве.

№20

**В.И. Ленин – Г.В. Чичерину о необходимости предоставления
проекта постановления ЦК РКП(б) по цензуре газет**

После 24 сентября 1920 г.

т. Чичерин!

Надо дать в Цека

1) еще раз проект **точно** постановления: Цека запрещает поступать так-то, требует того-то.

2) Обжаловать **каждое** нарушение конкретно.

3) Провести через Цека назначение **ответственного** лица (не очень «высокого»).

Иначе выходит одна воркотня³⁷.

РГАСПИ. Ф.2. Оп.1. Д.15513. Рукопись черными чернилами.

Опубл.: Ленинский сборник. XXXVI. М., 1959. С.126; Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т.51. С.286–287.

Библиографический список

1. The Trotsky Papers 1917–1922. V.I. 1917–1919. L., 1964.
2. Зеленов М.В., Пивоваров Н.Ю. Политика войны и мира в решениях ЦК РКП(б): Механизм принятия решений в марте 1918 – марте 1921 г. // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 1–3 октября 2018 г.) / отв. ред. Ю.А.Петров. – М.: [ГЦМСИР], 2018.
3. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т.51. М., 1970.
4. Ленинский сборник. XXXV. М., 1945.
5. Чичерин Г.В. Ленин и внешняя политика // Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.

³⁷ 29–30 сентября 1920 г. в записке к председателю советской делегации в Лондоне Ленин писал: «Я уже не раз писал Чичерину: довольно воркотни, вносите в Цека деловые предложения» ([4, с.155]).

Любовь Писарькова, Анна Горячева

ЖИЗНЬ В ДОНБАССЕ 1920–1930-х гг.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
Ф.А.ПИСАРЬКОВА*

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК

94 (47) 08

Публикуемые отрывки из рукописи Ф.А.Писарькова (1917–1991), автора изданных в 2017 г. воспоминаний о Великой Отечественной войне, дают представление о жизни населения Донбасса в условиях быстро меняющейся экономической и политической ситуации в стране. Воспоминания раннего детства автора связаны с голодом 1921 г. (тогда семья жила в Оренбургской губернии, с 1923 г. – в Донбассе). Затем – описание жизни в период НЭПа с изобилием продуктов и товаров, которое в конце 1920-х гг. заканчивается всеобщим дефицитом и введением продовольственных карточек. Положение стабилизируется к середине 1930-х гг., когда были отменены карточки, а воскресные базары по обилию товаров напоминали автору базары середины 1920-х гг. Воспоминания содержат множество ярких зарисовок, характеризующих быт населения и его отношение к государственной политике.

The published excerpts from the memoirs of F.A.Pisarkov (1917–1991), the author of the memoirs of the Great Patriotic War published in 2017, give an idea of the life of the population of Donbass in the rapidly changing economic and political situation in the country. The author's early childhood memories are connected with the famine of 1921 (then the family lived in the Orenburg province, since 1923 – in the Donbass). Then a description of life during the NEP period with an abundance of food and goods, which in the late 1920s ends with a general shortage and the introduction of bread cards. The situation stabilizes by the mid-1930s, when the cards were abolished, and the Sunday bazaars in the abundance of goods reminded the author of the bazaars of the mid-1920s. The memoirs contain many vivid sketches that characterize the life of the population and its attitude to state politics.

Ключевые слова: Донбасс; шахтеры; быт 1920–1930-х гг.; голод; сиротство; Новая экономическая политика (НЭП); Сталин; коллективизация; повседневность; продовольственные карточки.

Key words: Donbass; miners; everyday life of the 1920s–1930s; Stalin; collectivization; famine; orphanhood; new economic policy (NEP); ration cards.

E-mail: afanasiev44@list.ru; jacka99@list.ru

*При финансовой поддержке РФФИ, грант №20-09-00109.

Предлагаемые вниманию читателей отрывки из рукописи Ф.А.Писарькова, автора опубликованных в 2017 г. воспоминаний о Великой Отечественной войне [1], посвящены 1920–1930-м гг., когда шел процесс становления советского государства, глобальных изменений в экономике, политике, образовании и быте людей. О влиянии этих изменений на жизнь одного из шахтерских поселков Донбасса и вспоминает современник¹.

Писарьков Федор Александрович (1917–1991) родился в с. Пресняково (Присняк) Троицкого уезда Оренбургской губернии (сейчас территория Казахстана). Его отец Александр Иванович Писарьков (1879–1924), уроженец Рязанской губернии, много ездил по России, работал на заводе в г. Коканде, был шахтером в Донбассе, состоял под надзором полиции как «политически неблагонадежный». Мать мемуариста Елизавета Игнатьевна Сафонова (1889–1958), служила нянькой в семье инспектора семинарии в городе Рязани.

В начале 1900-х гг. родители Федора Александровича уехали в г. Сулин (сейчас г. Красный Сулин Ростовской обл.), где отец работал на шахте. В 1912 г. семья, резко изменив свою жизнь, переехала в Оренбургскую губернию и занялась крестьянским трудом. Начавшийся в 1921 г. голод и падеж скота подорвали и без того не очень крепкое хозяйство. В 1923 г., распродав оставшийся скот и имущество, семья переехала в Донбасс, в г. Горловку. Отец устроился бурильщиком на шахту Мария (сейчас шахта Комсомолец), а в 1924 г. его насмерть придавило в забое. Елизавета Игнатьевна одна, при помощи государства, поднимала шестерых детей².

В личном архиве Ф.А.Писарькова сохранилось 10 тетрадей с воспоминаниями о жизни многодетной семьи в довоенной Горловке после гибели ее кормильца. Автор подробно описывает голодное детство, учебу в школе во время «пролеткульта» и украинизации русскоязычного населения, когда под запретом оказались не только произведения классиков как носителей дворянской идеологии, но и русские народные сказки; пишет о влиянии на школьное обучение политики властей по украинизации и отношении к ней жителей Донбасса. Большое внимание автор уделяет своей семье: много пишет о матери, братьях, их любви к чтению и тяге к знаниям, что помогло им «выйти в люди». Федор Александрович

¹ По материалам личного архива Ф.А.Писарькова, состоящего из 29 общих тетрадей с черновыми и чистовыми вариантами воспоминаний опубликован ряд статей [2; 3; 4].

² В семье Писарьковых было пять сыновей: Сергей, Александр, Иван, Арсений, Федот (во время призыва на фронт получил имя Федора) и дочь Евдокия. Сергей, Иван и Арсений погибли в годы Великой Отечественной войны.

Портрет Ф.А.Писарькова конца 1940-х годов

вич не получил полного среднего образования, но был начитанным человеком, обладал прекрасной памятью. Благодаря братьям, много читавшим по разным областям знаний, он приобщился к книгам, любил поэзию. С 1934 г. работал в книжном киоске (тогда массовыми тиражами стала издаваться русская классика), а в начале 1938 г. уехал в город Краснодон Ворошиловградской области (сейчас Луганская обл.), где заведовал небольшим книжным магазином.

По состоянию здоровья Федор Александрович не состоял на военном учете. Но 27 февраля 1943 г. он в числе многих других был мобилизован и признан годным к нестроевой службе. В составе отряда вновь мобилизованных его направили в Ворошиловград в запасный полк. «Кончилась своя воля, свое "я", – писал он в воспоминаниях, – и стало многоликим

и послушным "мы"» [1, с.19] Он первый раз держал в руках винтовку, ему показали, как из нее стрелять, и на этом военная подготовка закончилась. Его запасный 393 пехотный полк в составе частей Юго-Западного фронта участвовал в освобождении Левобережной Украины и Донбасса. Линия фронта проходила совсем близко от Ворошиловграда, и автор воспоминаний сразу попал в окопы на передовой. В воспоминаниях о войне он писал: «Я попал на фронт, когда Германия после поражения под Сталинградом, предприняла большое наступление для восстановления своего престижа. Немецкие войска снова взяли Харьков, Белгород, вытеснили наши войска с Донбасса за Северский Донец. В это тяжелое время я, не умеющий держать винтовку, попал в водоворот событий и был подавлен, ошеломлен и чудом остался жив» [1, с.248]. За два с лишним военных года нестроевой солдат прошел через окопы передовой, тяжелое ранение, три военных госпиталя; мерз, голодал, кор-

мил вшей; был пехотинцем, химиком, писарем, пулеметчиком, военным строителем; победу встретил в Москве. До приказа о демобилизации (его возраст демобилизовали только весной 1946 г.) служил связным замполита, занимавшегося демобилизацией. Во время войны погибли его братья: Арсений – летом 1942 г. под Воронежем, Иван – в начале 1944 г., Сергей – в январе 1945 г. в Восточной Пруссии.

После войны Ф.А.Писарьков вернулся в Донбасс, женился на Александре Яковлевне Кравченко (1930–2011), жил в Краснодоне, затем в Горловке; работал экспедитором в строительном управлении, много времени уделял воспитанию дочери и сына, позднее внучек.

Личные впечатления автора о событиях, в которых он принимал непосредственное участие, легли в основу его воспоминаний, написанных в конце 1970-х – середине 1980-х гг.

В настоящее время коллектив составителей готовит к печати полный текст рукописи Федора Александровича «Жизнь в Донбассе 1920–1930-х гг.», которую планирует издать в конце 2021 г. Написанные хорошим литературным языком эти воспоминания будут интересны как специалистам, так и читателям, интересующимся этим сложным и противоречивым периодом нашей истории.

Из воспоминаний Ф.А.Писарькова

Шесть лет моей жизни прошли в Оренбургской губернии. В голодный 1921 год³ мы не ощущали голода, но голодающих людей к нам заходило много, а некоторые и жили у нас по несколько дней. Голодающие были издали, с Волги, грязные, оборванные, худые; войдя в избу, они крестились, низко кланялись и страдальческим голосом просили милостыню.

Помню, в избу вошел мужик с опухшим лицом. За плечами у него, завернутый в тряпье, сидел ребенок, притороченный к спине. Мужик стоял у порога и ждал подавание. Увидев в лоханке арбузные корки, он нагнулся, выловил их из помоев и жадно стал есть. Мама подала ему несколько сырых картошек, он положил их в сумку, а одну тут же с хрустом начал жадно есть. Папа, наверное, был добрым, сострадательным человеком, часто принимал несчастных голодающих и помогал, чем мог.

Сами мы не голодовали, правда, мама из экономии добавляла в муку подсолнечную макуху⁴ и пекла пышки, но это не голод. Пышки нам

³ Пик голода в Поволжье пришелся на осень 1921 – весну 1922 года.

⁴ Макуха – жмых, продукт, получаемый после отжима на прессе растительного масла из подсолнечника.

очень нравились: сдобные, рассыпчатые, пропитанные маслом, только шелуху из семечек поспевай выплевывать.

Раз папа купил на базаре коровью ногу (ляжку). Она была очень велика; мама посмотрела на нее неодобрительно и сказала:

- Что-то не похоже на корову, нога больно большая.
- Значит, корова была большая, – ответил папа.

Мама нарезала полный чугунок мяса и поставила варить, мы с нетерпением ждали, когда сварится. Мама вынула дымящий чугунок из печки, мы сели за стол и принялись за еду. Мама первая поднесла кусок ко рту, но сразу отдернула и положила на стол.

- Ты что? – спросил папа.
- Мясо воняет. Это конина.
- Какая там конина, – произнес недовольно папа, взял кусок и начал есть. Мы хотели последовать его примеру, папа откусил раз-другой, отложил кусок и сказал: «Да, это не говядина», встал из-за стола, и мы, не попробовав мяса, тоже встали.

В этот вечер к нам попросились на ночлег голодающие из Самары – отец с сыном. Они сидели в темном углу за печкой. Папа позвал мужика к столу.

- Попробуйте-ка, что это за мясо.

Мужик сел подвинул чугунок, съел кусок, другой, третий и, громко чавкая, торопливо произнес: «Кабылок, кабылок».

Мы не притронулись к мясу, и все мясо, купленное папой, досталось голодающим. <...>

Папа решил уехать в Донбасс, где когда-то работал. Ему надоело хлебопашество, где многое зависит от «божией милости» – а когда ее нет, труд пропадает даром. Папа думал и о нас, детях. Он боялся, что, живя в глуши, мы остались бы неграмотными, и он твердо решил уехать. <...> Папа повез нас вглубь Донбасса, в Горловку. Остановились на шахте Мария⁵, где он работал до революции. <...> Не прошло и года нашей жизни, как нас постигло большое-большое горе. Мы остались без папы: его сильно покалечило в шахте, и, промучившись сутки, он умер. Мне было семь лет. <...>

⁵Шахта (Фурсовский рудник) была заложена в конце 1860-х гг. В 1889 г. перешла в собственность «Товарищества А. Ауэрбаха и К°», а фактически Ауэрбаха. После 1908 г. на месте Фурсовского рудника были построены две шахты, получившие имена дочерей Ауэрбаха: «Мария» и «Людмила». По традиции, новым шахтам давали имена, чаще всего, родственников владельцев рудника. Шахта «Людмила» просуществовала недолго, а шахта «Мария» в советское время получила название «Комсомолец», дав это имя и находившемуся рядом шахтному поселку.

После долгих лет войны, разрухи и голода жизнь как-то сразу наладилась. Процветал НЭП, оживилась торговля. В моем детстве остались в памяти толкотня шумных базаров, запах яблок, дынь, душистого сена и бодрящей предосенней свежести.

В субботу вечером на шахтный базар съезжалось до сотни крестьянских телег, груженных овощами, фруктами, мукой, медом, разной живностью и всем, что производилось крестьянским трудом. Мать готовилась к воскресным базарам, знала, что надо купить и сколько. Уходила на базар рано, когда мы, дети, еще спали, и приходила всегда с двумя полными корзинами.

Мать вела хозяйство расчетливо, экономно и разумно, знала, когда и чего надо купить. Она держала под неусыпным вниманием каждого из нас. Если у кого износились ботинки, покупала новые, износились у младших рубашки, покупала ситец и шила новые.

В конце 1927-го года брат Иван бросил школу, пошел работать учеником слесаря. Достаток в семье увеличился, но росли и расходы. Старшие братья одевались хорошо, имели выходные костюмы, пальто, а у Сергея была даже веломашинка⁶, о чем многие в то время и не мечтали.

Мама получала пенсию пятьдесят рублей в месяц. На эти деньги мы кормились всей семьей, а когда пошли работать братья, то их заработок почти весь уходил на них. Одевались они хорошо, не хуже других молодых людей того времени. Мама вела хозяйство расчетливо, экономно. Хлеб пекла сама: купит мешок муки, а он стоил пять рублей, и пошли у нас пирожки, вареники, блины.

Вспоминается летнее утро; мама месит тесто, начинает печь пирожки с картошкой. Мы с Дуней стоим ждем; берем первые с пылу с жару, обжигаясь, перекидываем с руки на руку, выбегаем на улицу. Садимся на лавочку, едим, смеемся, болтая ногами, а над нами шелестит тополь, щебечут птицы.

Часто мама покупала рыбу судака, она почему-то называла его сулой, рыба была сочная, почти без костей. Нажарит большую кастрюлю, и едим целый день. А то купит куль воблы, стоила она дешево; возьмешь рыбину, припечешь на плите, снимешь кожу, она светится насквозь. А вкуса ее не помню, взрослым воблу есть не приходилось.

Питались мы простой пищей: суп, борщ, каша из разных круп, картошка, а летом, осенью помидоры, огурцы, тыквы, арбузы, дыни. Мясо, и то, которое подешевле, мама покупала только для супа и борща. Котлет, колбасы, сливочного масла за своим столом мы не видели. Подсолнечное масло было основной приправой ко всем блюдам. Иногда мама покупала старое сало для заправки борща, который она варила в ведерной кастрюле.

⁶ *Велосипед (разг. обл.)*.

Аппетит у нас был неплохой: братья, почитай, все взрослые, им только подавай, да и мы с Дуней беспрестанно таскали куски. <...>

Я, как меньший из братьев, был у мамы всегда под рукой. Она часто посылала меня в магазин или, как тогда называли, в потребиловку, за подсолнечным маслом, за сахаром, а когда не успевала спечь хлеб, то и за хлебом. Кое-что мы покупали и в частных лавках. Большой продуктовой лавкой владел Каможный, высокий плотный мужик с окладистой бородой, похожий на купцов из пьес Островского. Он торговал и печеным хлебом: у него была своя пекарня. Мне запомнился хлеб моего детства: белые высокие караваи с подрумяненной корочкой, вес я не знал, стоили в магазине пятьдесят копеек, а в лавке Каможного пятьдесят восемь. <...>

Иногда я выгадывал копейку или две и покупал конфеты. Маленькая конфета «Малютка» с краснощеким мальчиком на обертке стоила полкопейки. Вкуснее, приятнее этих конфет я ничего не пробовал, если не считать церковного причастия. Раскусишь, а в середине начинка сладкая и немножко кислая; так съешь эти конфетки и не поймешь, что же в них: на вид черная, как вакса, а сладкая и приятная.

Конфет мы в семье не знали, словно их не было и вовсе. Правда, сахар никогда не переводился, чай пили внакладку, кому сколько хочется. Братья приходили с гуляния поздно и всегда пили сладкий чай с хлебом. Дед Михайло⁷ даже считал, сколько кто ложек сахара кладет к стакан, а утром докладывал маме:

– Ну, девка, пропадешь ты: мыслимое дело – по шесть ложек сыпать в стакан! Ведь это сахару сколько надо, пуды.

– Пусть кладут, – отвечала мама. – Что же, норму давать что ли? Ведь они молодые, если больше нечего есть, так пусть чай с сахаром пьют вволю.

Никаких разносолов в еде мы не знали и не замечали, что нам чего-то не хватает в нашем рационе: голодными не были, и казалось все хорошо.

В школе нам давали завтраки, тоже все простое: кашу, картошку, блины, пирожки. Я, как сирота, завтраки получал бесплатно. Вообще, я пользовался некоторыми привилегиями: то купят ботинки, то рубашку; я принимал это как должное и даже гордился этим. <...>

В 1928 году НЭП начал сдавать свои позиции. Одна за другой закрывались частные лавки и лавчонки, затихли базары, начались перебои с хлебом, в конце года были введены карточки на хлеб и продукты. Крутой поворот от изобилия к ограниченным нормам вызывал у людей недо-

⁷ Дальний родственник автора по материнской линии, который приехал к ним после смерти их отца.

вольство; распространялись слухи о войне, о небесных явлениях, о библейских предсказаниях.

Я ничего в этом не понимал, как не понимал и того, что в доме нет хлеба и его нельзя купить за деньги: хлеба не хватало, а чем кормить нас надо. Где-то мама достанет пшена, купит тыкву, наварит полный чугунок каши, а то напечет картофельных оладий, и едим их вместо хлеба с картофельным супом.

В начале марта 1929 года на шахте случилась авария⁸. Оборвалась клеть с рабочими, погибло двадцать семь человек, и среди них наш сосед Архип Соснов. Наехало начальство, комиссия, началось расследование. На шахте объявили траур. Двадцать семь гробов с изуродованными трупами стояли в клубе, и целыми днями там слышались крики и плач матерей, жен и детей.

Хоронили их двенадцатого марта в братской могиле в парке. День выдался по-зимнему морозный. Двадцать духовых оркестров играли траурные мелодии, тысячи людей со всех шахт провожали шахтеров в последний путь, сотни гудков потрясали душу унылым скорбящим воем. У нас все ушли на похороны, а мы с Арсением, не знаю почему, остались дома. За окном у дома Архипа тополь, посаженный его руками, казалось, застыл в скорбном молчании, грустит о своем хозяине. И мы вспомнили зимние вечера, Архипа, его веселые рассказы, сказки. И вот, его уже нет.

– Да, жалко дядю Архипа, – проговорил Арсений. Налил в стакан чаю, подошел к столу и сказал: – Пока наши придут, ты сходи за хлебом. Людей сейчас нету, все на похоронах.

Я оделся, взял карточки, деньги и побежал. В хлебном ларьке никого. Продавец отметил в карточке, я заплатил деньги и, подгоняемый холодом, быстро пошел домой.

Памятник 27 шахтерам, погибшим на шахте «Комсомолец» 4 марта 1929 г.

⁸ 4 марта 1929 года произошел обрыв клетки на шахте «Мария», погибло 27 шахтеров. В память погибших в Горловке установлен памятник.

Хлебные карточки, первое время как их ввели, были не такие, как в войну и сразу после нее. Тогда числа дней не отрывались, а зачеркивались химическим карандашом. Я принес хлеб, выложил на стол и отдал Арсению карточку. Он посмотрел и сказал:

– Число зачеркнуто плохо, можно еще взять хлеба. Я подчищу число, подправлю тушью, а ты еще раз сходишь.

Он все быстро сделал, и я пошел снова. Продавец, не глядя на меня, отвесил хлеб, я заплатил деньги и принес еще дневную норму хлеба. Арсения внимательно посмотрел на зачеркнутое число и спросил:

- Пойдешь еще?
- А продавец не заметит?
- Я подрисую, будет незаметно.
- Ну давай, рисуй, пойду.

И я пошел в третий раз. Продавец посмотрел на меня, на карточку и с особым рвением стал мусолить число двенадцатое марта. Когда мама пришла с похорон, открыла шкаф, то от удивления всплеснула руками.

- Батюшки, где вы столько хлеба взяли?

Эта хлебная операция, хотя удачная и многообещающая, была единственной за все время. Почему? Да, наверно, в тот траурный день притупилось внимание к мелочам, и продавец в ларьке, в тишине и одиночестве слыша траурную музыку, думал о превратности судьбы, о бренности всего земного. В другие дни он был внимателен, строг и числа на карточках протирал до дыр.

После аварии шахту закрыли на ремонт и большинству рабочих дали отпуска. Многие получили путевки в дома отдыха и санатории; брат Шура уехал в Кисловодск, а Иван отдыхал в Святогорске, за Сергея не помню, ездил куда или нет. После аварии шахту хотели переименовать с «Угольный рудник», как она называлась официально, на шахту «27-и погибших шахтеров». «Угольный рудник» название неудачное: каждая шахта является угольным рудником, поэтому шахту знали, как шахта «Мария». У хозяйина шахты было две дочери – Мария и Людмила. Когда шахта была построена, он назвал стволы именами своих дочерей: главный ствол – Мария, а вспомогательный – Людмила⁹. Хотя ствол и копер – слова мужского рода, но когда смотришь на железные копры, то кажется, что стоят две сестры. Мария – высокая, осанистая, Людмила – низенькая, худосочная. Вот так по главному стволу «Мария» назывались шахта и поселок.

Еще до аварии шахту хотели назвать именем Бухарина (ходили такие слухи), но не получилось. Как говорили, Бухарин сошел с партийной

⁹См. сноску 6.

дороги и свернул куда-то в сторону, то ли вправо, то ли влево, толком никто не знал¹⁰. Но и именем 27-и погибших шахтеров шахта не стала называться, это напоминало бы о гибели шахтеров и морально действовало на спускающихся в шахту рабочих. И шахта стала «Комсомолец», и сейчас носит это название. <...>

Шахта «Комсомолец» конца 1980-х годов (если убрать многоэтажные дома на заднем плане, то все остальное выглядит, как в первой половине XX в.)

Одевался я плохо, по-сиротски. Рубашки и штаны мама шила сама, покупала ботинки, сапоги, а пальто и курточку донашивал братнины. И выглядел в этом старье действительно бедным и несчастным. И вдруг неожиданно у меня появилось новое пальто.

В один ноябрьский день в класс во время уроков вошел дядя, поздравился и обратился к учителю.

– Мне нужен один мальчик минут на пятнадцать–двадцать, сходить с ним в магазин.

Учитель разрешил.

– Писарьков пойдет со мной.

Я удивился, почему из всех учеников он выбрал только меня. В коридоре я кинулся к вешалке.

¹⁰Эти слухи были вызваны партийной дискуссией о путях дальнейшего развития страны. Н.И.Бухарин (1888–1938) в статье «Заметки экономиста» (газ. «Правда» 1928 г., 30 сентября) подверг критике намеченные планы, прежде всего, план И.В.Сталина о всеобщей коллективизации и индустриализации, назвав их «авантюристическими». В ноябре 1928 г. Пленум ЦК ВКП(б) определил позицию Бухарина, А.И.Рыкова и М.П.Томского как «правый уклон» (в противоположность «левому уклону» Л.Д.Троцкого). В 1929 г. собравшийся в апреле Пленум завершил «разгром группы Бухарина», а сам он был снят со всех постов.

– Не надо одеваться, здесь недалеко, – сказал дядя, и я в одной курточке зашагал за ним.

Пришли в магазин, дядя подвел меня к прилавку и обратился к продавцу.

– Вот, на мальчика пальто подберите.

Продавец смерил меня взглядом, стал перебирать висевшие пальто, снял одно с вешалки и выложил на прилавок. От радости сердце заколотилось в груди. Неужели это пальто с барашковым воротником будет моим. Дядя взял пальто, расправил, держа передо мной, и сказал:

– А ну-ка, примерь.

От волнения я не мог попасть в рукава. Дядя помог мне надеть, застегнул пуговицы, поправил воротник, осмотрел со всех сторон и сказал продавцу:

– Пальто как по нем и сшито, берем.

От радости я растерялся, забыл, где я нахожусь, пальто заслонило все. Я чувствовал его теплоту, легкость, его запах, и что теперь оно мое. И этот чужой незнакомый дядя был рад моей радости. Весело улыбаясь, похлопал меня по плечу, сказал:

– Вот тебя и одели, и зима не страшна. А теперь иди в школу.

Я, словно не веря своему счастью, смущенно улыбаясь, стоял, не двигаясь с места.

– Ну, иди, иди в школу на урок, – сказал дядя и проводил меня до дверей.

Я вышел из магазина, не сказав даже и спасибо. Я шел в новом пальто, радостный, сияющий, ярлык на воротнике болтался сзади, давая всем понять, что на мне новое пальто, и казалось, все прохожие смотрят на меня и любят мою обновку.

Урок еще не кончился, я вхожу в класс в пальто, весело улыбаясь, и гордо прохожу к своей парте. Все ученики удивлены и в один голос шепчут: «У него новое пальто». На перемене меня обступили ученики, смотрят со всех сторон, щупают сукно, воротник, спрашивают, где взял, кто купил и сколько стоит.

Домой шел, не замечая дороги. Новое пальто, такое теплое и легкое, что не чувствовал его на плечах, а старое тащил домой, и до того оно было обшарпанным, изношенным, что брось его на улице – никто не поднимет. Я хотел удивить маму, вошел в хату и стал у двери. Мама возилась у печки, Дуня сидела за столом и что-то ела. Она перестала жевать и уставилась на меня, потом выскочила из-за стола и выкрикнула:

– У Федота новое пальто!

Мама посмотрела на меня и застыла с ложкой в руке.

– Господи, откуда это у тебя? – проговорила она не то удивленно, не то испуганно. Я все рассказал маме, и она сразу определила: пальто мне купил председатель шахткома, который хорошо знал папу. Мама долго любовалась моим пальто, да оно и действительно было хорошим: добротное сукно, каракулевый воротник – да мне такое и во сне не снилось, и мама не смогла бы его купить. Пальто стоило девятнадцать рублей, а это немногим меньше половины нашей пенсии. Хотя братья работали, денег на них уходило много. Одевались они хорошо, со вкусом, как положено молодым людям. <...>

Когда организовали орсовские огороды¹¹, мама ходила летом туда на поденную работу. По вечерам приносила по корзинке то огурцов, то помидоров. Мы с жадностью набрасывались на них и тут же уничтожали. За работу на огородах мама получала на засолку помидоры и капусту. Соленые капусту и помидоры ели вволю, без нормы, когда кому захочется, и к марту опорожняли бочки. Весной голод чувствовался еще больше. Набегаешься за день, придешь домой, начнешь лазить по кастрюлям. А что лазить, когда ничего нет – да так на голодняке и спать ляжешь.

Вспоминается мне такой случай. Приехала одна семья, может, земляки мамины или какие знакомые. Старик хозяин переговорил с мамой и втащил в комнату большой сундук. Он нашел где-то квартиру; наверное, она была тесная, и негде было поставить сундук. Так это было или нет, но сундук остался у нас. Через несколько дней старик пришел с кошелкой, отомкнул сундук, нагнулся и чем-то шорудел¹², кладя в кошелку, замкнул сундук и ушел. Кошелка сверху накрыта белой тряпкой, и мы не знали, что в ней, а хотелось знать, что же в сундуке хранится. Маму это не интересовало, а мы с братом Арсением только об этом и думали. Замочек на сундуке висел плохонький, Арсений рассмотрел его и сказал:

– Да его гвоздем можно открыть.

Я принес гвоздь, Арсений нагнулся над замком, поковырялся немного, замочек щелкнул и открылся. Арсений приподнял крышку; в нем... до половины навалено сухарей.

– Вот это да... – проговорил Арсений, и на зубах его захрустел сухарь. – Бери, Федот, грызи. Незаконные излишки хлеба съедаются голодающими.

¹¹ *ОПС (отдел рабочего снабжения) – организация государственной розничной торговли в СССР. Создан в 1932 г. постановлением «О расширении прав заводууправлений в деле снабжения рабочих и улучшении карточной системы», которое было распространено на 262 крупных промышленных предприятий ведомства Наркомтяжпрома, Наркомлептома и Наркомлеса.*

¹² *Шорудеть – что-то перебирать, возиться, издавая шуршащие или гремящие звуки (прост. мест.).*

Мама увидела нас у раскрытого сундука, всплеснула руками:

– Что вы делаете? Закройте сундук! У человека, может, и карточки нет, этими сухарями его семья кормится.

Арсений посмотрел с улыбкой на маму и сказал:

– Мама, ну что ты беспокоишься, этим сухарям уже сто лет, смотри, как они обвалены, пахнут плесенью. Если бы люди были голодные, то сухарей бы давно не было, а тут их мешка два, а то и больше. Ну, возьмем мы немного, он и не узнает, а нам жрать хочется.

После этого Арсений несколько раз подбирался к сундуку.

– Не могу, – говорит. – Так сосет и тянет к сундуку! Голод не тетка, придется сухариков достать.

О сухарях, кроме нас с Арсением, братья не знали, а если бы узнали, то в сундуке бы ничего не осталось.

Старик приходил каждую неделю: когда брал сухари, а когда откроет сундук, посмотрит и уйдет. Примечал он или нет, что сухари «усыхают», об этом он не говорил, отрицательных эмоций не проявлял. Но в один день пришел с дочкой, и они молча погрузили сундук на тележку и увезли, даже не сказали спасибо за хранение громоздкого сундука.

– Увезли, – с грустью промолвил Арсений, – жадный старик. Взял бы и отсыпал сухарей, вот вам, ребятки, кушайте на здоровье.

После Арсений часто вспоминал: «Стоял бы сундук, поел бы сухариков и не мучился с голоду».

Был еще один случай из нашей полуголодной жизни. Кто-то сказал маме, что люди ходят в поле собирать колоски, и что многие ходили не один раз и приносили по сумке. И как-то раз после обеда мама сказала мне:

– Пойдем, Федотушка, за колосками; соберем, натолкнем пшенички и каши наварим.

Мне не хотелось идти, что-то я не верил в колоски: если и были, то люди давно собрали, но мама меня уговорила, мы взяли сумки и пошли. Я думал, что на поле увижу много людей, таких, как мы, полуголодных собирателей колосков, но поле было безлюдным. Это нас удивило и даже расстроило.

– Опоздали мы с тобой, – сказала мама. – Тут до одного колосочка подобрали.

– Ну, давай ходим, может, и найдем хоть несколько, – сказал я, и мы пошли вглубь поля, кое-где подбирая колоски. У копны соломы остановились.

– Давай, Федотушка, в соломе покопаемся, может, здесь что найдем, – сказала мама.

А мне, чем ходить босиком по колючей жниве, лучше стоять на месте и рыться в соломе. Но и здесь мы мало чего сдобрили¹³: кое-где попадались необмолотые стебли, но колоски на них были щуплые и полупустые. Мы так увлеклись работой, что позабыли, где находимся. Копаясь себе потихоньку, найдешь колосок – оборвешь и в сумку.

И вдруг сзади послышался топот. Мы оглянулись и обомлели от страха: во всю прыть, размахивая плеткой, на нас мчался всадник. Мама испуганно крикнула: «Бежим скорее!» Бежать наперегонки с лошастью не в силах человека. За спиной послышалось разгоряченное дыхание, и всадник промчался мимо нас, придержал лошадь, преградил путь к отступлению.

– А, попались! – крикнул он. – Колхозное добро воруете? В тюрьму захотели? Сейчас погоню вас в управление, составим акт и в суд.

Мы стали объяснять, что копались в соломе, там и колосков нет. Показывали сумки, в которых топорщилось по три-четыре десятка колосков. Мама плакала, дрожа от страха, умоляла объездчика:

– Отпустите нас ради бога, мы не знали... Солома обмолочена, смотрите, в сумке ничего нет.

– Это не ваше дело, есть что здесь или нет! Поле колхозное, и нечего здесь рыскать, – строго проговорил объездчик.

Мама снова стала просить отпустить нас. Униженно страдальчески смотрела на объездчика, как будто готовая пасть перед ним на колени. Объездчик немного остыл и уже не так грозно проговорил:

– Кулаки и подкулачники вредят колхозу, а тут еще вы... воруете, ведь нельзя так, – предостерегал он нас впредь не зариться на колхозное добро. – Что наворовали, высыпайте! И смотрите! – он погрозил плеткой и ускакал.

Мы высыпали колоски на копну соломы и пошли. Шли молча, подгоняемые страхом, хотели поскорее уйти со злосчастливого поля, забыть, не думать о нем. Выйдя на дорогу, почувствовали себя в безопасности.

– Вот, сынок, мы и поели с тобой кашки, сыты по горло, – сказала мама, помахивая сумкой. – Стой, что-то в ней осталось, – и вытащила из сумки несколько колосков. – Ну, из них каши не сварить, а беды нажить можно.

Мама выбросила колоски на дорогу и сказала:

– Пусть лучше птички поклюют.

Мы не могли прийти в себя, что-то тяготило, беспокоило нас: может, чувство своей вины, а может, чувство обиды и несправедливости к нам. Два дня мы вспоминали этот случай и снова переживали весь ужас своего положения. А мне это поле с колючей жнивой, с разъяренным объездчиком на коне осталось на всю жизнь в памяти. <...>

¹³ Собрать, заготовить, запастись (от обл. «сдоблять»).

В шестом классе не хватало учебников, и один учебник приходился на два, а то и на три и на четыре ученика. Давали их, как говорится, по месту жительства: пользующиеся учебником ученики должны жить на одной улице и могли, когда нужно, его взять друг у друга.

Урок зоологии был один раз в неделю, а учебник пришелся на троих: мне и двум девчонкам, а девчонки народ непостоянный. Спросишь у нее учебник, она сделает удивленное лицо и скажет: «Ой, зоология, я ее еще не учила, приду со школы и сяду учить, а завтра принесу». Несколько раз они подводили меня: то забыла, то не выучила, а не то скажет прийти к ней домой, а придешь – ее нет дома.

С другими учебниками было не лучше. Просто запутаешься и не помнишь, у кого какой учебник, надо спрашивать, просить. Сначала я добивался своих прав, просил, требовал, ругался, но это мало помогало, жаловаться учителям не хотел, да и что толку: учебник давался одному, ответственному за него, в конце года учебники сдавались. Держатель учебника неохотно делился им с другими учениками, хотя учитель и делал ему внушения, что это нехорошо, не по-товарищески.

Я вижу, что с учебниками ничего не получается и надеяться на них нечего, и перестал за ними следить, просить, выпрашивать, стал учиться без учебников. Вскоре я признал, что без учебников даже лучше, хлопот меньше. Сунешь общую тетрадь в карман и идешь в школу. В одной общей тетради размещались все предметы, вся наука шестого класса.

Для тех, кто не хотел учиться, отсиживал за партой, отбывая повинность, нехватка учебников была спасительным щитом, которым отражали нападки учителя, прикрывая свою лень и незнание.

– Почему не выучил урока? – спросит учитель. Ученик удивленно сдвинет плечи и ответит:

– Да у меня же нет учебника, – и скажет таким тоном, как бы давая понять учителю: «Что ты привязался ко мне с уроками, ты же знаешь, что я скажу, и нечего спрашивать и беспокоить».

Но вскоре мы стали записывать самое главное из пройденного материала: в конце урока учитель диктовал нам или записывал на доске, а мы переписывали. Некоторые ученики вызубрят то, что записали, на уроке учителю прочтут слово в слово, и больше ничего не знают.

Я всегда внимательно слушал учителя (если он рассказывает просто и понятно) и многое запоминал, на вопросы учителя по заданному уроку отвечал более подробно, но это только на уроках зоологии, обществоведения, географии, русского и немецкого языка. <...>

Бывает, так набегаясь за «цуркой»¹⁴, что еле ноги волочешь домой и есть так хочется, а есть нечего. Похлебаешь жиденького супца и шабаш. Садись за уроки. Стараюсь не думать о еде, учу немецкие слова. Дез офен – печь, даз вих – книга, вайс – белый, брот – хлеб, и сразу все забываешь, остается только брот да еще белый. В животе что-то заурчало, засосало и закололо, какие уж тут уроки? А бывало и так. Переписываешь по русской грамматике предложения, где требуется расставить знаки препинания, и тут тебе такое: «Ешь пирог с грибами, да держи язык за зубами». И... видишь перед глазами пирог, пышный, румяный, пропитанный маслом, и кажется, вот бери и ешь, слюней полный рот, не успеваешь глотать. С досады бросаешь писанину и ложишься спать.

Иногда, чтобы заглушить голод, брал книгу Жюль Верна, не раз уже читанную, и переносился в мир приключений, забывая обо всем, мучительно переживая горе, страдания любимых героев, добрых, справедливых, и всегда желал победы добра над злом. <...>

Как-то раз я увидел афишу: в клубе будет показан фильм «Нарожденная героиня»¹⁵. Название казалось необычным, связанным с подвигами героической женщины вроде Луизы Мишель¹⁶ из Парижской коммуны. Решил посмотреть, надеясь увидеть что-то увлекательное, необыкновенное, сопряженное с риском, героизмом. «Нарожденная героиня» оказалась... Фабрика-кухня. Можно возвести в героиню ткачиху, колхозницу, но такой героини никто не ожидал.

В те полуголодные годы ратовали за общественное питание, выдвигались проекты о строительстве Фабрик-кухонь с новейшей техникой, с огромными залами, которые в состоянии накормить тысячи человек вкусной, питательной пищей. Тут имелось в виду и раскрепощение женщины, избавление ее от чадной кухни, привлечение к общественно-полезному труду. И вот на экране огромный зал кухни, на большой плите кастрюли, жаровни, повара в белоснежных колпаках стоят возле столов, что-то толкут, режут, лепят, из котлов валит пар, на жаровнях в кипящем масле жарятся котлеты, пироги, рыба. По ленточному конвейеру тарелки с парующей снедью поступают на раздачу, девушки в белых фартучках,

¹⁴ *Игра в чурки. Вот как автор ее описывает: «Из квадрата, очерченного на земле, нужно накатить заостренной палкой небольшую чурку (цурку), подбросить вверх и выбить из квадрата как можно дальше. Другому игроку, с места, где упала «цурка», надо ловчиться кинуть и попасть в квадрат».*

¹⁵ *«Рождение героини» – игровой фильм 1931 года. В ролях Нина Алисова и Вера Шершнева.*

¹⁶ *Мишель Луиза (1830–1905) – участница Парижской коммуны 1871 г., автор стихов, романов, пьес.*

как бабочки, порхают по залу, разносят еду по столам. В зале высокие потолки, люстры, в кадках диковинные растения, на столах в вазах цветы. За столами сидят мужики, бабы, дети, они хорошо одеты, приветливо улыбаются, как бы приглашая к себе на трапезу.

А зрители сидят в обшарпанном зале, смотрят на яства, сглатывают слюни и, наверное, думают, да есть ли где такое в самом деле, не кошунство ли это над голодными людьми. Выходили из зала понурые, злые, словно увидели что-то страшное, потрясающее душу.

Ночью мне снилась сказочная Фабрика-кухня. Я стою посреди большого зала, слышу разговор, звон посуды и запах, вкусный чудный запах. У меня закружилась голова, и если не утолю голод, то упаду на пол. Ко мне подбежала девушка в белом и крикнула:

– Как ты сюда вошел, а ну уходи сейчас же!

– Я хочу есть! – крикнул я во весь голос.

– Нельзя, нельзя, здесь закрытое питание, уходи. – Взяла меня за плечи, выпроваживая до дверей. Я вывернулся от нее и закричал еще громче:

– Я хочу есть!

– А ну, оставь мальчишку! – выкрикнул кто-то из-за столов. Девушка остановилась. Один из сидящих за столом встал и поманил меня пальцем. Я подошел, человек соскреб в газету с тарелок какую-то еду, завернул, дал мне и сказал:

– На, и уходи.

На ходу я развернул сверток, нащупал что-то мягкое и сунул в рот. Ел, не разбирая, что попадется: кусочки хлеба, селедки, пирога, рыбы, ел жадно, быстро двигая челюстями, не успевая распробовать.

Я проснулся от какого-то стука, приподнял голову с подушки, в комнате светло. Оглядел постель и тогда только понял, что это был сон, но какой удивительный и прекрасный!

Иллюзорной пищей сыт не будешь, это бред воображения, мираж. Но были дни, когда я наедался досьята, до отвала. Изредка в магазине продавали конскую колбасу. Она, как божий дар, давалась без карточек, без нормы. Мама простаивала за ней в очереди по несколько часов и приносила по три–пять килограммов. Сама, по каким-то старым понятиям, питала к ней отвращение, а мы все с удовольствием ели и похваливали. Съешь кусок колбасы и чувствуешь, как по всему телу разливается умиротворенная благодать, и жизнь кажется такой прекрасной.

Такие колбасные дни были редки, наверное, не хватало лошадок – их немало ушло на колбасу, на мясо. Об этом мальчишки распевали на ули-

це: «Товарищ Ворошилов¹⁷, война уж на носу, а конница Буденного¹⁸ пошла на колбасу!» Или вот такую частушку: «Сидит Сталин на лугу, грызет конскую ногу, ах, какая гадина советская говядина!» И еще: «Как у нашем у колхозе зарезали мерина, две недели кишки ели, вспоминали Ленина!»

В Горловской старой запущенной посадке люди видели лист фанеры, прибитый к дереву, и на нем большими буквами написано: «Долой Совет и конину, даешь нам царя и свинину!» Про эту посадку ходили странные, загадочные слухи. То видели женщину в черном с распущенными волосами. Стоя на коленях, она воздевала вверх руки и плачущим голосом выкрикивала: «Господи, отвори беду от людей, избавь нас от глады и мора, спаси и помилуй нас грешных!» А то, говорят, видели старичка, босого, в лохмотьях. Он стоял под деревом и монотонным голосом провозглашал. А что старичок провозглашал, никто толком не знал. Одна баба скажет одно, а другая – другое, а вообще старичок, по рассказам, был, видно, неглупый, с понятием. Мне запомнилось одно из его речений: «Антихрист появился, крест с церкви свалился, нечистые пришли, иконы сожгли». Было еще что-то о пятилетке, голоде, о колхозах, и все складно, жестко, с юмором и издевкой. <...>

Жизнь становилась все труднее, голоднее. Не говоря о продуктах, не хватало и промтоваров. Чуть ли не с ночи мама занимала очередь за ситцем, чтобы получить каких-нибудь три-пять метров.

Люди вспоминали благодатный НЭП, вспоминали Ленина и говорили, что будь он жив, жизнь была бы другой, что Сталин изменил Ленину, пошел по другому пути.

Лозунги кричали о скором выполнении шести условий Сталина¹⁹, призывали к выполнению пятилетки в четыре года и ничего не говорили о трудностях.

¹⁷ Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969), государственный и партийный деятель, маршал. С 1934 г. нарком обороны СССР.

¹⁸ Будённый Семен Михайлович (1883–1973) – советский военачальник, маршал. В гражданскую войну командовал 1-й Конной армией, в 1924–1937 гг. инспектор кавалерии РККА. Активное употребление конины в пищу началось в голодные 1930-е годы.

¹⁹ Шесть условий Сталина – это шесть хозяйственно-политических задач, которые необходимо было решить для развития страны. Они были намечены по результатам Совещания хозяйственников, проходившего при ЦК ВКП(б) 22–23 июня 1931 г. Условия были следующие: 1) организованно набирать рабочую силу в порядке договоров с колхозами, механизировать труд; 2) ликвидировать текучесть рабочей силы, уничтожить уравниловку, правильно организовать зарплату, улучшить бытовые условия рабочих; 3) ликвидировать обезличку, улучшить организацию труда, правильно расставить силы на предприятии; 4) добиться того, чтобы у рабочего класса СССР была своя собственная производственно-техническая интеллигенция; 5) изменить отношение к инженер-

Наша Ирина Васильевна²⁰ рассказывала нам о кризисе в странах капитала, о безработице, о том, что люди голодают, а тысячи тонн зерна сжигают в топках паровозов и пароходов. Ученик Цыбульский, или Цыбуля, как его звали, спросил:

– Ирина Васильевна, а у нас паровозы не топят зерном?

– Что за глупость, конечно нет!

– А почему у нас хлеба не хватает?

– У нас еще не укрепились колхозы, – объяснила учительница. И что многие крестьяне не совсем осознали выгоды колхозов. Под влиянием чуждых элементов они порой саботируют работу, недобросовестно относятся к ней. Ну, и ошибки, допущенные при организации колхозов, на которые указывает Сталин в своей работе, тоже повлияли. Говорить она была мастер: вспоминала две войны, разруху, указала на капиталистов с оружием и на наши трудности, привела пример, как трудно саженцу деревца укрепиться в земле, пойти в рост, так и наша страна переживает трудности роста. Но мы преодолеем их, они временные. <...>

В 1938 г. я жил в небольшом шахтерском городке К[раснод]не В[орошиловград]ской обл. Городок был маленький, приземистый, с маленькими домиками, с пыльными палисадниками. Во всем городе было несколько двухэтажных зданий. Я работал в небольшом книжном магазинчике, расположенном на базаре. <...> И я стал привыкать к новой жизни, особенно мне нравились воскресные базарные дни. Под ярким солнцем пестреет и гудит тысячная толпа людей, движется и сливается в однообразных движениях. Крики, смех, ругань, мычание коров, визг свиней, ржание лошадей – все сливается в один гул. На телегах, запряженных лошадьми и волами, горы арбузов, дынь, яблок, слив, помидоров, и над всем этим стоит запах осени, такой щедрой, тихой и погожей. <...>

Склонившись над прилавком, я читал книгу. Но тут открывается дверь, входит брат Арсений, а за ним уставшая, разомлевшая мать. От неожиданности и удивления я растерялся и стоял за прилавком, смотрел на них в оцепенении; потом выбежал за прилавок и бросился в объятия к брату. <...> Закончив работу, мы зашли в магазин, расположенный тут же на базаре. Помню, брат взял две банки рыбных консервов, колбасы полукопченой, хлеба, красной икры, узнал, что на квартире, где я живу, есть дети, купил конфет. И взял бутылку водки «Ерофеич». <...>

но-техническим силам старой школы, проявлять к ним побольше внимания и заботы, смелее привлекать их к работе; б) внедрить и укрепить хозрасчет, поднять внутри-промышленное накопление [5].

²⁰ Учительница истории.

Четыре года, как отменена карточная система²¹, в магазинах появилось изобилие продуктов и промышленных товаров, колхозники стали жить хорошо, получали на трудодень по шесть и более килограммов зерна. Поднялась культура народа, массовыми тиражами издавалась художественная литература – русские и зарубежные классики, много выпускалось интересных кинофильмов. Жизнь уже стабилизировалась в определенный советский уклад, и как-то не верилось, что в стране так много врагов народа – не только в верхах, правительстве, но и на местах, в каждом городе, в каждом поселке, на каждой шахте. Это вызывало у людей подозрительность и недоверие друг к другу, скованность; создавалось ощущение, что каждый идущий оглядывался назад. <...>

Библиографический список

1. Военные воспоминания нестроевого солдата Федора Александровича Писарькова. М.: Новый хронограф. 2017. 293 с.
2. Горячева А.Н. Украинизация русских школ Донбасса 20–30-х годов в воспоминаниях современника // Актуальные проблемы личности, образования и общества в контексте социально-гуманитарных наук. Тезисы II Международной студенческой научно-практической конференции: Сборник статей. М.: ООО «Издательство РИТМ», 2019. С.251–254.
3. Горячева А.Н. Традиции и инновации рабочего поселка Донбасса 20-х–30-х годов глазами ребенка: Воспоминания Ф.А.Писарькова // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2019» / Отв. ред. И.А.Алешковский, А.В.Андриянов, Е.А.Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2019.
4. Горячева А.Н. Образ матери как один из архетипов поддержки в экстремальной ситуации (на основе анализа текста воспоминаний Ф.А.Писарькова) // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2020» [Электронный ресурс] / Отв. ред. И.А.Алешковский, А.В.Андриянов, Е.А.Антипов. Электрон. текстовые дан. (1500 Мб.) М.: МАКС Пресс, 2020.
5. Сталин И.В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства // Сталин И.В. Сочинения. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1947. Т.6. С.358–401.

²¹Карточная система была отменена в 1935 году: сначала на хлеб, потом на другие продукты, позднее и на промтовары. Первое время действовали ограничения по продаже товаров в одни руки.

Олег Волобуев

ВОЙНА В ДЕТСКОЙ ПАМЯТИ И В ПАМЯТИ ПРОЖИТЫХ ЛЕТ

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК
93/94

Фрагмент воспоминаний доктора исторических наук О.В.Волобуева (р. в 1931 г.) посвящен событиям, пережитым им и его семьей в годы Великой Отечественной войны. Автор проводит верификацию собственных детских впечатлений, обращаясь к мемуарам и дневникам современников, находившихся, как и он, в оккупированной Ялте в конце 1941 – начале 1942 г. Описаны также последующие (до лета 1945 г.) драматические обстоятельства жизни в украинском селе Ново-Ивановка. Военный период характеризуется О.В.Волобуевым как важный этап в личном становлении.

A fragment of the memoirs of O.V.Volobuev, Doctor of Historical Sciences (born in 1931), is dedicated to the events experienced by him and his family during the Great Patriotic War. The author verifies his own childhood impressions, referring to the memoirs and diaries of contemporaries who, like him, were in occupied Yalta at the end of 1941 – beginning of 1942. The following (until the summer of 1945) dramatic circumstances of life in the Ukrainian village of Novo-Ivanovka are also described. The war period is characterized by O.V.Volobuev as an important stage in personal development.

Ключевые слова: повседневность в годы Великой Отечественной войны; дети и война; оккупационный режим; Ялта и украинское село.

Key words: everyday life during the Great Patriotic War; children and war; occupation regime; Yalta and Ukrainian village.

E-mail: volobuevov@yandex.ru

**В оккупированной Ялте.
1941–1942**

Вся атмосфера общественной жизни в осенние месяцы была пропитана тревогой. Эта была не та тревожность, которая ранее связывалась

с победными маршами вермахта по странам Западной Европы, с Парижем, где жил таинственный дядя Женя, с Белградом, когда я вместе с Жарких, владельцем нижнего этажа трехэтажной половины нашего дома, рассматривал напечатанную в газете фотографию входящих в югославскую столицу немецких танков. Это была уже иная тревога, неясно ощущаемая как пространственно далекая, но личная опасность. И как-то она вползала в нас, сидящих на скамеечке вблизи сливового дерева сорта изюмерик (правильно по-крымскотатарски – «изюм эрик», что значит «виноград-слива»).

В первые дни войны курортный сезон в Ялте мгновенно слизнуло, как языком. Непривычно выглядел полупустой город. Но война пока еще не обрушилась всей своей тяжестью на крымчан.

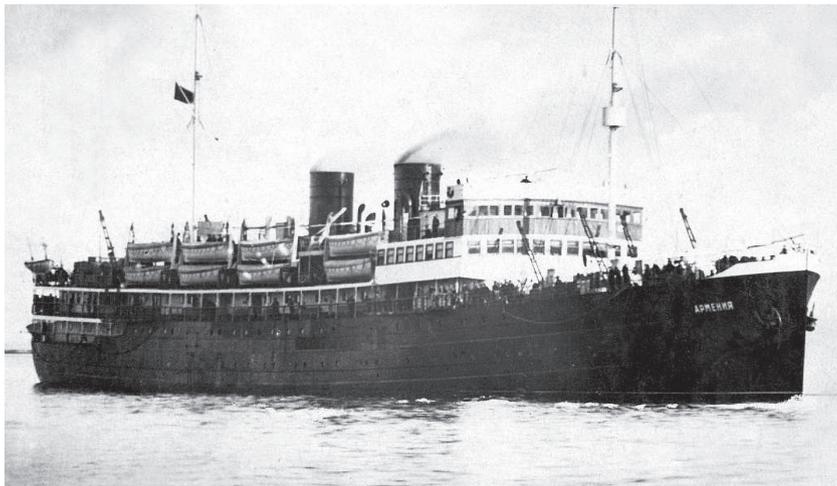
События войны стали главной темой разговоров. Июль – август: ошеломительный успех германских войск, о котором с начала июля старались говорить вполголоса, а затем не публично и втихую, после указа «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов...» Но с надеждой стали уповать на назначение главнокомандующими трех обозначенных направлений военных действий пропагандистски прославленных маршалов – Ворошилова, Тимошенко, Буденного. Маршалы, однако, надежд не оправдали. Как не оправдала их и Красная армия (пафосные строки песни: «гремя броней, сверкая блеском стали»). Чаще всего в обсуждениях военных событий упоминали Москву и Одессу. В нашей семье, состоящей из тети Люси, сестры моей умершей матери, бабушки Ели и меня, такие разговоры велись редко, бывало, вспоминали («как он там?») унесенного из семьи в зарубежье дядю Женю, брата тети Люси.

В Ялту начали заходить корабли из осажденной Одессы. Корабли везли раненых и эвакуированных на Кавказ. В конце сентября советские войска отошли на Ишуньские позиции, готовясь к обороне Крыма, на материке началась Донбасская оборонительная операция Южного фронта. Главной темой разговоров стало обсуждение вопроса: что делать, если германские войска оккупируют Крым. Некоторые люди старшего поколения вспоминали оккупацию кайзеровскими войсками Крыма в 1918 г. Люди все еще не понимали ту огромную разницу, которая отделяла кай-

зеровский вермахт от гитлеровского. Как это ни печально, но и некоторые еврейские семьи недооценивали нависшую над ними опасность.

Не помню точно, когда начались бомбардировки Ялты, полагаю, что в середине или конце октября. В сентябре 1941 г. я начал учебу в третьем классе, но не в прежней школе, а в новой, которая находилась в центре города. Видимо, и учеников, и учителей в Ялте поубавилось. От рынка я поднимался по улице Платановой, а затем по Садовой переходил на ул. Кирова. После первой бомбардировки я, идя в школу, увидел около моста через речку Дерекойку две большие воронки. Впечатление было сильное. Как-то вражеский самолет низко пролетел над нашим домом – так низко, что был виден летчик в кабине. На крыльях самолета вместо привычных звезд были кресты. Другой раз, – помню, – я, охваченный страхом, стремглав бежал через двор в полуподвальную комнату, где отсиживались жильцы дома в часы воздушных налетов. Одна из бомб попала в здание, находившееся на нашей улице.

7 ноября 1941 г. на траверсе Ялта – Гурзуф немецкие самолеты потопили пассажирский теплоход «Армения». В группе женщин и детей, наблюдавших эту трагедию с Поликуровского холма, там, где одноименная с холмом улица круто поворачивает в гору, находился и я. Это были короткие минуты, кажется, посередине между 11 и 12 часами дня – время несколько позже закончившегося на Красной площади знаменитого военного парада.

Теплоход «Армения»

Моя память об этой трагедии почти полностью совпадает с впечатлениями бывшего партизана Ильи Вергасова, который наблюдал гибель теплохода с горного перевала, с Гурзуфского седла. В его книге «Крымские тетради» имеется такая зарисовка: «Теплоход шел на восток, оставляя за собой расходящийся пенный след. Два крохотных сторожевика сопровождали корабль. Это последний транспорт из покинутого города, на нем одиннадцать госпиталей, советский и партийный актив Большой Ялты, врачи, многие семьи партизан... Только бы не появились пикировщики. И вдруг крик Захара Амелинова: "Идут!!!" Они, гады, шли с треском, воем, пронеслись над нашими головами метрах в двухстах–трехстах. Мы видели лица летчиков. Бомбардировщики мгновенно оказались над теплоходом, выстроились, и началась безнаказанная карусель. Со сторожевиков ударили зенитные пулеметы, но разве плетью обух перешибешь? Фашисты пикировали как на учении. Теплоход переломился пополам и за считанные секунды исчез, оставив после себя черную яму, которая тут же сомкнулась под напором тысячетонных волн» [2, с.20–21]. На теплоходе находились раненные более чем из 10 госпиталей. Погибло, как считают, около 5 тысяч человек. Это больше, чем при гибели «Титаника». В настоящее время место гибели теплохода установлено: оно находится напротив Гурзуфа.

В этот же день в Севастополь, о чем я, конечно, тогда не имел представления, пришла директива, подписанная И.Сталиным, Б.Шапошниковым, Н.Кузнецовым. В ней, в частности, предписывалось «Севастополя не сдавать ни в коем случае и оборонять его всеми силами», «организовать и обеспечить перевозку в Севастополь и Керчь войск, отходящих Ялту, Алушту и Судак» [1, с.94].

А в предыдущие дни я видел на спуске с Алуштинского (Симферопольского) шоссе к центральному городскому рынку и порту усталые толпы солдат, с пушками, которые из последних сил тащили такие же усталые лошади. Полуторок было мало. Армия больше напоминала ополчение. Было жалко солдат. И тревожно... Зарисовку этого отступления, совпадающую с моей, я нашел в воспоминаниях ялтинца Игоря Симонова: «Наши войска отходили через Ялту к Севастополю. День и ночь отступающие шли пешком. Лошади тянули пушки и брички со снарядами. У лошадей опухли ноги от напряжения и усталости. Кормили их на ходу, подвешивая на морду парусиновое ведро с водой или кормом» [3, с.266].

Что собой представляла Ялта накануне вступления в город немецких войск описано партизанским командиром, писателем Вергасовым: «Го-

рит Ялта, в разных местах раздаются взрывы... Красные отсветы пожаров на черной воде, крышах, стенах. Пахнет гарью. Обыватели грабят, тащат мешки, ящики, санаторное имущество. Над нефтехранилищем бушуют огненные языки, черный дым кружится над молом» [2, с.20–21].

Жители Поликуровской, Бассейной и соседних улиц столпились на кладбище, расположенном на самом верху холма. Их напугали слухи, что будут взрывать старейшую в городе церковь Иоанна Златоуста, находившуюся на Поликуровском холме. В толпе был и я вместе с бабушкой и тетей. Оттуда, с высоты – вся Ялта, как на ладони. Город в районе порта в пламени и дыму. Это было настолько страшно, что и я, и, по-моему, также остальные дети даже не плакали. Церковь не взорвали, и люди, как только стало темнеть, разошлись по домам.

8 ноября части вермахта – впереди мотоциклисты, а за ними с некоторым разрывом и мотопехота – заняли Ялту, вливаясь в город со стороны Алуштинского шоссе (я был свидетелем только этого въезда, хотя входили они и через Ай-Петринское шоссе). Знакомый по улице пацан потащил меня смотреть на это зрелище. Мы стояли на косогоре, ниже собора Иоанна Златоуста, и видели, как по шоссе проносились немецкие мотоциклисты и мотопехота. Контраст между их вступлением и спешным отступлением измотанных красноармейцев был, что называется, налицо. Пацан вытащил из кармана несколько мелких монет, повертел их и показным жестом зафиндил в пространство с возгласом «теперь они не нужны!» У Вергасова есть такой эпизод: «Ялтинская пацанва сперва робко, а потом смелее и смелее приближалась к солдатам. Мальчишек никто не трогал, а наоборот, немцы стали подмаргивать ребятишкам, а один совсем расщедрился и бросил банку консервов» [2, с.23]. Конечно, партизанский командир Вергасов этого сам не видел, но нет для меня сомнения, что этот эпизод почерпнут из рассказа ялтинца, который тогда был среди этих мальчишек. Что влекло мальчишек к чужим неприятельским солдатам? Что заставило меня смотреть на въезд немцев в Ялту? Думаю, скорее всего любопытство. Ощущение трагедии приходило позже.

На следующее утро можно было уже прочесть приказы комендатуры. Они были сразу же расклеены на улицах. За все нарушения полагались кары и прежде всего расстрел на месте. Одним из первых был приказ, обязывающий евреев нашить на одежду желтые звезды. Я сам его читал на стене дома, в котором раньше размещался теперь разграбленный продовольственный магазин. Двери его оставались распахнутыми, но это уже был не магазин, а пустые стены.

В оккупированной Ялте. Патруль у Полицейского моста, 1941 г.

Вошедшие вместе с немцами в Ялту румыны мародерствовали. Вскоре они нанесли разбойничий визит и в наш дом. Несколько румынских солдат появились и у нас в квартире с возгласами «Юде, юде». Но им были нужны не евреи, а добыча. Демонстрация висевших в комнатах икон не помогла. Из обшаренного ими комода были извлечены серебряные украшения, бусы и какие-то носильные вещи. Женщины были деморализованы испугом. Начались дни, наполненные насилием – холодным, как бы даже потусторонним, из мира темных сил, с германской стороны и наглым, трусливым перед германским ордунгом – с румынской.

Грабежи продолжались и после выселения евреев в гетто, что произошло в самом конце октября. Машинистка Ольга Ипполитовна Шаргородская записала в дневнике, который использовал писатель Станислав Славич: «В 9 часов вечера начался обстрел Ялты с моря. Рвались снаряды один за другим. Успели в подвал. Здание дрожит от каждого взрыва, слышится свист пролетевшего снаряда. Жутко. Кто плачет, кто молится. Когда кончился обстрел, послышались шаги. Открылись с шумом двери, появились трое румынских патрульных. После вопросов, кто мы и зачем здесь, начали обыскивать. Отбирали разные ценности, деньги, карточки. Наконец, милостиво отпустили всех. Зайдя в свою комнату, я увидела квартиру точно после погрома. Вскрыты шкафы, чемоданы. Все содержимое выгружено. Не оставили и дамское белье,

духи, бинокли и прочие мелкие вещи. Мы остались почти без белья, не исключая и детского. Смотрели и молчали» [5, с.17–18]. Смотрели и молчали, а что могли сделать женщины и дети?!

18 декабря в балке за Массандровским парком расстреляли ялтинских евреев – женщин, детей, стариков. Вергасов, конечно, со слов ялтинцев, картину расправы восстанавливает так: «Начался медленный марш. Подгоняемые сытыми эсэсовцами и собаками люди шли молча. Тропа вела... к Наташинскому заводу. Там гудели машины. Звуки моторов как бы звали к себе. Все стали торопиться, как-то сразу появилась надежда какая-то. Она-то и ослепила. Люди не заметили, как вступили на массандровскую свалку, как часть охраны оттянулась назад и стала заходить стороной. Десятки пулеметов и сотни автоматов ударили одновременно. Все было заранее пристреляно... Трое суток немцы прятали следы ужасного преступления. Погибло много врачей, медицинских сестер, инженеров, актеров филармонии, аптекарей. Трусами забивали брошенные бетонные каптажи, а потом все это цементировали, замуровывали. Через неделю на массандровскую свалку пригнали партию пленных – политработников Красной Армии» [2, с.48]. Картину дополняет запись из дневника Шаргородской: «Вспомнила подробности расстрела, рассказанные очевидцами, бывшими на закопке и живых, и мертвых людей. Не по своей воле шли они на это дело. Ловили их на улице, вручали им лопаты и гнали под угрозой смерти. Многие за отказ закапывать людей пошли к последним, а некоторые не выдержали и сошли с ума» [5, с.18–19].

В нашем доме снимали квартиры две еврейские семьи, которые не эвакуировались (а эвакуироваться из Ялты было сложно) и попали в гетто. В одной, жившей на третьем этаже, было двое детей: Яша был старше меня, лет 13–14-ти, он до меня, что я уже отмечал, редко снисходил, и Адольф, белокурый и кудрявенький, ангельского вида, совсем маленький (и с таким впечатляющим именем). На втором этаже жила с матерью девочка Соня, может быть на год–два старше меня. У нас, похоже, наметились «дружба», которая была невозвратно прервана оккупацией.

О массовом расстреле я узнал из разговоров взрослых. Говорили тайком, озираясь. Рассказывали, что детям мазали под носом чем-то ядовитым, удушающим. Расправа с евреями, которых я воспринимал, как таких же людей, как и другие окружающие, произвела на меня тяжкое впечатление. Жаль было всегда готовой к общению Сони, с которой порой мы уперто спорили. Я не представлял, как можно было убивать та-

кого ребенка, как Адольф. Кроме меня, в нашем доме теперь других детей не осталось.

С той поры, с первых месяцев оккупации, я особенно люто ненавижу расизм и радикальный национализм. И весь последующий жизненный опыт убеждал в праведности такой гражданской позиции. Убеждал в этом и весь опыт оккупации. Высокомерность и брезгливость так и выпирала из мундиров немецких солдат и офицеров. Еще бы: вокруг одни недочеловеки. Но никогда я не переносил своего отвращения к ядовитому национализму на тот или иной народ. Прискорбно, когда народ, как это происходило в гитлеровской Германии, становится жертвой массового психоза.

Публичная демонстрация жестокости – следствие националистического отравления людского мировосприятия и психики. Врезались в память первые увиденные мною повешенные, с табличками «Партизан» на груди. Это произошло на столь знакомой и привычной Набережной, по которой я шел со своей тетей. Виселицы стояли на площадке, там, где от улицы ответвлялась тропа на территорию Курзеленстроя. Ветер с моря раскачивал трупы нескольких человек – мужчин и женщин. Тетя, сказав, чтобы я повернул голову и не смотрел на виселицы, быстро протащила меня, оцепеневшего, мимо повешенных. Я не рассмотрел ни их одежды, ни лиц.

В одном из своих выступлений по телевидению наблюдательный Никита Михалков как-то заметил, что на войне, которая идет на твоей территории, воюют все: и люди, и вещи. Любая вещь, попавшая в руки немца, становилась или чужой, или, оставаясь своей, высвечивала чуждую природу захватчика-присвоителя и отторгала его.

Но в Ялте обменивались не только слухами о партизанах. Самой большой гордостью патриотических крымчан была героическая оборона Севастополя. Новый 1942 год встречали известиями о высадке морских десантов в Керчи и Феодосии (26 декабря 1941 г. – 2 января 1942 г.), Евпатории (5–7 января 1942 г.) и Судаче (6–25 января 1942 г.). Надежды то вспыхивали, то угасали.

Зима 1941/42 гг. выдалась суровая. В Ялтинском партизанском отряде вначале было 132 человека, в живых после первой зимы в горах осталось трое. Зимой в субтропической Ялте не холод был самой страшной напастью, а голод. В конце 1941 г. в течение месяца мы питались кетчупом (у нас было несколько больших бутылей) и небольшими порциями неизвестно из чего выпеченного хлеба. Из съестного больше ничего не было. Уже упоминавшаяся Шаргородская сделала такую запись в дневнике: «21 января 1942 года. ... Третий день я ничего не ела, а сегодня отдала

Фреду два сухаря. Что будет завтра? Обещали дать стирку. Опять проклятая немецкая грязь. Выхода нет» [5, с.18]. Получить в стирку грязное белье от немцев было счастьем. Перед горожанами стоял жесткий выбор: либо умирать от голода либо соглашаться на любую работу, даже на ту, что предлагали захватчики [5, с.18].

Немецкий оккупант на набережной Ялты, 1943–1944 гг. Позади на столбе – разбитые часы

Некоторые женщины, собираясь в группы, брали санки или вещмешки и брели по дороге Ялта–Симферополь, через Алуштинский перевал, в разные предгорные и степные села менять одежду, обувь, серебряные украшения (все, что можно было и что имелось в доме) на продовольствие. За зиму тетя Люся, кажется, дважды отправлялась, как тогда говорили, «менять». Возвращалась и рассказывала о том, как германские солдаты, боясь партизан, охраняют дорогу и придирчиво проверяют у всех документы.

В пищу употребляли что угодно, и раньше несъедобное становилось съедобным. Собирали желуди и каким-то образом очищали их от горечи. Они были мягкими и жирными. К весне за зерно было отдано пианино. Но, сколько бы ни было проедено за зиму вещей, главное: мы

не опухли от голода и дожили до мая, до зелени, которой можно было утолить голод. Опыт выживания убеждал, что есть можно все, кроме камня, металла и отравы.

После эвакуации в мае 1942 г. советских войск с Керченского полуострова и падения Севастополя (30 июня – 4 июля), казалось, не осталось надежд на скорое освобождение Крыма от оккупантов. 17 июля начались оборонительные бои за Сталинград, был оставлен Донбасс, немецкие танковые и моторизованные части вылились на просторы Задонских, Сальских и Краснодарских степей. А тетя Люся повторяла: «Наши все равно вернуться, даже если отступят до Урала». Вот это греющее сердце «наши» лежало по одну сторону жизни, а по другую – было чужое и ненавистное «немец». «Наши» и «хлеб» – два волшебных слова времен войны.

Верификация

Верификация – проверка истинности. Утверждения историка удостоверяются их проверкой документальными данными и трактовкой фактов другими исследователями. Также верифицируются и факты в воспоминаниях, дневниках, письмах. Уже в предыдущем тексте частично верификация проводилась. Цитировались Вергасов, школьник Симонов и записи в дневнике Шаргородской.

Впечатления современников, особенно детские, индивидуальны и субъективны. Но их можно верифицировать впечатлениями других детей – современников событий. У нас такая возможность имеется. В Ялте был подготовлен сборник воспоминаний детей, переживших ноябрь 1941 – апрель 1944 гг. Имеются также очень детализированные воспоминания моего сверстника (чуть старшего по возрасту) Олега Завадского. Есть воспоминания и дневники ялтинцев, которые по разным причинам я не использовал, главным образом, из-за их информативности по отношению к моему тексту.

Попробуем выстроить события по их хронологии и их впечатляющему воздействию на детей.

Занятие вермахтом Ялты и первые впечатления. О немецких мотоциклистах на ялтинских улицах вспоминает Завадский: «...мы увидели выехавшего из-за здания фармацевтического училища мотоциклиста. Он пронесся мимо нас вверх по Аутской, не обращая внимания ни на что вокруг. Мы оторопели, и у обоих прошел по спине холод» [4]. Я бы эти и свои детские впечатления охарактеризовал как ощущение грозя-

щего каким-то невиданным будущим вторжения чуждой силы в жизнь города и семьи.

Многие недобрым словом отзываются о румынских солдатах-мародерах. Диляра Адаманова пишет: «Когда в город вошли немецкие захватчики, с ними было очень много румын. Они стали первым делом обыскивать все дома. Отбирать все съестное, все скудные запасы продуктов, которые попадали им на глаза. Румыны со словами "Партизан, партизан" лазили по кастрюлям...» [3, с.17].

И, конечно, многие вспоминают об упомянутых мною расстреле еврейских жителей города и повешенных на ялтинской Набережной партизанах.

Расправа с еврейским населением описана у Завадского, но, конечно, со слов взрослых: «Людей быстро выгружали из автобуса, детей отводили в сторону, где женщина-немка смазывала им губы ядовитой помадой, и они тут же падали замертво. Взрослых подгоняли к обрыву и расстреливали из пулеметов. Тела падали вниз среди крика, воплей и плача. Их небрежно прикрывали землей и ждали следующий автобус. Всего в то утро погибло более двух тысяч людей. Слух о расстреле распространился по городу мгновенно. Все затихли и с ужасом ждали, что будет дальше» [4]. Это описание, можно сказать, полностью совпадает с тем, что из уст взрослых слышал и я, впечатления тоже совпадают.

В своих воспоминаниях я писал о том, как с тетей проходили мимо повешенных на Набережной. Не могло это демонстративное карательное зверство не впечатлить и других детей. Зинаида Гринченко: «Помню, как немцы сгоняли горожан на Набережную, чтобы мы увидели, как на большой акации была повешена семья – мать, отец и их дочь. Увиденное перенесла очень тяжело. Ночью просыпалась, вскакивала, кричала, плакала. Мама после этого не пускала меня в школу» [3, с.87]. Людмила Деревянкина также вспоминает этот трагический эпизод и уточняет: на груди у повешенных были таблички «За связь с партизанами» [3, с.93]. Повешенной была семья Горемыкиных. За этой публичной расправой последовали новые. Завадский пишет об одной из более поздних расправ: «Осенью 1942 года там же, на других деревьях, недалеко от сегодняшнего магазина "Каштан" повесили 4-х молодых парней: Леонида Фиошина, Владимира Пискунова, Леонида Едыгарова и Михаила Долгополова. Не помню, почему в тот день я оказался на Набережной, но когда увидел висящие тела, не мог идти дальше, к горлу подступил комок, и ноги сами со-

бой свернули в сторону. Поразило, что жители спокойно шли мимо по своим делам, некоторые с любопытством вглядывались в лица висевших. Напротив, на тротуаре стояла группа немцев в ожидании своей машины, курили, разговаривали между собой, кто-то играл на губной гармошке. Смерть, убийство притупили чувства людей, к такому событию стали относиться равнодушно, как к обычному бытовому случаю» [4].

Отдельная тема – учеба в школе в период оккупации. Занятия в школах Ялты возобновились в начале 1942 г. Число учеников поуменьшилось, учителей тоже. Завадский учился в 4 классе мужской школы-гимназии. В этом классе было 14 ребят (русские, греки, два татарина; никакой национальной розни, подчеркивает мемуарист, не было). Уместно и мне в этой подборке впечатлений кое-что вспомнить. Я ходил в школу, расположенную в начале Аутской улицы. Моим соседом по парте был мальчик из семьи ялтинских греков. Учеба давалась ему туго, и я помогал, как мог. Мальчик был добрый и делился со мной частью своего домашнего школьного завтрака. Его отец чем-то торговал, и греческая семья жила по меркам военного времени в относительном достатке. Школу я посещал с удовольствием не только из-за потребности общения со сверстниками, но и потому, что нас там подкармливали завтраками. На завтрак полагалась запеканка, из чего она делалась, не могу сейчас вообразить, но во всяком случае она была съедобной, что в то время представляло немалую ценность. Остальное о школьной повседневности черпаю из воспоминаний сверстников. Завадский: «Немцы к нам не показывались. Учителя все были наши пожилые люди, ялтинцы, не успевшие эвакуироваться по тем или иным причинам. Обучение было таким же, как всегда. Домашние задания, ответы у доски перед классом, беготня и шумные игры во время перемен» [4]. Добавлю от себя: только в классе вместо портрета Сталина висел теперь портрет Гитлера. А.Ханило, тогда ученица 6–7 классов: «Немцев в школе мы никогда не видели, они не входили сюда. Занимались мы по нашим учебникам...» [3, с.331]. От себя: нежелательные фамилии и иллюстрации в учебниках были тщательно вымараны, замазаны чернилами или тушью. В.Савицкий: «Осенью 1943 года, когда мне исполнилось 9 лет, я пошел в Массандровскую школу. В одном классе за партой сидели разновозрастные дети войны. Учились писать на винных этикетках и старых газетах. Сами делали чернила из черных ягод. По вечерам с мамой учили буквы и таблицу умножения» [3, с.258].

И в заключение: никто из авторов воспоминаний не обходит ужасы голода с его обменом всего, что можно найти в семьях, на продукты. Дервянкина: «Нет ничего страшнее смотреть в глаза голодного, истощенного ребенка – вспоминала моя мама. И это заставляло ее, как и многих других матерей, идти на обмен в поисках куска хлеба». И та же Дервянкина: «А каким вкусным был хлеб с "усиками"¹ и лакомства кукурузного хлеба, выдаваемого нам по карточкам в угловом магазине на Виноградской улице (теперь аптека на ул. Чехова). Когда мама видела, с каким аппетитом я ела его, то пелена теплых соленых слез застилала ее глаза. Неразделимая боль намного больнее. Шли годы. Мне казалось, эта страшная война никогда не закончится» [3, с.94]. Зоя Кусиди: «Магазины не работали, продукты можно было достать только на базаре, меняли на ценные вещи. Наша мама, как многие, ходила на обмен в села. Мама приносила муку, отруби, макуху, масло. Жмых был нашим утешением. Макуха казалась такой вкусной, что мы не представляли другой радости, когда за щекой оказывалось это лакомство». И та же Кусиди: «Мы с нетерпением ждем нашу маму. С обмена не все возвращались. На ней не было лица, как говорили. Измученная, она нас обнимала, прижимала к себе, все мы плакали от горя и от радости – наша мама вернулась... Хлеб по карточкам давали на детей 200 граммов, на взрослых – 300 граммов. Пока дойдем до дома, съедим по дороге и идем в магазин взять на завтра (так можно было), а завтра уже ничего не ели» [3, с.163–164]. Игорь Симонов: «Наша семья не могла ходить на обмен в степные районы. Мы с мамой ходили на обмен в Ай-Василь и Дереккой. Там жили татары, которые имели мелкое хозяйство, плоды которого продавали на рынке и частично меняли. За кольцо из золота можно было выменять две буханки хлеба... Я ходил в госпитали, где лечили раненых. Я собирал мусорные шкурки от картофеля, которые варили, а потом жарили лепешки. Собирали и варили улиток, рвали молодую траву лебеду и использовали вместо капусты и щавеля» [3, с.267]. Диляра Адаманова из пригородного села Ай-Василь: «Нас в селе выручали от голода, в основном, фрукты, овощи, орехи, сады у нас в то время были неплохие. Но хлеба, зерна, предметов личной гигиены абсолютно не было. Мама с несколькими женщинами в компании, запрягшись в тачку, своим ходом через Симферополь несколько раз ходила в степные районы и выменивала там на вещи зерно и муку. Теперь это представить себе даже трудно, как эти слабые женщины могли это выдерживать» [3, с.17].

¹Хлеб с усиками – предположительно, какая-то смесь, возможно, с отрубями.

К 1943 г. продукты в обмен на вещи нельзя было получить, да и вещей у ялтинцев не оставалось. Не случайно в 1942 г. тетя Люся вывезла нас из Ялты. Мы уехали из полумертвой Ялты, спаслись от смертельно-голодной угрозы, но надолго оказались бездомными и неимущими.

**Ново-Ивановка:
в оккупированном селе.
Осень 1942 – лето 1943**

Наша семья, пережив голодную зиму 1941–1942 гг., решила покинуть Ялту. Появилась возможность составить компанию тети Люсиной знакомой, которая была не только «бывшей», но и фольксдойче (скорее всего, по одному из родителей)².

Знакомая стремилась вернуться в Харьков, где у ее родителей была отобранная советской властью собственность. Бабушка выезжать из Ялты боялась, но тетя Люся настолько измучилась за зиму, что готова была пойти на риск. Она настояла на своем авантюрном, а может быть, и разумном решении.

Сейчас не могу определить, сколько времени понадобилось, чтобы по железной дороге добраться до Харькова. Соответствующие документы тети Люсина приятельница обеспечила. Но то ли в дороге, то ли уже в Харькове между моей тетей и ее давней по Ялте подругой произошла размолвка, а точнее, похоже, ссора. Мы остались с чемоданами и сумками на вокзале. И там непредсказуемая судьба свела тетю с молодежниками, которые возвращались в родное для кого-то из них село, где надеялись на пристанище в сумятице того времени. Видя наше положение, эти случайные знакомые предложили составить им компанию, обещая, видимо, помочь в обустройстве в сельской местности. Это был выход из, казалось, безвыходного тупика. А у молодой пары, возможно, имелись и свои соображения. Как бы там ни было, мы смогли поездом добраться до неведомого нам досель Коломака, рядом с которым (в 3 км) располагалось село Ново-Ивановка.

Село Ново-Ивановка (ныне Новоивановское) состоит из двух частей, разделенных ставком (прудом) и вытекающей из него речкой Коломак. На левой стороне речки располагался сахарный завод и принадлежавшие ему строения, на правой – само село. Собственно село возникло при заводе постепенно. Формально село как отдельный населенный пункт числится с 1921 г., а завод основан еще до революции 1917 г. Видимо,

²Справка: «фольксдойче» – имеющие германские корни и являющиеся носителями «нордической» цивилизации проживающие вне Германии граждане других стран. Они пользуются рядом особых прав, привилегий по отношению к местному населению.

завод в годы гражданской войны не работал и часть его рабочих превратилась в сельчан, чему, надо полагать, способствовала аграрная реформа. В советское время завод возродили, а сельчане в годы коллективизации превратились в колхозников. В период оккупации, по существу, колхоз административно как хозяйственная единица сохранялся, были только увеличены приусадебные участки.

В 2001 г. в селе насчитывалось 213 чел. Полагаю, что примерно столько же, учитывая голод начала 1930 гг., а также коллективизацию и раскулачивание, было и в годы войны. От взгорбленного центра села вдоль речки в противоположные концы шли улицы (а, может быть, это была одна улица). Ново-Ивановка была типичным украинским селом лесостепной полосы. С огородами, которые начинались сразу же за двором каждой из хат. Главными огородными культурами были картофель и капуста. Почти в каждом дворе росли тыквы. В ряде дворов держали коров. Кур нигде не было: их извела война с ее хваткими солдатами.

Пристанище мы нашли (или нам нашли) в одной из хат на улице, вытнувшейся в сторону Коломака. Хозяйкой ее была женщина с девочкой, постарше меня. Первая зима на новом месте была тяжелой, но не голодной, как в Ялте, благодаря обмену вещей на продовольствие. Особенно нам помогли выжить иконы, которых у нас было немало. Нажитое предками по материнской линии добро спасало от голода.

Когда вещи иссякли, а это пришлось на конец весны – начало лета (цветы барвинки в лесу и начало сенокоса), нам в квартире отказали. Новым пристанищем стала пустая (почему-то ничейная) хата на «низовке». Низовкой именовали часть села, расположенную в низине, вдоль ставка. Не меньше двух раз на пару дней пришлось эту хату покидать. В ней тогда проходили противогазовую тренировку немецкие солдаты, время от времени дислоцирующиеся в Ново-Ивановке.

Думаю, что это переселение случилось не без помощи сельских властей. Тетя Люся к тому времени стала участвовать в работах на бывших колхозных полях, которыми теперь ведали сельские власти (старосты). Получила она и свой участок земельки для прокормления.

Прошел год нашей сельской жизни в оккупированной Ново-Ивановке. Не раз в селе останавливались немецкие воинские части. Немцы были разные. Повар одной из них всегда подкармливал нас остатками солдатского обеда. Чаще всего это был фасолевый суп. Как-то в этих краях побывали венгры. Их боялись больше, чем немцев.

Во время Харьковской наступательной операции в конце февраля 1943 г. в Ново-Ивановку вошли ненадолго красноармейцы. Мальчиш-

ки глазели на легендарные «Катюши». Трубы, уложенные на грузовики, впечатления не производили. Реактивных снарядов (да, насколько я помню разговоры, и никаких других) у красноармейцев уже не было. Боеприпасы находились на исходе. Немцы покинули село, но удерживали Коломак. Рассказывали, что Коломак был занят «нашими» в результате боя, в ходе которого погибли и некоторые жители села, сразу же мобилизованные и тут же брошенные на штурм немецких окопов.

Перебазировка семьи в Низовку изменила мою жизнь. Я познакомился с жившими в этой части села мальчиками. До этого моими компаньонами были только девочки – подруги дочери нашей первой домовладелицы. Пацаны приняли меня с любопытством, и я надолго стал частью их «низовой» компании.

Притирался я сложно. Сказывалась большая разница в жизненном опыте и восприятии мира. Меня больше всего удивило, что сельские мальчики ничего не знали о существовании имени «Олег». Оказалось, они не читали «Песнь о весте Олеге». Но и я удивлял своих сверстников. Помню, что я как-то объяснял, что такое море, но не помню, как я это объяснял. Слушали меня внимательно: никто из ребят моря не видел. С пригорка хорошо смотрелся ставок, и в лучшем случае у моих слушателей сложилось представление о море как о большом озере. Еще более причудливым был другой случай. Я рассказывал сказку Андерсена, и в моем пересказе лягушки кричали: «квокс-квокс-брекеке». Как только я это произнес, все ребята чуть не задохнулись от смеха, а я не мог понять – почему. Реакция объяснялась тем, что в их представлении кваканье лягушек звучало по-иному. Я же многое уже тогда черпал из книг, а не из жизненных наблюдений. С той поры я получил свое первое уличное прозвище: Квокс³.

**Ново-Ивановка – Кременчуг –
Ново-Ивановка.
Август – октябрь 1943**

В конце лета 1943 г., незадолго до или вскоре после освобождения Харькова 23-го августа, оккупационные власти, понимая, что наступательного напора Красной Армии не остановить, начали эвакуацию населения из Коломакского района. Ново-Ивановка с ее высоким берегом озера на заводской стороне была удобна для обороны. Не случайно

³*P.S. Только сейчас обнаружил в Интернете, что у Баума в мюзикле «Тик-Ток из страны Оз» есть персонаж – дракон Квокс, а по мюзиклу Баума имеется японский анимэ с присутствием того же дракона Квокса. Так что я – позволю себе пошутить – был некогда тезкой этого дракона.*

на этом береговом откосе в течение длительного времени красовались подбитые немецкие танки.

Испуганные люди под присмотром солдат вермахта и полицаев грузили на телеги самый необходимый скарб, запрягали в них коров и покидали со слезами на глазах родное село. Не знаю, как в соседних местах, но в Ново-Ивановке часть сельчан сумела найти прибежище в озерных камышах и уклониться от угона. Расположенный рядом с Ново-Ивановкой лес был заминирован.

Вдоль дороги вытянулся караван эвакуированных. У кого не было коров, шли пешком. Шли пешком и мы – тетя Люся, бабушка Еля и я, еще не достигший своего двенадцатилетия. Вещей у нас практически не было. Припасов тоже. Людей гнали по разработанному гитлеровцами маршруту в направлении к Днепру, но не по основному шляху Харьков – Полтава – Кременчуг, а по дорогам, проходившим южнее Полтавы. К вечеру мы прибывали в назначенный пункт, где нас кормили и выдавали хлеб. Все было строго нормировано. Помню два таких пункта – Красноград и Карловка. Ранним утром вновь отправлялись в неведомый путь. Постепенно то одна, то другая семья откалывалась от каравана и безвозвратно исчезала.

Где-то в пути часть детей собрали и погрузили в грузовик. Бабушка и тетя разыскали меня уже на сборном пункте в Кременчуге, там чудом семья воссоединилась. В середине сентября были освобождены Валки (16-го) и Коломак. 29 сентября состоялось освобождение Кременчуга. Каждый десятый житель города был угнан на принудительные работы в Германию.

В Кременчуге в спешке отступающей армии было не до эвакуированного населения. Мост через Днепр был перегружен: гитлеровцы и уходящие с ними бывшие советские граждане плотной массой заполнили его пространство. Мы нашли пристанище у добрых людей на окраине города. Ни их фамилии, ни их адреса я не знаю. Единственное, что я могу сделать спустя годы, так это сказать: «Спасибо, что помогли!» Праведники не только те, кто спасал евреев. Каждый кто кого-то спасал – праведник.

Расставшись с приютившим нас в Кременчуге гостеприимном домом, мы двинулись на старые места – в Ново-Ивановку. Обжитое место лучше нового. Да к тому же в Ново-Ивановке была «своя» земля для прокормления, что в военные годы значило немало. Расстояние от Кременчуга до Коломака около 200 (187) км. Его предстояло пройти пешком двоим истрепанным жизнью женщинам и не скажу малолетке, как и не скажу

отроку. Сколько дней на это понадобилось, восстановить не могу. Самым ярким впечатлением стала переправа через, как мне тогда казалось, многоводную реку Псел. Перебирались по конструкциям взорванного моста. Когда оказались на противоположном берегу, изнемогли и воспринимали это почти как чудо.

Путь лежал по дорогам, проходившим южнее Полтавы. Никаких городов не помню. Названий сел тем паче. Всегда хотелось есть и отдыхать. Силенок в хилом теле было мало. Представляю сейчас, каково было бабушке Еле!

С питанием было – что бог пошлет. Порой подкармливали добрые люди. Кое-что оставалось на осенних полях. Ночевать пускали неохотно: бродяги, да еще, может, и завшивленные. Иногда спали в сараях, иногда под открытым небом. Октябрьские ночи были холодными. Воспетая Гоголем Полтавщина воспринималась как земля черствых людей. С той поры я никогда на Полтавщине не был. Но литературных героев Гоголя любить не перестал. Правда, намного позже мне казалось, что картины Сорочинской ярмарки в чем-то сродни кинофильму «Кубанские казаки». Ялтинское довоенное детство было раем, но я оттуда был изгнан, как из рая были изгнаны Адам и Ева.

**Ново-Ивановка: советское
послеоккупационное село.
Октябрь 1943 – лето 1945**

С возвращением в ставшее для нас пристанищем село возник вопрос, где жить. Прежнее наше жилье – одинокая хата на Низовке – за время нашего отсутствия была уничтожена, кем и как – не ведаю. Новая советская власть (сельсовет – так я предполагаю) приняла решение подселить нас в такую же не имевшую своего собственного дома семью. Большой дом, принадлежавший юридически то ли сельсовету, то ли колхозу, уже приютил две семьи бедолаг, загнанных войной в Ново-Ивановку. Женщина с девочкой Машей, которая была меньше, чем я, вынуждена была потесниться, и как-то все устроились по поговорке – в тесноте, но не в обиде.

Зиму 1943/1944 года пережили: хоть голодно (очень голодно), но в относительно тепле. Благо лес начинался недалеко от дома. Однако, собирая сушняк, следовало соблюдать осторожность. Лес был заминирован. Во всяком случае в тех частях, которые прилегали к селу. Однажды я подорвался на сухопутной mine. Оглушило и мелкие осколки попали в руку (выходили потом долго). Отделался по мелочам, скорее всего потому, что осколки пронесли выше головы. Но шок был сильным,

и, возвращаясь домой, я потерял ориентиры и, выйдя из леса, двинулся не в ту сторону. Потом заметил текущую по руке кровь и пришел в себя. Позже один из сельских юношей все же на mine подорвался и нашел свою смерть в родном лесу.

В эту зиму я стал относительно самостоятельным. Как я уже писал, в селе был сахарный завод. Ряд семей держали коров, и зимой был спрос на жом, отходы от переработки сахарной свеклы. Эти отходы – прекрасный корм для скота. Мне предложили привозить жом с сахарного завода в один из дворов, где содержали корову. В качестве платы за работу меня подкармливали. Хуже всего приходилось бабушке Еле, которая из последних сил держалась на ногах.

Зиму 1943–1944 годов, да и 1944–1945-го мы продержались благодаря сахарной свекле, которую похищали из заводских буртов. Заготовленная для переработки свекла складировалась в простейшие хранилища – бурты, длинные пирамидально сложенные кучи, крытые для спасения от морозов соломой. Свеклу то варили, то пекли. Из нее готовили брагу, а из браги гнали самогон. Есть, кроме свеклы, было часто нечего, а самогон в селе был всегда или почти всегда. Несколько десятилетий после окончания войны я не мог переносить даже столовую красную свеклу, которую вылавливал из тарелки с борщом.

После освобождения села на полях можно было найти оружие и боеприпасы. Ребята научились бросать ручные гранаты, прячась от взрыва за подбитые танки. Гранаты были двух родов: наши с железной и немецкие с деревянной ручкой и так называемые лимонки с отрывным кольцом. Мы раскурочивали снаряды, извлекая из них орудийный пироксилиновый порох, спрессованный в длинные вермишелеобразные (макаронобразные) трубки. Как-то в камышах я нашел короткоствольную винтовку и решил пострелять. Однако вскоре ко мне подошли почти взрослые ребята из соседнего хутора и отобрали винтовку. С той поры я никогда в жизни не держал в руках боевую винтовку.

Появился и первый мой кумир – Иван Дорош. Он был среди нас постарше, но, главное, у него были природный ум и качества вожака. Как-то я получил от него подзатыльник за то, что сказал, когда же кончится этот противный дождь. Я даже сразу не понял за что. А все дело было в том, что у сельских ребят и у меня было разное измерение природных явлений. Они делили дожди на полезные и вредные в зависимости от того, как те влияли на сельхозкультуры.

Открылась школа, и я пошел в четвертый класс. Обучение велось на украинском языке, которым я к тому времени владел уже свободно. В селе мало кто говорил по-русски. Ни учебников, ни тетрадей не было. Писали на газетной бумаге, и сброшюровывали ее, сшивая бумажные листы нитками (так мне кажется, хотя я не уверен теперь в том; вопрос для себя: откуда взялись в войну нитки в селе). Обувь у меня не было. Ступни обвязывались тряпками, а снизу к ним прикреплялась дощечка. Хорошо, что начальная школа была рядом, наискосок от дома, где нас разместили. Летом обувь не требовалась, ребятня «ходила босиком».

Как-то я узнал, что в райцентре открылась библиотека и с наступлением тепла стал ее посещать. Первой книгой после длительного перерыва была повесть Жюль Верна «Робур-завоеватель». Кругосветное путешествие изобретателя Робура на созданном им летательном аппарате было увлекательным чтением. Прочел книгу что называется взахлеб. Других книг не помню. Выбор в послеоккупационной библиотеке был скудным. Возможно, имелся Гоголь, но уже ранее читанные произведения, потому и не запомнилось.

Летом в библиотеку перестал ходить, поскольку подрядился пасти коров. Так я решил вопрос с пропитанием. По утрам перед выгоном коров меня кормили. Обычно это была пшенная каша, запивал ее я молоком. Коров пасли в яру, который примыкал к лесу. По дороге к яру находились развалины дома, в котором когда-то жил хуторянин. И сам хуторянин, и его дом стали жертвами коллективизации. Почему-то эти развалины вызывали у меня интерес. Совместная пастьба сблизила с сельскими ребятами. В жаркие дни они покидали на мой присмотр своих коров. За это я получал бутылку молока и кусок хлеба, иногда даже с маслом. Кто-то из них жертвовал завтраком, зато у ребят появлялась возможность сбегать в лес, где находились два небольших пруда. А я, бегая за коровами и сидя на молочной диете, окреп, хотя и окрепнув, физической силой не отличался.

В дальнейшем меня присмотрела семья Гришаков. Когда-то эта семья была весьма зажиточной. У них был даже кирпичный дом с жестяным покрытием (знак благосостояния). В годы раскулачивания Гришаки покинули село и некоторое время жили где-то на Донбассе. В войну они вернулись в родное село. У них была корова, которую поручили мне. Я даже научился водить коров на пахоте. Две семьи с коровами договаривались и составляли общую упряжку. Питаться я теперь стал

за общим семейным столом. Чувствовалось, что Гришаки хотели бы меня усыновить.

Но у меня была тетя Люся, и я считался как бы ее сыном. Бабушка Еля, пережив зиму 1943/1944 г., умерла, оставив нас вдвоем. Силы ее были подорваны военными невзгодами. На свой любимый родной юг она не вернулась. Осталась на харьковской земле.

С освобождением Крыма в апреле 1944 г. тетя Люся списалась с тетей Олей (сестрой моего отца) и другими ялтинцами. Нашелся и отец. С ним тетя Люся также вступила в переписку. С начала войны он стал писать заявления с просьбой отправить на фронт. Освобожденный из семилетнего (по существу ни за что) заключения отец в январе 1943 г. попал в морскую пехоту, находившуюся на Ленинградском фронте. В его красноармейской книжке имелась запись «краснофлотец – стрелок морской пехоты». С сентября по ноябрь 1943 г. он в составе особого подразделения принимал участие в обороне «Ивановского пятачка» под Ленинградом (название плацдарма на берегу реки Тосна)⁴. Так я из сына зека стал сыном участника Великой Отечественной войны. Осенью 1944 г. (могу ошибиться во времени) отец неожиданно (не знаю, как и за какие заслуги его отпустили) приехал на несколько дней в Ново-Ивановку. Ему удалось добиться в сельсовете выделения нам дров на зиму, и я с гордостью видел, как он ловко управляет лошадьми в повозке, предназначенной для перевозки дров. Мой авторитет среди ребятни как сына моряка значительно вырос. Солдат село видело многократно, а моряки были редкостью и пользовались уважением со времен гражданской войны.

Примерно в 13 лет произошло связанное с моим внутренним миром событие. Собственно, это было не событие, а некое озарение. Ко мне пришло осознание своего призвания и предназначения. В самом общем, абстрактном, можно сказать, виде. Я понял, что буду писать книги. Какие и о чем – было не очень ясно. Но в том, что я выбрал путь «писания», сомнений не оказалось. Это был внутренний голос, императив.

Весна 1945 г. связана в моем сознании с Победой. Удивительное ощущение того дня – все братья и сестры в радости – непреходяще. Даже радость не то слово. Здесь больше подходит коллективное ликование. Фейерверков в честь Победы не было. Но воодушевляло другое общее: надежды... Надежды затмевали окуджавское: «ах, война, что ты сделала, подлая».

⁴ Он же – Невский пятачок, Невский порог. Плацдарм на Тосне советские войска удерживали с 19 августа 1942 г. по 22 января 1944 г.

Война стала для меня больше школой, чем школа. Из мира книжного она погрузила в мир суровых реальностей. Во время войны самое ценное после жизни – это еда. Впрочем, еда и была жизнью. Отец никогда не вспоминал об осажденном Ленинграде. И не нужно объяснять – почему. Война научила ценить вкус хлеба и человеческую доброту.

Библиографический список

1. Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне, 1941–1945 / отв. ред. А.М.Самсонов. М.: Наука, 1987. 335 с.
2. Вергасов И.З. Крымские тетради. Роман-хроника. М.: Современник, 1978. 445 с.
3. Детство, опаленное войной. Коллективный сборник. Рассказы тех, кто был и выжил в те суровые годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / отв. секретарь Н.Т.Полякова. Ялта, 2011. 422 с.
4. Завадский О.А. Умножение (Глазами ребенка война и немецкая оккупация Ялты. 1941–1944 гг.) // Сайт: Старая Ялта. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://oldyalta.ru/325-glavnoe-pomnit-o-dostoinstve.html> (дата обращения 31.03.2021).
5. Славич С.К. Три ялтинских зимы: Повесть. Симферополь: Таврия, 1979. 271 с.

Наши авторы

Сафарян Левон Араикович

сотрудник Центра проблем Кавказа
и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
истории России, Средневековья и Нового времени РГГУ

Плех Олеся Анатольевна

кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института российской истории РАН

Жбанкова Елена Васильевна

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
региональных исследований факультета иностранных языков
и регионоведения, МГУ имени М.В.Ломоносова

Лупанова Евгения Михайловна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела
истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. МАЭ РАН

Груздинская Виктория Сергеевна

аспирант кафедры современной отечественной истории и
историографии Омского государственного университета
им. Ф.М.Достоевского (Омск, Россия)

Ковалев Михаил Владимирович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН и Архива РАН,
доцент Саратовского государственного технического
университета имени Ю.А.Гагарина, приглашенный профессор
Высшей экономической школы в Праге

Зеленов Михаил Владимирович

доктор исторических наук, главный специалист РГАСПИ

Писарькова Любовь Федоровна

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Горячева Анна Николаевна

студентка третьего курса, Государственный академический уни-
верситет гуманитарных наук (ГАУГН), Культурология

Волобуев Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник Московского государственного
областного университета

Our authors

Safarian Levon Araikovich

Employee of the Center for Caucasian Problems
and Regional Security, MGIMO University

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci., historian, Professor, Professor Chair of Early and Early
Modern Russian History, Russian State University for Humanities

Plekh Olesya Anatolyevna

Ph.D., historian, research scientist of the Institute
of Russian History of RAS

Zhbankova Elena Vasiljevna

D.Sci., historian, Associate Professor, Professor,
Dpt. of Area Studies, Foreign Languages and Regional Studies
of The Moscow State University

Lupanova Evgeniya Mikhailovna

Ph.D. In history, senior researcher at Museum of Anthropology
and Ethnography, Russian Academy of Sciences

Gruzdinskaya Viktoriya Sergeevna

post-graduate student of Department of Modern National History and
Historiography, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Kovalev Mikhail Vladimirovich

Ph.D., historian, Associate Professor, Senior Researcher
in the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
and the Archive of the Russian Academy of Sciences, Associate
Professor in the Yu.A.Gagarin Saratov State Technical University,
Visiting Professor in the Higher School of Economics
in The University of Economics, Prague

Zelenov Mikhail Vladimirovich

D. Sci., historian, Professor, head specialist,
the Russian State Archive of Socio-Political History

Pisar'kova Lyubov' Fedorovna

D.Sci., historian, senior researcher of Institute
of Russian history of Russian Academy of Sciences

Goriacheva Anna Nikolaevna

third year student, State Academic University
of the Humanities (GAUGN), Cultural Studies

Volobuev Oleg Vladimirovich

D.Sci., historian, Professor, Chief Researcher
of the Moscow State Regional University

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECS.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киосках РОССПЭНа
по 2 адресам:**

- ул. Б. Дмитровка, д.15, тел. 8-495-694-50-07;
- ул. Дмитрия Ульянова, д.19, тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2021.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-74-79, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 01.05.2021. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,5 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ №**

**Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.**

2.2021 march-april

Geopolitics and International Policy Issues

Levon Safarian

The History of the Origin of the Kurdish
Question in Iraq: from the Origins
to the Dictatorship of Saddam Hussein _____ 6

Labels and Myths

Andrey Yurganov

Strange Satirical Picture in the Magazine
«Crocodile» and the Political Struggle at the
October Plenum of the Central Committee
of the CPSU (b) in 1927 _____ 28

Pages of History

Olesya Plekh

«I humbly beg you, the honorable benefactor...»:
Informal Relationship between Authority and
Business in the 1st Quarter of the 19th Century _____ 42

Elena Zhbankova

Russian Ball of the XIX – early XX Centuries
(What and How our Ancestors Continued to Dance) _____ 58

Resources of Nation

Evgeniya Lupanova

Opening Hours of Lieutenant of the Fleet
Yegor Ovtsyn – a Unique Exhibit of
the 19th Century Kunstkamera _____ 84

Russia in the World

*Viktoriya Gruzinskaya,
Mikhail Kovalev*

«The publishing a book in German could
cause serious damage to the good reputation
of Soviet science abroad»: Soviet and
Czechoslovak Antiquity Researchers in the
Discussion on Plagiarism (1950s) _____ 94

Topical Archive

Mikhail Zelenov

The People's Commissariat of Foreign
Affairs between Political Podium and
Military Institution: The Correspondence
between the People's Commissar of
Foreign Affairs G.V.Chicherin and Chair
of the Council of People's Commissars
V.I.Lenin, 1919–1920 _____ 114

*Lyubov' Pisar'kova,
Anna Goriacheva*

Life in the Donbass in the 1920s – 1930s.
From the Memoirs of F.A.Pisarkov __ 138

Oleg Volobuev

War in Childhood Memory and
in the Memory of Past Years _____ 158

РОССИЯ XXI